

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е. В. Руденский

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВВЕДЕНИЕ
В КУЛЬТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКУЮ
ВИКТИМОЛОГИЮ**

НОВОСИБИРСК
2012

УДК 159.9+008+316.7

ББК 88.594+88.5+71.0

P83

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор

Е. Л. Руднева;

доктор педагогических наук, профессор

Е. В. Андриенко

Руденский, Е. В.

P83 Концептуальное введение в культурно-генетическую виктимологию : монография / Е. В. Руденский ; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2012. – 180 с.

ISBN 978-5-00023-032-9

Монография представляет концептуальное введение в культурно-генетическую виктимологию, которую автор преподносит как часть системно-интегрированного виктимологического знания, реализующего основные идеи и теоретико-методологические позиции социально-психологической школы виктимологии, основателем которой является автор – ученый, педагог и практикующий психолог-виктимолог и социальный терапевт.

Монография раскрывает концептуальные основания понимания культурно-генетической виктимологии как отрасли знания, представляющей механизмы и детерминацию зарождения, формирования и развития жертвы культурного виктимогенеза личности. Монография является дидактической научной системой, представляющей систему концептов социально-психологической виктимологии и методологию психологической гносеологии стресса аккультурации как детерминанты психологического виктимогенеза личности.

Дидактический характер монографии обусловлен тем, что она создана для использования в учебном процессе подготовки магистров психолого-педагогического образования по программе «Психологическая и социально-педагогическая виктимология».

УДК 159.9+008+316.7

ББК 88.594+88.5+71.0

ISBN 978-5-00023-032-9

© Руденский Е. В., 2012

© ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.	4
Культурно-генетическая виктимология как социально-психологическое знание о дефицитной деформации личности.....	12
Методологическая концептуализация дефицитной деформации личности	45
Концептуализация гносеологической модели дефицитной деформации личности.....	60
Концептуализация деструкции экзистенциальной мотивации дефицитной деформации личности.....	87
Концептуализация деструкции интерактивного механизма дефицитной деформации личности.....	100
Концептуализация деструкции интерактивного механизма экзистенциальной психодинамики дефицитной деформации личности.....	120
Концепция методики исследования детерминант дефекта интерактивного культурогенеза личности.....	146
Заключение.....	173
Библиографический список.....	176

ВВЕДЕНИЕ

Реальность современной России такова, что дисфункции в социализационной системе страны приводят значительное количество людей к тому, что уровень их социализированности не отвечает условиям жизни и не дает возможность полноценно функционировать в обществе. И это потому, что *люди становятся жертвами дисфункции социализационного механизма онтогенеза личности – социального дизонтогенеза личности*. А это создает уникальное по своей сущности и уровню проникновения в судьбы людей социальное явление – **виктимизм**: состояние идентификации себя самого жертвой, чувство собственной беспомощности в разрешении проблемных ситуаций жизни и жажда агрессивной компенсации собственной социальной дефектности, даже ценной собственной деградации как личности и как социального субъекта.

Социальным зеркалом российского виктимизма стала телевизионная программа А.Малахова «Пусть говорят!». В этой ежедневной программе первого канала Российского телевидения предстает многоуровневая панорама социальной деградации личности и антропологической катастрофы человека эпохи социальной трансформации. Это эмпирический индикатор прогресса социально-психологического виктимизма. Динамика прогресса виктимизма определяет тенденции деструктивной социализации и утраты ею субъектного статуса в общественной жизни.

Причиной этому являются социальные патологии личности (*социализационный дефицит онтогенеза*) и культурные патологии (*культурно-дефицитный онтогенез*), являющиеся деструктивными результатами дефекта социализации как нормативного (что проявляется в несоответствии уровня социальных норм реальности социальной жизни человека), так и социально-культурного (выражающегося в утрате духовности адекватной антропологическому статусу человека в мире).

Дефект социализации приводит человека к состоянию личной виктимности.

Личная виктимность – это социально-дефицитная уязвимость человека, создающая основания для трансформации в виктимную личность.

Виктимная личность – это человек-жертва дефицитной деформации. Деформации, которая возникает и развивается в процессе критического социального функционирования личности с синдромом виктимности.

Синдром виктимности – это система взаимосвязанных социальных и психологических качеств личности – дефицитов компетентностей, формирующих

социальную уязвимость – дефицит потенциалов адаптивности и риск критического социального функционирования.

Критическое социальное функционирование личности – это выполнение человеком социальных функций в условиях дефицита необходимого для этого потенциала – в ситуации невозможности. Ситуации невозможности (по Ф.Василюку) это кризис, конфликт, фрустрация, стресс. Ситуации, которые становятся для человека триггером дефицитарной деформации личности.

Дефицитарная деформация личности возникает в случае, если личность в силу пережитой в раннем детстве социально-психологической депривации имеет **социализационный дефект онтогенеза** (*психологическое измерение виктимности*) и **социализационный дефект социально-личностной компетентности** (*социально-педагогическое измерение виктимности*).

Личность как жертва социализационного дефекта онтогенеза является объектом внимания психологической виктимологии.

Психологическая виктимология – социально-психологическая теория дефицитарно-интерактивного виктимогенеза – зарождения, формирования и развития социализационного дефекта онтогенеза, приводящего к возникновению дефицита психических функций, которые блокируют возможность адекватного и адаптивного удовлетворения социальных потребностей и обуславливают инадаптацию личности, деформирующую ее и препятствующую полноценному социальному функционированию. Психологическая виктимология концентрирует внимание на проблемах, которые порождены феноменом **«культурная патология личности»**. Патологии, разрушающей личную целостность и определяющую деформацию социально-психологической структуры личности. Что приводит к ограничению потенциала полноценного социального функционирования и разрешение проблем, возникающих в его процессе.

Личность как жертва социализационного дефекта социально-личностной компетентности является объектом внимания социально-педагогической виктимологии.

Социально-педагогическая виктимология – социально-психологическая теория дефицитарно-интерактивного виктимогенеза – зарождения, формирования, развития социализационного дефекта социально-личностной компетентности, приводящего к дефициту адаптивности, что обуславливает инадаптацию личности, которая создает риск социальной деградации личности и препятствует полноценному социальному функционированию. Проблематика социально-педагогической виктимологии основывается на исследовании проблем, порожденных феноменом **«социальная патология»**.

Механизм зарождения, формирования и развития социализационного дефекта социально-личностной компетентности исследует социально-генетическая виктимология.

Социально-генетическая виктимология – социально-психологическая теория социально-дефицитарного виктимогенеза личности – зарождения, формирования и развития социализационного дефекта социально-личностных компетентностей, который определяет формирование виктимности личности, детерминированного социально-психологической депривацией, деформирующей межличностные отношения и межличностное общение, деформирующее социальную ситуацию социализации и на этой основе формирующая риск виктимизации человека.

Круг изучаемых социально-педагогической виктимологией проблем связан с феноменом **«социально-психологическая депривация»**.

Механизм зарождения, формирования и развития социализационного дефекта онтогенеза личности исследует культурно-генетическая виктимология.

Культурно-генетическая виктимология – социально-психологическая теория культурно-дефицитарного виктимогенеза личности, раскрывающая закономерности и механизмы зарождения, формирования и развития социализационного дефекта онтогенеза, детерминирующего возникновение дефицита психических функций и дефицита адаптивного потенциала личности, блокирующих возможность и полноценность социального функционирования. Культурно-генетическая виктимология рассматривает проблемы, которые возникают вследствие возникновения феномена **«стресс аккультурации»**.

А технологии девиктимизации – диагностические и терапевтические исследует социально-клиническая виктимология.

Социально-клиническая виктимология – социально-психологическая теория девиктимизации личности, включающая в качестве основных элементов своей структуры: социологию дефицитно-интерактивного виктимогенеза личности; социатрию как социально-психологическую теорию девиктимизации; социальную терапию виктимной личности как социально-психологическую технологию девиктимизации личности; терапевтическую виктимодиагностику личности.

Психологическая виктимология, социально-педагогическая виктимология, социально-генетическая виктимология, культурно-генетическая виктимология, социально-клиническая виктимология являются разделами системы виктимологического знания – социально-психологической виктимологии.

Социально-психологическая виктимология – это система виктимологических теорий социальной психологии личности сформированных на основе концепций педагогического социологизма онтогенеза личности и концепций социально-когнитивного конструктивизма социогенеза личности. Социально-психологическая виктимология базируется на дескрипторной методологии, которая определяет основные методологические принципы интерпретации феноменологии, онтологии, морфологии и онтологии виктимогенеза личности.

К таким принципам относятся:

- **принцип целостности социальной и психической организации личности**, формирующий понимание и концептуальную трактовку эталона конструктивной результативности функционирования социализационного механизма онтогенеза личности и определяющий целостность как потенциальную готовность к разрешению проблем социального функционирования и динамического социально-психологического социализации;
- **принцип деформационного детерминизма виктимогенеза личности**, раскрывающий понимание деформации как нарушения целостности, которая снижает возможности разрешения личностью проблем социального функционирования и создает риск онтогенетической неудовлетворенности, проявляющейся как конфликтное состояние и социальная фрустрация;
- **принцип дефицитарности**, раскрывающий роль и понимание дефицита как детерминанты виктимогенеза и формирующий понимание исходного дефицита как триггера виктимогенеза личности;
- **принцип дефицитарной реципрокности**, концептуализирующий понимание того, что исходный дефицит служит основанием для возникновения виктимогенеза, который понимается как цепь взаимозависимых дефицитов, приводящих личность к социально-психологической депривации в процессе первичной виктимизации и к состоянию дефицитарной деформации – в процессе вторичной виктимизации. Это обуславливает формирование синдрома личной виктимности (деструктивная результативность первичной виктимизации) и синдрома виктимной личности (деструктивный результат вторичной виктимизации);
- **принцип социально-ролевой детерминированности дефицитарной деформации личности**, обосновывающий понимание роль и

значение деструктивной социальной роли как функционального механизма виктимогенеза;

- **принцип взаимозависимости процессов виктимогенеза личности:** социально-психологическая депривация, социальная фрустрация; дефицитарная деформация, реализующаяся в двух основных направления – социально-дефицитарная деформация (область интересов социально-педагогической виктимологии) и патохарактерологическая деформация (область интересов психологической виктимологии);
- **принцип обратимости,** определяющий роль девиктимизации личности как решения задач ресоциализации – восстановления социальной и психологической целостности;
- **принцип социального активизма,** обосновывающий роль и значение активности жертвы деструкции социализационного механизма онтогенеза в решении задач девиктимизации.
- Методологические принципы социально-психологической виктимологии определяют понимание ее объекта и предмета, а так же места в структуре психолого-педагогического знания о развитии, становлении и функционировании человека как социального субъекта.

Социально-психологическая виктимология развивается на концептуальных идеях социализационно-компетентностной парадигмы социально-психологической теории социализации и раскрывает систему детерминант, закономерности и механизмы дефицитарно-деформационного виктимогенеза личности и разрабатывающего на этом основании теорию и практику девиктимизации личности.

Схематически социально-психологическая виктимология как система знания о виктимизации и девиктимизации личности, детерминантах и механизмах, порождающим эти социальные явления выглядит следующим образом:



Рис. 1. Морфология системы социально-психологической виктимологии

В системе социально-психологической виктимологии теория дефицитного виктимогенеза личности рассматривается на двух уровнях: на социальном – социально-генетическая виктимология и на психологическом – культурно-генетическая виктимология.

Культурно-генетическая виктимология – это раздел социально-психологической виктимологии, который раскрывает механизмы вторичной виктимизации личности, которые запускает стресс аккультурации.

Феномен «стресс аккультурации» интерпретируются нами на основе рассмотрения феномена «психологическая аккультурация», который впервые представил в социальной психологии Т.Грейвис. Он понимает психологическую аккультурацию как процесс изменения в психологии личности под воздействием культуры.

Изменения в процессе психологической аккультурации для социализирующейся личности носят характер стресса, если есть факт личной виктимности, и проявляются в напряжении эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферах и создают риск диффузии социальных ролей. Стресс аккультурации запускает развитие кризиса социальной идентичности.

Культура как фактор социализации личности, является своеобразным стрессором для того кто, имея виктимность, не владеет необходимым личностным потенциалом (чаще всего это дефицит адаптивного потенциала). Поэтому, стресс аккультурации создает деформирующую психическую напряженность –

состояние, оказывающее сильное отрицательное влияние на процессы вторичной (социально-ролевой по Т.Лукману и П.Бергеру) социализации личности. Возникает риск возникновения культурных патологий и деформации личности, что приводит к развитию психологического комплекса виктимной личности.

Вот с этих позиций и представлено концептуальное введение в культурно-генетическую виктимологию, которая является разделом социально-психологической виктимологии и представляет основные характеристики вторичной (культурной) виктимизации личности, механизмы формирования культурных патологий и раскрывает культурно-дефицитный онтогенез личности. Начало, которому дает ситуация перехода от эвентуальной (скрытой) виктимности – к децидивной (действенной) виктимности. Процесс такого перехода – это процесс психологической аккультурации. Социализационный дефицит онтогенеза личности и рожденная им личная виктимность создают риск зарождение, формирование и развитие стресса аккультурации. Стресс аккультурации и есть триггер культурно-генетической виктимизации личности. Это проблеме и посвящена работа, получившая название «Концептуальное введение в культурно-генетическую виктимологию». Такое название определено тем, что представляя культурно-генетическую виктимологию, мы вводим систему концептов, характеризующих ее, как раздел социально-психологической виктимологии, и на этой основе представляем авторскую концепцию понимания виктимогенеза личности.

Концепцию, которая синтезирует субъектно-интерактивный, социально-когнитивный, конструктивистский, социализационный, компетентный, онтогенетический подходы к исследованию проблем виктимогенеза личности в современном обществе и современной российской культуре. Все эти подходы интегрированы на основе социально-психологической теории личности, рассматривающей личность как социального субъекта.

Текст монографии представляет собой авторскую интерпретацию огромного массива библиографических источников, авторов которых мы называем в тексте, но не цитируем, хотя часто используем их идеи и мысли, но в новом качестве – интерпретативном. Эта работа – интерпретативное знание. Поэтому ссылок не делаем, а указываем авторскую принадлежность мысли, взгляда, идеи. Много в тексте ссылок на экспериментальные исследования, в которых активное участие приняла кандидат социологических наук, доцент Ю.Е.Руденская.

А также мои аспиранты, а ныне кандидаты социологических, педагогических наук, доценты и профессора российских высших учебных заведений, сту-

денты НОУ «Колледжа психологии Института психологии личности». Это работа – результат коллективного научного действия: экспериментального и интерпретативного. Поэтому изложение ведется от третьего лица. Используя этот прием представления материала мы подчеркиваем то, что социально-психологическая виктимология, не смотря на то, что ее часто называют социально-психологической виктимологией Е. В. Руденского, – это результат коллективного труда.

Эстафету такого труда сегодня взяли магистранты Новосибирского государственного педагогического университета, обучающиеся по программе «Психологическая и социально-педагогическая виктимология». Для них написана эта работа. Это их дидактический инструмент в освоении теории виктимогенеза личности.

КУЛЬТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ О ДЕФИЦИТНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Культурно-генетическая виктимология разрабатывается на материалах исследования, которое раскрыло социально-психологический подход к пониманию проблем дефекта социального онтогенеза личности подростка, которые, к сожалению, не стали предметом внимания психологии развития.

Эта работа начата в 1970 году в городе Мыски, Кемеровской области, затем была продолжена в Кемерово. А с 1991 года она продолжена в Новосибирске. И, она, эта исследовательская работа продолжается и сегодня.

В процессе этих исследований, в которые были вовлечены не только подростки, их учителя и родители, было сформулировано *понимание виктимизации как социально-деструктивного механизма онтогенеза личности*, жертвой которого является социально неадекватная личность.

Социальная неадекватная личность как жертва деструкции интерактивного механизма культурогенеза рассматривается в разрабатываемой нами социально-психологической школе виктимологии, в качестве *виктимной личности*. Риском формирования виктимной личности является личная виктимность – социальная уязвимость личности к критическим ситуациям социального функционирования.

В наших исследованиях фокус внимания сосредоточен на виктимной личности подростка. Личная виктимность рассматривается как фактор риска и индикатор первичной виктимизации, создающий риск вероятности стресса аккумуляции. Стресс аккумуляции – это пусковой механизм дефицитной деформации личности. Дефицитная деформация личности определяет сущность вторичной виктимизации. Виктимизации, ведущей к формированию виктимной личности.

Актуальность обращения к теме исследования культурно-генетической виктимизации личности подростка обусловлена её психологическим статусом в новой социокультурной ситуации, которая сложилась в настоящий момент в России и состоянием реальной практики социально-психологической деятельности в основных сферах духовной жизни общества: культуре, образовании, социальной защите и социальном воспитании личности.

Анализ практики современной социально-психологической деятельности указывает на наличие комплекса проблем в формировании социальных качеств личности. Качеств, которые необходимы подростку для эффективной интегра-

ции в общество. К таким качествам мы относим, прежде всего, неадекватный реалиям практики социального функционирования личности уровень развития социальной компетенции (интерсубъектные качества личности) и дефицит психо-культурного потенциала личности (интрасубъектные качества).

Исследования отечественных и зарубежных социологов, социальных психологов, культурологов и специалистов в области психологии социализации, осуществленные в течение последних пяти лет в России, убедительно доказывают *наличие несоответствия уровня развития культурного потенциала личности, тем задачам социального функционирования, с которыми личность сталкивается в повседневной своей жизни.*

Это несоответствие обусловило массовую манифестацию дефицитной деформации личности, одной из модальностей которой является ***психокультурная деформация личности.***

Особенно яркие дебюты манифестации психокультурной деформации личности отмечены в среде учащейся молодежи «кризисного возраста» – подростков. Здесь одновременно с ростом агрессивной делинквентности, различных форм социальной девиации, жесткой агрессивности и деструкции межличностных отношений, резко выросли аддиктивные формы поведения на фоне прогрессирующей экзистенциальной фрустрации и ноогенного невроза.

Материалы нашего исследования, проведенного в городе Новосибирске в 1994-2012 годах, показывают наличие в среде подростков *социализационного дефекта онтогенеза*, имеющей культурно-генетическое основание и создающее риск зарождения, формирования и развития социальной виктимности.

Таким культурно-генетическим основанием, определяющим развитие феномена социальной дефектности личности подростка, является *дефицит интерактивного культурогенеза личности.*

Интерактивный культурогенез личности как социально-психологический механизм онтогенеза личности, обоснован нами как механизм, ориентированный на формирование интра-субъектного социального качества личности – его психо-культурного потенциала.

Конструктивным результатом действия механизма интерактивного культурогенеза личности является динамически развивающаяся система психокультурных потенциалов, в форме психологических техник осознанной регуляции механизмами личности, обеспечивающими её социальное функционирование и интеграцию в обществе.

Качественной проверкой эффективности интерактивного культурогенеза личности как социально-психологического механизма является ситуация тран-

зиции (психосоциального перехода) от гетерономного состояния к автономному состоянию социального функционирования.

В реализации этой задачи психосоциального перехода (а он выпадает на подростковый возраст) личности возникает риск психологической аккультурации. То есть осуществить переход от одной системы психологической регуляции (в данном случае приемлемой для культуры детства) к другой психологической системе регуляции, означает, что личность должна преодолеть психологическую аккультурацию. В условиях дефицита психо-культурного потенциала стресс аккультурации наиболее вероятен и наиболее деструктивен.

Дефицит психо-культурного потенциала личности, который является следствием дефицитной деформации развития, определяет развитие процесса психологической аккультурации по известной динамике стресса. Возникает своеобразный психо-культурный и психосоциальный кризис, который мы определяем как *стресс психологической аккультурации*.

Психологическая аккультурация – это механизм трансформации системы психической регуляции, который действует в условиях перехода от одной культуры к другой: от культуры детства к культуре взрослых. Стресс аккультурации возникает при наличии у подростка синдрома личной виктимности. Это связано с тем, что эвентуальная (скрытая) виктимность под воздействием стресса аккультурации создает основание для перехода в состояние децидивной (действенной).

Стресс психологической аккультурации новое явление возрастной, педагогической психологии, так же как и новым является этот феномен для психологии развития, психологии личности. Но мы рассматриваем это явление как категорию социально-психологической виктимологии личности. В этом контексте стресс психологической аккультурации – это социально-психологический индикатор дефекта интра-субъектного социального качества личности.

Такой дефект целесообразнее определять через категорию **дефицит психо-культурного потенциала личности**.

Стресс психологической аккультурации как динамическая характеристика наиболее острых и патогенных форм возрастного кризиса, переживаемого подростка, связан с утратой (в следствии социально-психологической депривации) культуры детства и дефицитом культурных и психологических потенциалов, необходимых для овладения требованиями, предъявляемые культурой взрослых.

Динамика стресса психологической аккультурации у подростков осложняется социально-стрессовым состоянием российского общества. Это состояние можно обозначить как ситуацию массовой динамики социально-психологической виктимизации.

Это обуславливает феноменальное, по своему деструктивному и патогенному влиянию, состояние социально-психологической ситуации развития субъектных качеств личности подростка.

Феноменальность определяется тем, что одновременно под воздействием стресса находятся и интра-субъектность личности подростка (стресс аккультурации) и интер-субъектность (социальный стресс общества).

Такая культурно-генетическая и социально-психологическая ситуации социализации подростка определяется нами как ситуация *бинарного стресса*. Бинарный стресс как социально-психологическое условие развития и социального функционирования личности подростка, требует от подростка качественно иного состояние его культурных и психологических потенциалов. Но реально подросток входит в эту социально-психологическую ситуацию с дефицитом культурно-психологических потенциалов.

Дефицит потенциалов создает угрозу полноценному социальному функционированию и дефицитной деформации личности подростка под воздействием бинарного стресса. А если учесть, что в результате исследований, осуществленных в Институте психологии личности (г. Новосибирск) с 1995-2006, более 87% подростков имеют дефициты удовлетворения социогенных потребностей и более 78% – дефициты условий развития, то к деформирующему влиянию бинарного стресса необходимо добавить деформирующее воздействие фрустрации социогенных потребностей. И, прежде всего, потребности в признании.

Дефицит психо-культурных потенциалов личности определяет интра-субъектные факторы риска культурно-генетической виктимизации. А если учесть тот факт, что в России в настоящий момент, кроме отмеченного выше интра-субъектного фактора риска культурно-генетической виктимизации реально существуют еще и микро-виктимогенные и макро-виктимогенные факторы, то очевидным является то, что в настоящий момент в нашей стране реально существует неблагоприятная (социально-деструктивная) культурно-генетическая ситуация социализации.

Такая ситуация определяется нами как **экстраординарная культурно-генетическая ситуация социализации.**

Экстраординарность ситуации развития подростка характеризуется ростом самых разнообразных феноменов дефицитной деформации личности, ве-

душий к росту культурно-генетической виктимизации, а это создает реальное основание для развития культурно-генетической виктимности личности.

Это обуславливает тенденцию возрастающих требований и повышения ответственности социальной педагогики как отрасли педагогической науки разрабатывающей вопросы теории и практики социального социализации.

Но как показывают статистические данные, характеризующие рост социальных аномалий в поведении подростков школьного возраста, социальная педагогика сегодня не в состоянии решать эти проблемы, а тем более вести превентивную социально-педагогическую работу с подростками, имеющими факторы риска социально-педагогической и культурно-генетической виктимизации.

Не в состоянии осуществлять превентивную социально-психологическую терапию и социально-педагогическую коррекцию и психологическая служба органов образования.

Психологическая служба образования, ориентированная на психологические теории социализации в условиях психо-культурной стабильности, оказалась не готовой выполнить свою коррекционную функцию в условиях экстраординарного существования кризисной личности подростка. И это связано, прежде всего, с тем, что научные ориентации, которые определяют диагностические и коррекционные подходы психологов школ и лицеев, неадекватны реальной ситуации и понимания сущности проблем деформирующейся личности подростка.

Подходы, ориентированные на психопатологию и патопсихологию не дали желаемого результата. Теории, ориентирующей практического психолога на диагностику и коррекцию феноменальных состояний социально-дефицитного социализации подростка в условиях нестабильной ситуации социального функционирования личности, или игнорировались, или были недостаточно разработаны и адаптированы для практики психологической помощи.

Теоретики и практики психологии осознают явный факт существования психологически деформированной личности, но не обладают для работы с ней необходимым теоретико-концептуальным материалом.

Реально нет в структуре психологического знания ни феноменологических, ни аналитических работ, исследующих генезис психологического механизма дефицитной деформации личности. И не всегда готовы современные психологи и социальные педагоги понять, что дефицитная деформация личности имеет две линии развития: социально-дефицитная деформация, создающая риск развития девиантного поведения личности и дефицитно-

характерологическая деформация, формирующая риск патологии характерологического социализации.

А это не дает возможность обосновать диагностические и коррекционные программы для работы с дефицитами психологически деформированной личностью. Социальная педагогика, которая по своей сути, одна сегодня концентрирована на проблемах культурно-дефицитной деформации личности подростка, так же оказалась не готовой ни теоретически, не методически решать проблемы культурно-генетической виктимизации личности подростка.

Социальная педагогика только благодаря работам А. В. Мудрика вообще выходит на рассмотрение проблем социально-педагогической виктимизации.

Но учитывая то, что А. В. Мудрик рассматривает социально-педагогическую виктимологию, только в контексте нарушенного социогенеза личности на специфической категории детей и подростков, с позиции социально-экологического подхода, автор не исследует психологические механизмы культурно-генетической виктимизации.

И поэтому социально-педагогическая виктимология А.В.Мудрика, фокусирует внимание на людях, которые чаще всего бывают в поле научного интереса коррекционной педагогики и специальной психологии. Отсюда, в его трактовке сущности социально-педагогической виктимологии латентно присутствует понимание этого раздела социальной педагогики как педагогической дисциплины, раскрывающей вопросы теории практики связанные с вторичным (по Л.С.Выготскому) дефектом. Несмотря на то, что в более поздних изданиях учебника по социальной педагогике А. В. Мудрик расширил понимание социально-педагогической виктимологии, трактовка ее как науки о жертвах нарушенной (или неблагоприятной) социализации, осталось, как и прежде с позиции социальной экологии человека.

Центровка внимания А. В. Мудриком на определении социально-педагогической виктимологии личности только как явлении, связанном с неблагоприятными условиями социализации противоречит системно-динамической природе понимания и трактовки онтогенеза личности в отечественной и зарубежной психологии и социологии. Да и явное тяготение автора использовать в качестве теоретической основы построений виктимологического знания социально-экологическую концепцию социализации У. Бронфенбреннера, явно не соответствует социологической реальности российского общества.

Такое противоречие сдерживает развитие виктимологического знания в структуре социальной педагогики. Это обстоятельство и побудило меня выне-

сти проблематику виктимогенеза в область социальной психологии. Интегративной, по своей сущности, отрасли психологического знания, находящегося на стыке с социологией. Так и определилось формирование социально-психологической виктимологии как системы виктимологического знания о жертвах социализационного дефекта онтогенеза личности и социализационного дефекта социально-личностной компетентности. В основание социально-психологической виктимологии положена концепция онтогенетической социализации.

Культурно-генетическая виктимология как раздел социально-психологической виктимологии, базируется на онтогенетической концепции социализации. Концепция, которая интегрирует социализационно-компетентностный подход, социально-когнитивную философию социализации, теорию субъектогенеза личности, методологию дефицитного (депривационного) социогенеза личности.

Основываясь на идеях научной школы С. Л. Рубинштейна и определяя личность как социально-функционирующего субъекта, мы вместе с тем с позиции системно-динамической концепции личности, предложенной Л. И. Анцыферовой, рассматриваем два уровня проявления субъектности личности: интра-субъектный и интер-субъектный.

Соответственно такой методологической ориентации нами была разработана исследовательская *субъектно-системная модель личности* и на её основе *интерактивная модель онтогенетической социализации личности*.

В этих моделях в качестве социально-психологических механизмов социализации рассматривается *культурация* (культурогенез), действие которой направлены на развитие интра-субъектности личности и *социализация* (социогенез), ориентированная на развитие интер-субъектности личности.

Социализация как социально-психологический механизм онтогенеза личности представлен рядом фундаментальных теоретических и практико-ориентированных работ по социологии, социальной психологии и социальной педагогике. Социализации посвящено ряд психологических и социально-психологических исследований отечественных и зарубежных авторов.

В то же время феномен культуругенеза личности получил свою разработку только в отдельных работах по этнопсихологии, психологической и социальной антропологии и весьма незначительно представлен в работах по педагогической антропологии.

Причин здесь много. Одной из существенных причин является смешивание понятий культурогенеза личности и культурогенеза психики, культурогенеза и социогенеза, а иногда простое их отождествление.

Сложившееся положение привело к тому, что в качестве критерия социального качества онтогенеза личности рассматривается только социальная компетентность, а в качестве механизма формирования социального качества только социализация. Это все относится к интер-субъектным характеристикам личности. Интра-субъектность как результирующий индикатор качества социализации практически не рассматривается.

Интра-субъективность как социальная характеристика личности определила формирование научного направления в социологии А. Щюца – этнометодологии.

Анализируя социально-педагогические исследования, посвященные проблеме интеграции личности, и прежде всего социализирующейся личности, удалось выявить теоретико-концептуальный переко́с, обуславливающий концентрацию внимания отечественной социальной педагогики на социализации и интер-субъектности как ее результативности.

Такой теоретико-концептуальный переко́с обусловлен, прежде всего, тем, что в теоретическое основание социальной педагогики положены теории педагогика в большей мере, чем социологии. И, это, не смотря на то, что педагогика позиционируется как социальная.

Это обусловлено фактом традиционного доминирования в определении сущности социального социализации с позиции теории воспитания, отождествляемой с социализацией. Это обстоятельство приводит к редукации определения социальных качеств личности. И теоретической девальвации самого феномена социализация.

Однако, рассматривая личность как социальный феномен, социальная педагогика вынуждена была считать, что основным механизмом её формирования является только социализация.

Но личность – это культурная реальность. Этот факт обстоятельно доказан культурологами, культуро-антропологами, психо-антропологами и специалистами в области психологии развития и психологии личности.

Двухмерное – культурное и социальное понимание природы существования и онтогенеза личности должен определять, на наш взгляд, теоретический базис современной социальной педагогики.

Однако в реальной практике подготовки и переподготовки социальных педагогов в педагогических университетах и институтах доминирует упрощен-

ная социологическая ориентация в понимании личности и механизма её формирования и социального развития.

Это обстоятельство накладывает отпечаток на разработку технологий и инструментария социальной педагогики. И эти обстоятельства привели к тому, что из поля социальной педагогики выпадают проблемы интерактивного культурогенеза личности, факторов, ведущих к его нарушению и возникновению феномена культурно-генетической виктимизации.

А рождено подобное обстоятельство тем, что в социально-педагогических исследованиях исключены учителя и родители, интерактивные и коммуникативные механизмы взаимодействия учителей и родителей из внимания при изучении проблем социального развития подростков.

Педагогическое общение как культурно-генетическая и психотехническая система, обеспечивающая через взаимодействие учителей, родителей с развивающимися личностями и интегрирующая в себе *интерактивный культурогенез с коммуникативным социогенезом личности*, во всем многообразии форм и методов не стала основным предметом социально-педагогических исследований. В то время как вся практика социальной педагогики основана на многообразии форм педагогического общения.

Возникла **проблемная ситуация в системе теоретико-методологического и инструментально-технологического обеспечения социально-педагогической практики**, обеспечивающей систему социального социализации и ее социального онтогенеза.

Это обстоятельство еще более актуализирует проблему исследования дефицитной *деформации личности на феноменологическом, генетическом и психотехнологическом уровнях как жертвы социализационного дефекта онтогенеза*.

Проблемы, решение которой представлено на примере исследования культурно-генетической виктимизации личности.

Актуализация проблемы определила теоретический и практический поиск путей обоснования детерминант генезиса дефицитной деформации личности с позиции системного подхода.

В наших исследованиях генезис психологической деформации личности рассматривался с позиции социогенетической, психогенетической, и культурно-генетической детерминант.

Эти исследования позволили обосновать типологию дефицитной деформации личности подростка: личностной деформации; социально-

психологической деформации; психо-культурной деформации; социально-культурной деформации.

Ряд наших работ посвящены социально-психологической деформации личности, что обусловило формирование *психологической теории дефицитной деформации социализации*. Эта теория положена в основание разработке другого раздела социально-психологической виктимологии – **психологической виктимологии личности**.

Отдельные исследования отражают разработку феноменологии и типологии личностной деформации. На основе исследования генезиса социально-психологической деформации личности обоснованы принципы построения психологической виктимологии и раскрыта феноменология индуктивной ингибиции и мотивационной акцентуации личности в педагогическом процессе и семейном воспитании.

В настоящем исследовании основное внимание уделяется *психо-культурной деформации личности* подростка, через исследование которой раскрывается психологический механизм генезиса дефицитной деформации и определяются основы феноменологии дефицитной деформации личности.

Фрагменты социогенетических разработок проблемы психо-культурной деформации личности существуют практически во всех работах, по всем отраслям психологии, если они посвящены той или иной проблеме социального функционирования личности. На основе этих фрагментов и осуществлен концептуальный синтез феноменологической характеристики психо-культурной деформации личности.

С позиции разных научных дисциплин осуществляется оценка генезиса психологического механизма дефицитной деформации личности подростка как культурно-дефицитного онтогенеза личности.

Культурно-дефицитный онтогенез личности в результате проявляется как социализационный дефицит социально-личностных компетентностей.

Оценить возникновение его, культурно-дефицитный онтогенез личности можно с разных теоретических позиций.

С позиции **политологического** подхода, источником генезиса психологического механизма дефицитной деформации личности является господствующая, на протяжении более семидесяти лет идеологическая система социального контроля психологической жизни личности. Деформирующее влияние такого господства, по мнению специалистов в области политической психологии формировало **дефициты структуры сознания**, что нашло отражение в дефиците социально-когнитивного функционирования личности.

Социологический подход утверждает, что источник генезиса психологического механизма дефицитной деформации личности находится в состоянии общества – аномии, т.е. в разрушении нормативного регулирования процесса психологической жизни личности. Формировался **дефицит нормативной регуляции** социального функционирования личности.

Эта позиция наиболее ярко развита специалистами в области юридической психологии и нашла отражение в разработанной ими психологической теории «юридической дефективности личности».

Социально-психологический подход обосновывает в качестве источника психологической деформации личности деформацию общественных отношений. Деформация общественных отношений определила возникновение **дефицит социально-психологической компетентности личности**.

Специальная психология (дефектология) обосновывает генезис психологического механизма дефицитной деформации личности как **вторичный дефект**, связанный с «эффектом госпитализма» и социальной депривации (нарушение сферы общения) и как **дефект социальной ситуации социализации, имеющей органические дефекты**.

Психопатология выдвигает в качестве источника формирования дефицитной деформации личности **адаптационный дефицит** социального функционирования личности.

Патопсихология усматривает причины психологической деформации личности в **дефиците иерархии мотивов**.

Педагогика – в **дефиците социогенеза** личности, а превентивная психология в **дефиците адаптирующей социализации**.

Каждая из позиций отражает теоретико-концептуальное ядро научной дисциплины, в рамках которой осуществляется рассмотрение этиологии дефицитной деформации личности. Общим для всех позиций является признание в качестве генетического источника психологического механизма дефицитной деформации личности **социально-психологической депривации**.

Природа депривации чаще всего органическая. Хотя и ряд исследований выдвигают весьма продуктивные идеи о социальной природе депривации, деформирующей личность. Это привело к тому, что мы в своих работах рассматриваем в качестве источника дефицитной деформации личности (дефицитно-деформированного онтогенеза) социально-психологическую депривацию.

Однако психологический механизм возникновения дефекта социализации определяется чаще всего с позиции патопсихологии личности. Эта позиция раскрывается в рамках принципа-альтернативы «нозос-патос».

Принцип-альтернатива «нозос-патос» позволяет трактовать любой психологический феномен в системе координат, использующей понятия болезни (нозос) и патологии (патос). Под первым в психопатологии подразумевают болезненный процесс, динамическое, текущее образование; под вторым – патологическое состояние, стойкие изменения, результат патологических процессов или порок, отклонение развития. Можно утверждать, что «нозос» и «патос» являются крайними (патологическими) вариантами различных, но своей сути процессов или спектров.

К «нозосу» в психопатологии относят болезненные процессы и состояния, такие как шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, инволюционные, сосудистые, инфекционные и иные психозы; к «патосу» – в первую очередь психопатию, дефектные состояния, аномалии развития. Попытка ряда отечественных психологов и психиатров рассмотреть дефицитную деформацию личности в контексте принципа – альтернативы «нозос-патос», обусловило то, что для её описания используются такие дефиниции как: психопатические состояния; психопатии; акцентуации характера; расстройства личности; расстройства адаптации.

В контексте этих дефиниций осуществляется психологическая диагностика и психологическая коррекция дефицитной деформации личности. Это не могло не сказаться на эффективности практического использования патопсихологической ориентации в коррекции и диагностике психологической деформации личности.

По данным «горячей линии», которая работала на протяжении ряда лет в Институте психологии личности (1995-2006 годы) в Новосибирске ежедневно 20-25 подростков в возрасте от 13 до 16 лет совершают попытки самоубийства, более 10 человек ежедневно в состоянии аффекта совершают «передозировку» при приеме наркотиков.

В каждой второй семье, обратившейся за психологической консультацией по проблеме конфликтных отношений с детьми, существует агрессивная оппозиция в отношениях между родителями и подростками. 73% подростков, постоянно находятся в состоянии стресса или прогрессирующей фрустрации. У более чем 70%, отмечена тенденция к росту агрессивности, 90% имеют дефект эмоционально-волевой регуляции, что затрудняет их адаптацию в интерактивной системе образования.

Полученный нами исследовательский материал опровергает возможность объяснения детерминант дефицитной деформации личности подростка только рамками психопатологической и патопсихологической теориями.

В исследованиях социологов (В. Н. Кудрявцев, В. А. Ядов) и некоторых психопатологов (Б. С. Положий, А. А. Александровский) наметилась тенденция взамен психопатологических и патопсихологических детерминант предложить в качестве первопричины дефицитной деформации личности кризис социальной идентичности. На наш взгляд, это не причина, а составляющая механизма дефицитной деформации личности подростка. Однако эта позиция не находит полного признания не только у коллег психологов, но даже и культурологов, которые начали заниматься разработкой и реализацией программ социокультурной реабилитации деформированных личностей подростков. Биогенетический дефект личности остается основным фактором в интерпретации проблем культурно-генетической виктимологии в отечественной социальной работе и социальной педагогике.

Тенденция рассматривать все проблемы социализирующейся личности подростка с позиции биогенетического дефекта и в рамках психопатологии определилась как ведущая не только в психологической службе образования, но и стала определяющей для психологов центров реабилитации, созданных органами социальной защиты населения.

Тенденция определять детерминанты всех модальностей дефицитной деформации личности, находящиеся вне самой личности, стала ведущей в разработке этой проблематике в отечественной психологии последних лет. Такая тенденция получила определение личностно-ориентированных исследований проблем деформированной личности, но при этом чаще всего рассматривает личность как жертву внешних, по отношению к ней, обстоятельств. Отсюда и своеобразие феноменологических характеристик дефицитной деформации личности как искажение личности под давлением стресса, обстоятельств, условий жизни и т.д. Это привело к тому, что все модальности деформаций личности определяются с позиции теоретической механики, а стресс рассматривается как независимое от личности явление, выполняющий роль социального прессинга.

Такая научная позиция может быть интерпретирована только как следствие деформированного сознания исследователя или элементарной научной небрежностью. Однако тенденция игнорировать личностный факт и факт культуры в генезисе психологического механизма дефицитной деформации личности подростка наиболее устойчиво развивается в педагогической среде и в среде детских клинических психологов и возрастных психопатологов.

Несогласие, с такой тенденцией в трактовке источников генезиса психологического механизма дефицитной деформации личности подростка, привело

нас к необходимости изменить концептуальную ориентацию и взять иные параметры оценки личности в определении сущности культурно-генетической виктимизации.

В качестве концептуальной ориентации нами разрабатывается предложенный К. Роджерсом, М. Боуэн, А. Маслоу субъект-центрированный (социальный онтогенез субъекта) подход в исследовании дефицитной деформации личности в синтезе с культурно-генетической концепцией детерминации этого феномена социальной психологии. Это стратегическая линия исследования дефицитной деформации личности на примере одной из её модальностей психокультурной деформации. Стратегией исследования стало обращение к культурному и психологическому потенциалам личности подростка как диагностическому параметру её оценки.

Избранные стратегия и тактика позволили сформировать новый подход к психологической интерпретации кризиса подросткового развития – культурно-генетический.

Культурно-генетическая трактовка источника виктимизации личности, в качестве основания подросткового кризиса развития, выдвигает не биогенный факт и его конфликт с социальным статусом личности подростка, а **стресс аккультурации**.

На фоне стресса аккультурации, который переживается как личностное психологическое состояние и в силу усложнения для личности условий социального функционирования – социальный стресс, характер жизнедеятельности для многих людей в России все более и более приобретает качество критической ситуации.

Критическая ситуация жизнедеятельности личности, которая сложилась в настоящий момент в России, *актуализировала проблемы, связанные с дефицитной деформацией личности*. И, прежде всего, проблемы психокультурной деформации личности, так как это обстоятельство определяет качественные характеристики переживания и преодоления критической ситуации своей жизнедеятельности в современных условиях.

К числу наиболее значимых для личности проблем относятся проблема идентификации, проблема адаптации, проблема самоактуализации и социального функционирования. Их разрешение в условиях, когда личность имеет психокультурную деформацию развития, весьма затруднительно для реализации задачи полноценного социального функционирования личности. Экспериментальные исследования 4752 подростков в возрасте 12-17 лет (по классификации Д. И. Фельдштейна) показали, что *дефицитная деформация личности под-*

ростка как особое состояние её развития определяется следующими социально-психологическими индикаторами:

1. Субъективная неудовлетворенность. Субъективная неудовлетворенность является следствием фрустрации основных социогенных потребностей личности, определяющих её социокультурное развитие.

2. Утрата идентичности. Хроническое переживание страха, опасений, тревожности, стрессы и различного рода фрустрации могут приводить к нарушению осознания себя, своей идентичности зачастую даже в направлении деперсонализации, и к формированию неадекватной самооценки.

3. Дезинтеграция субъектной «Я-системы» как следствие конфликтного функционирования интра-субъектных и интер-субъектных компонентов.

4. Утрата психо-культурной независимости. Формирование мультикультурной системы общественной жизни, интенсивное проникновение инокультурных компонентов в Я- систему личности и не готовность личности к их интеграции определили формирование психокультурного конформизма.

5. Неадекватное восприятие реальности (действительности). Широкое распространение самых разнообразных форм экзистенциональной фрустрации и настроения социального пессимизма являются реальным подтверждением факта неадекватного восприятия действительности. Порождаемое этим явлением состояние социального дискомфорта и социальной изолированности личности чаще всего становятся причинами психологического порядка, которые приводят личность к аддиктивной зависимости от наркотиков или алкоголя.

6. Неадекватное самопознание, переживание своего Я и неадекватная самооценка. Эти переживания проявились в депрессивном измерении или в повышенной тревожности, что приводит к формированию комплекса неполноценности в процессе самопознания, а иногда, наоборот, к сверх-компенсации.

7. Снижение толерантности к фрустрации. Она, толерантность, бывает сниженной, что, несомненно, связано с уже упоминавшейся пониженной целостностью личности, с ослабленной автономией, недостатком само доверия и с недооценкой себя.

8. Нарушенная устойчивость по отношению к стрессу. Пониженная устойчивость к нагрузкам обусловлена хроническим накоплением стрессовых напряжений, которые в существенной мере нарушают целостность личности, уравновешенность психических процессов и сознательную регуляцию деятельности.

9. Патогенная и деструктивная социально-ролевая адаптация. Она

проявляется в формах поведения, связанных с риском для жизни личности или обращение к образу жизни, характерному для социальных инфантилов и социофобов.

10. Агрессивно компенсирующее самоутверждение. Агрессивно – компенсирующее самоутверждение выражается в росте конфликтности социокультурных интеракций личности, в конфронтации в жизненно значимых для неё сферах.

Дефицитная деформация личности подростка при её эпидемическом характере, который отмечен и в ряде регионов Российской Федерации, создает угрозу духовному здоровью нации.

Самым существенным критерием духовного здоровья считается *интеграция личности и ее динамическое равновесие в системах социального функционирования.*

Духовное здоровье личности проявляется в трех основных областях:

1. В отношении к самому себе (интра-субъектный фактор). Духовно здоровый человек доволен собой, проявляет адекватное самоуважение и, таким образом, может жить в согласии с «самим собой» большую часть времени. У него адекватные представления как о своих собственных возможностях и способностях, так и о своих ограничениях. Он научился воспринимать свои недостатки, предварительно убедившись, что их нельзя устранить. При этом он старается использовать свои способности в максимальной мере конструктивным способом. Духовно здоровый человек понимает, что у него существуют определенные, очень сильные, иногда иррациональные чувства, но не позволит, чтобы эти чувства им овладели, т.е. он способен в определенной мере регулировать свои чувства. Духовно здоровый человек принимает; идеалы той социальной структуры, в которой он живет.

2. В отношении к другим людям (интер-субъектный фактор). Духовно здоровый человек чувствует себя в присутствии людей комфортно, испытывает к ним любовь и доверие и знает, что и они любят его и доверяют ему. Духовно здоровый человек способен действовать и чувствовать как член группы, коллектива, но в случае необходимости он способен взять на себя руководство и управление группой. У него выработана ответственность, он умеет относиться к ним дружески, он любит свою семью и отличается разумной уверенностью в собственном социальном и экономическом положении и обеспечении социальных групп, к которым он принадлежит и, главным образом, за которые он ответственен.

3. В отношении к жизни (интерактивный фактор). Духовно здоровый

человек способен выполнять требования, которые предъявляет к нему жизнь, и встать лицом к лицу к своим проблемам. Он сам детерминирует свою интерактивность и обладает необходимым для полноценного социального функционирования потенциалом социальной компетентности и социального интеллекта. Если это возможно, то он сам формирует свое окружение, но если это необходимо, то он способен приспособиться к нему. Он не боится будущего, планирует свою жизнь, причем ставит перед собой реальные цели. Он способен, после обсуждения различных возможностей, принять важные решения. В общем, он способен удовлетворительно решать все проблемы, с которыми он встречается в жизни.

Осуществленное нами психологическое исследование указывает на явное существование факторов риска *духовной (культурной) патологии как феноменального явления психологической жизни нашего общества.*

Это проявляется в тотальном распространении конфликтности, жестокости обращения с детьми, в росте тенденции суицидальных попыток у подростков, в распространении наркомании, проституции, алкоголизма, в распространении национальной нетерпимости, в инфляции духовных и нравственных ценностей, в тенденции формирования *декультурации личности.*

Декультурация личности означает реальное её существование в обществе только благодаря физиологическим механизмам регуляции и полный распад социально-адаптивного, смыслового и экзистенциального уровней регуляции. Распад социально-адаптивного, смыслового и экзистенциального уровней регуляции личности привел к распаду её интерактивных связей с культурой, социальными группами и другими значимыми личностями. И это связано в первую очередь с *дефицитом осознанной регуляции процессами и механизмами социального функционирования личности.*

Декультурация личности – это разрушение психологического механизма сознательной регуляции процессов социального функционирования. Декультурация личности создает факторы риска психо-культурной деградации человека.

А это означает, что возникла угроза культурного развития самой личности, культурации её психики, а значит и *угроза самому факту существования культуры и личности* в российском обществе.

Психокультурная деформация личности является реальным фактором риска воплощения этой угрозы.

Многолетние социально-психологические исследования персонифицированных механизмов динамики дефицитной деформации личности, которые мы осуществляем в городе Мыски Кемеровской области, с 1970 года показали, что

реализация психо-культурной деградации личности имеет динамическую природу и осуществляется как многоуровневый процесс, включающий:

Первый уровень – **интерактивный дефицит социализации (социально-психологическая депривация)**, который выражается в утрате личностью социального чувства.

Второй уровень – **интерактивная деформация личности** как следствие инадаптации в социо-культурных системах образования личности.

Третий уровень – **интерактивная аддикция личности**, характеризуемая доминирующей установкой на отказ от любых форм межличностного взаимодействия путем наркотизации и алкоголизации сознания.

Четвертый уровень – **дефинзивная аутизация**, представляющая, пассивный уход в иллюзорный мир мифов.

Пятый уровень – **социальная шизоидизация**, связанная с полной утратой способностей к социальному функционированию и переход в режим биологического существования, с полной утратой субъектности и любых форм культурной активности.

Шестой уровень – **дезинтегрирующая социопатизация личности**, имеющая циклоидную природу, которая выражается в фазах агрессивно-деструктивной деятельности и инфантильного замирания.

Динамика психо-культурной деградации не совпадает с возрастными границами социализации. Но как показывают результаты нашего исследования, наиболее часто весь динамический ряд психо-культурной деградации личности, как бы укладывается в границы подросткового возраста. Это и обусловило мое обращение к личности подростка в исследовании феноменологии и генезиса психо-культурной деформации личности.

Исследования, которые мы начали проводить с 1994 года в городе Новосибирске, подтвердили психо-динамическую природу и статус психо-культурной деформации социализации как одного из значимых факторов риска психо-культурной деградации личности подростка.

В последние годы социально-психологических исследований показали, что феноменологические признаки психо-культурной деформации личности были отмечены у 73% обследованных подростков в возрасте от 12 до 17 лет. Психокультурная деформация социализирующейся личности подростка приобрела психоэпидемический характер и в отдельных учебных заведениях процент подверженных ей, превысил в отдельные периоды исследования 87 %.

Эпидемическое проявление таких форм дефицитной деформации личности как духовная неприкаянность; экзистенциальный вакуум; социальный

инфантилизм; психопатическая брутализация; нарцисстический эгоизм и другие, а также количественный рост критических состояний в жизнедеятельности, расширение адаптационных конфликтов одновременно с интрапсихическими конфликтами, указывают о не эффективности психопатологического подхода к диагностике и психологической коррекции дефицитной деформации личности, который имеет широкое распространение в системе психологической службы в образования, социальной защите и службы занятости.

Реально возникла *проблемная ситуация*, когда используемая в практике оказания психологической помощи теоретическая парадигма диагностики и коррекции не только не дает достигнуть желаемых результатов, но более того, служит своего рода катализатором более интенсивного распространения наиболее деструктивных форм дефицитной деформации личности как аддиктивные формы, и, прежде всего наркотической аддикции и социального инфантилизма.

Это обстоятельство дает возможность констатировать *наличие проблемной ситуации*, которая проявляется на различных уровнях:

– **на теоретическом** – как противоречие между психопатологической парадигмой трактовки этиологии, феноменологии, диагностики и коррекции факторов риска и детерминации психо-культурной деформации личности и реальной культурно-генетической природой этих факторов;

– **на практическом** – как противоречие между онтологией психо-культурной деформации личности и используемой психологической технологией её коррекции;

– **на уровне профессиональной подготовки психологов** – как противоречие между функциональным статусом психолога в системах психо-культурного социализации и теоретико-методологической ориентацией в его профессиональной подготовке;

– **на социальном** – как противоречие между целями социального развития общества, которые выражают стремление к социальной стабилизации и социальной интеграции общества и реальной социальной практикой, в которой отмечается рост дезинтеграции личностей, социальных групп и усиление психоэмоциональной напряженности в социальной психике как выражение на социокультурном уровне психо-культурной деформации личности;

– **на социально-психологическом** – как противоречие между необходимостью в общении как аттракции и существовании коммуникации как конфронтации между людьми;

– **на психологическом** – как противоречие между стремлением личности к целостности своей субъектности; к полноценному социальному функцио-

нированию и деформация целостности личностной субъектности; блокирование стремления к полноценному социальному функционированию за счет психо-культурной деформации личности.

Аналитическое исследование ядра отмеченных выше противоречий, *актуализирующих проблему исследования психо-культурной деформации личности*, позволяет обосновать зависимость манифестации дефицитной деформации личности от состояния динамики культуры, и того насколько эта динамика согласуется с психологической динамикой личности, которая в свою очередь обусловлена реальным культурным и психологическим потенциалами личности подростка.

Обоснование такой зависимости указывает на необходимость рассматривать психо-культурную деформацию личности подростка как явление сложного генезиса. Однако в психологических теориях социализации и психологии личности существует дифференциация, рассматривающая дефицитную деформацию личности как феномен или психогенеза; или как феномен нарушенного социогенеза; или как феномен эгоцентрированного персоногенеза и весьма редко как **феномен культурогенеза личности**.

Сложившаяся концептуальная дифференциация исследования психо-культурной деформации личности вступила в противоречие с системно-уровневой концепцией социализации, обоснованной в трудах отечественных психологов (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, А.А. Деркач, Д.И. Фельдштейн и др.). Следствием такого противоречия стало несоответствие диагностических, коррекционных технологий, используемых в психологической практике, реальной системно-динамической природе социального функционирования и социализации, психологическим тенденциям и экзистенциональной сущности онтологического статуса личности и социальной динамике культуры.

В результате такого несоответствия не только снижен качественный уровень психологической помощи личности в разрешении её проблем развития и социального функционирования, но и, что особенно важно подчеркнуть, возникла реальная опасность трансформации форм психологической помощи подросткам, ориентированных на психопатологические и патопсихологические парадигмы коррекции, в факторы индукции процесса психо-культурной деформации личности подростка. И эти опасения уже сегодня стали реальными по своей деструктивности, и прежде всего социального субъекта – личности.

Особенно ярко деструктивное влияние этих тенденций проявилось в деятельности психологических служб образования, когда любая проблема учебной

или социальной деятельности учащегося интерпретировалась как психопатологический факт, и естественно, определялся путь решения – психиатрическое вмешательство или как патопсихологический факт, что определяло перевод учащегося на коррекционное или компенсирующее обучение.

Концептуальная ориентация психологической системы в образовании на биологическую природу социально-функционального дезонтогенеза личности и игнорирование культурно-генетических оснований психологических проблем развития и социального функционирования, сформировали ситуацию, когда методы исследования проблем личности учащегося основываются на биогенетических парадигмах социализации, а коррекционные технологии – на культурно-генетических.

Наиболее показательными в этом аспекте являются диссертационные исследования по психологии (независимо от отраслей), в которых методический инструментарий экспериментального исследования, чаще всего, ориентирован на нейропсихологические подходы, а экспериментальная – практическая часть на культурологические, в частности с использованием такой феноменальной культурологической методики, какой является игра.

Подобная ситуация нашла распространение и в психологической службе системы социальной защиты населения, и в деятельности психологов пеницитарных учреждений, а также в деятельности учреждений службы социальной работы. Это привело практически к абсурдной ситуации, когда факт плохой успеваемости или недисциплинированность обосновывалось школьным психологом как результат психологического проявления того или иного органического дефекта социализации, а в основе причин не способности человека трудоустроиться психологи службы занятости так же искали органическую патологию. Еще более абсурдная ситуация складывается в психологической практике социальной реабилитации инвалидов.

Фактом органического дефекта объясняют возникновение тех или иных форм аддиктивного поведения или девиантности.

Это, наверное, и обусловило доминирование в системе психологической практики психотерапевтических методов и лечебно-оздоровительной парадигмы деятельности всей психологической службы в образовании, социальной защите и пеницитарных учреждениях и органах социальной реабилитации инвалидов.

Все это свидетельствует о реальном существовании концептуально-теоретического противоречия, которое блокирует эффективность практической

психологии в решении психологических проблем социального функционирования личности, не зависимо от её возрастного и социального статуса.

Это, концептуально-теоретическое противоречие между теорией социального социализации (социального онтогенеза) и теорией диагностики и психологической коррекции факторов, обуславливающих возникновение и развитие психо-культурной деформации личности, определяет наш выбор в качестве объекта исследования дефицитно-деформированную личности подростка. А предмета – психо-культурную дефицитную деформацию личности.

Термин *«психокультурная деформация личности»* введен не только для обоснования исследовательского поля, но, прежде всего, для акцентирования внимания на дефицитной деформации личности как результате *психокультурного дефицита социального онтогенеза, отражающего реальность существования у личности дефицитов культурного и психологического потенциалов.*

Возникновение дефицитов культурного потенциала личности имеет свои истоки в качественном состоянии **культуры интерактивных систем социального онтогенеза личности**, т. е. в стиле доминирующего интерактивного влияния на развивающуюся личность в семье, в школе, в субкультурах и обществе в целом.

Психокультурная деформация личности определяется состоянием её культурного потенциала, который выражается в качественных характеристиках идентификации, интра-субъектности, интер-субъектности и интерактивности личности.

Культурный потенциал личности проявляется в следующем:

1. *Познание*, то есть путь постижения, интерпретации себя, других людей и событий.

2. *Аффективность*, то есть колебания, импульсивность и свойства эмоционального выражения.

3. *Интрапсихическое функционирование личности*, проявляющееся в способности управлять интра-психическими конфликтами.

4. *Контроль над импульсивностью.*

Культурный потенциал личности определяет состояние Я-концепции в смысле соотношения Я-идеального и Я-реального; интра-субъектность личности как психо-культурной потенциал ее саморегуляции; интра-субъектность личности как психотехнический потенциал адаптации и самоактуализации и интерактивный стиль социального функционирования как выражение ансамбля статусных позиций личности.

Культурный потенциал личности не только откладывает отпечаток на шесть жизненно важных сфер проявления личности: Я-концепция; взаимоотношения; трудовая деятельность; эмоции; самоконтроль; сознание, но и определяет психологические ресурсы адаптивных возможностей личности в критических ситуациях её социального функционирования, и как следствие, *определяет факторы формирования её целостности или факторы риска деформации личности.*

Культурный потенциал личности является результирующим показателем воздействия на процессы формирования личности культуры интерактивных систем общества, с одной стороны, а с другой – показателем уровня развития целостности её субъектности.

Культура интерактивных систем общества в исследовании психокультурной деформации личности выступает как источник социализации подростка как *целостного, самоактуализирующегося субъекта или как дефицитно-деформированной личности, имеющей трудности в адаптации и самоактуализации и не способной совладать с критическими ситуациями социального функционирования.*

Психокультурная деформация личности подростка формируется в результате аккумуляции *фрустрации социогенных потребностей (дефицит удовлетворенности)*, которая является следствием *дефекта интерактивного культурогенеза (дефицит условий социализации)* и определяет развитие *дефицитов культурного и психологического потенциалов, и стресса аккультурации*, который реализуется как интрапсихический процесс «эмоционального выгорания», связанного с неспособностью совладать с задачами социального функционирования и определяет возникновение *эмоционального дефицита.*

Дефицитная деформация личности подростка представляет собой динамический многоуровневый процесс, развитие которого связано с возникновением взаимно-обуславливающих друг друга дефицитов: дефицит условий социализации предопределяет возникновение дефицита удовлетворения социогенных потребностей личности, а это в свою очередь формирует дефицитный тип интерактивного культурогенеза личности подростка, следствием которого является формирование дефицитов культурного и психологического потенциалов, создающих условия для дефицита психологического механизма социального функционирования личности, ведущие к дефициту потенциалов совладания с критическими ситуациями, определяющими возникновение эмоционального дефицита.

Дефициты культурного и психологического потенциалов личности подростка являются факторами риска формирования у него социальной виктимности, девиантности и аддикции.

Это определяет проблемное поле культурно-генетической виктимологии как раздела социально-психологической виктимологии.

Теоретическая база концептуального введения в культурно-генетическую виктимологию представлена фундаментальными работами по психологии интеракционизма, психологии развития, возрастной и педагогической психологии, специальной и аналитической психологии, психологии и социологии личности, социальной психологии и антропологии, культурологии и социологии культуры, теории объектных отношений и теории коммуникации, психопатологии и психологии аномальной социализации, социокультурной психологии и культурно-психологической теории социализации, исторической психологии и культурно-аналитической теории социализации.

Такое теоретическое основание культурно-генетической виктимологии обусловлено сложным характером объекта исследования и интегративной природой методологии исследования. Это и обусловило тот факт, что в теоретическом основании исследования заложены идеи, нашедшие отражение в работах:

– **психолого-методологического исследования личности** – К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Л. П. Бучева, А.В. Петровский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.А. Рубинштейн, Б.В. Шорохова, П. Шульц, М.Г. Ярошевский.

– **исследования психологии личности** – Г. С. Абрамова, А. Адлер, Г. Айзенк, А. Бондура, М. Бодуэн, В.В. Бойко, Д. Келли, Р. Кеттел, В. Н. Колесников, Ю.Н. Кулюткин, М. Люшер, А. Манегетти, А. Маслоу, Г. Олпорт, Х. Ремшмидт, Н. И. Рейнвальд, К. Роджерс, Д. Роттер, Б. Скиннер, А. Саллеван, Г.С. Сухобская, К. Хорни, Д. И. Фельдштейн, А. Фрейд, З. Фрейд, Э. Фромм, Э. Эриксон, К. Юнг.

– **социологические и социально-психологические исследования личности** – Г.М. Андреева, В.А. Артемов, С.А. Беличева, Э. Берн, Р. Бернс, В.М. Бехтерев, Н.Н. Богомолова, А.А. Бодалев, М.И. Бобнева, Е.А. Будилова, А.А. Деркач, Ф.Е. Василюк, Г. Гибш, Л.Я. Гозман, Г.Т. Дилигенский, А.И. Донцов, Ю.Н. Емельянов, Ю.М. Жуков, Ф. Зимбордо, И.А. Зимняя, Я.Л. Коломинский, И.С. Кон, Р.Л. Кричевский, А.А. Кронник, Е.С. Кузьмин, Д. Кэмпбелл, В.А. Лабунская, Г. Лебон, А.А. Леонтьев, Дж. Морено, В.Н. Мясищев,

Р.С. Немов, Н.Н.Обозов, К. Обуховский. Б.Д. Парыгин, Л.А. Петровская, М.А. Рейснер, Н. Смелзер, Е.Б. Шестопал, В.М. Шепель, Т. Шибутани, Я. Щепаньский, Е.А. Яблокова, В.А.Ядов.

– **исследования по культурно-исторической и социокультурной психологии** – Л.С. Выготский, Дж. Верч, М. Коул, А.Г. Асмолов, А.А. Пузырей.

– **исследования по психологии стресса и критическим ситуациям социальной жизнедеятельности личности** – Ю.А. Александровский, Ф.Е. Васильюк, Л.П. Гримак, Л.Г.Дикая, А.Б. Леонова, Т. Кокс, Л.А. Китаев-Смык, У. Мاستенбург, А. Тоффлер, Е.М.Черепанова, Д. Хендерсон, Б.И. Хасан.

– **исследования по психологии деструктивных состояний и отклоняющегося поведения** – Ю.М. Антонин, М.М. Арсеньева, Р. Бэрн, А.С. Белкин, О.И. Зотова, Н.Д. Левитов, К. Леонгард, А.Е. Личко, В.В Коралев, Д. Ричардсон, Л.М. Семенюк, Э. Фромм, И.А.Фурманова.

– **исследования по психопатологии личности** – В.М. Блейхер, Б.С. Братусь. Н.П. Вайзман, В.Я. Гиндикин, В.А. Гурьева, А.И. Захаров, Б.В. Зейгарник, Д.Н. Исаев, С. Курек, Е.Т. Соколова, Л. Пожар, А.А. Меграбян, К. Ясперс.

– **исследования по социопатологии личности** – С.В.Бородин, И.С.Болотовский, Т.А. Донских, В.В. Дунаевский, В.Н. Кудрявцев, Ц.П. Короленко, С.А. Кулаков.

– **исследования по психотерапии и психологической коррекции аномалий личности** – А.А. Александров, Дж. Брандсма, Г.А. Блатнер, В.Джойс, Р.М.Грановская, Л. П. Гримак, М.Кан, А.Кемпински, М. Кабанов, В.А. Кан-Калик, Б.Д. Карвасорский, Г.С.Кочарян, Д.Киппер, П. Куттер, Г.Лейтиц, М.Е.Литвак, С.С. Либих, Ф.Перлз, Н.Пезешкиан, Т. Пауэл, К. Рудестам, Я. Стюарт, Дж. Сандлер, Г. Эйдемиллер, М. Якоби, Д. Якобс.

– **исследования в области психологии характера и характерологии** – Б.Г.Ананьев, Л.И. Божович, А.Г. Ковалев, А.Ф.Лазурский, П.Ф. Лесгафт, В.Н. Мясищев, В.Д. Небылицын, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, Б.М.Теплов, Э. Фромм, К.Г. Юнг, П.М. Якобсон.

– **исследования социальной и психологической антропологии** – Э.А. Орлова, А.О. Бороноев, Ю.Н. Емельянов, Ю.М. Резник, К. Леви-Стросс, Л.Г. Ионин, Ю.М. Федоров, Ж.Т. Тощенко, Л. Леви-Брюль, З.Фрейд, Ф. Боас, Ж. Пиаже, М. Мид, А. Вержбицкая, А.А. Белик.

– **исследования в области социальной психологии и интерактивной психологии** – В.С. Агеев, А. Адлер. Г.М. Андреева, А.Г. Асмолов, А.С. Белкин, М.И. Бобнева, А.А. Бодалев, Р.М. Брэмсон, Е.А.Будилова, Г. Гибш, Ж. Годф-

руа, Л.Я. Гозман, У. Джеймс, Г.Г. Дилигенский, Э. Дюркгейм, Ю.Н. Емельянов, М.И. Енекеев, Б.С. Ерасов, А.Г. Здравомыслов, М.С.Каган. А.Д. Карнышев, А.Г.Ковалев, И.С.Кон, Л.А. Кричевский. Е.С. Кузьмин, Д. Кэмпбелл, Г. Лебон, Б.Ф. Ломов, В.С. Магун, Д. Майерс, Р. Мартенс, Е.Я. Мелибруда, В.С. Мерлин, Н.Н.Обозов, В. Одайник, Б.Д. Парыгин, Л.А. Петровская, В.А. Петровский, Б.Ф. Поршнева, А.Л. Свенцицкий, Ю.В. Чуфаровский, Р.Х. Шакуров, Н.И. Шевардин, В.М. Шепель, Е.Б. Шестопап, Т. Шибутани.

– **исследования в области превентивной психологии** – Г.А.Аванесов, С.А.Алесеев, Б.Н. Алмазов, М.А. Алемаски, В.П. Андреевкова, Ю.М. Антонян, С.Д. Арзуманян, Л.И. Аувяэрт, И.П. Башкатов, С.А. Белечева, А.С. Белкин, В.Г. Бочарова, Б.С. Братусь, М.И. Буянова. Я.И. Гелинский, Е.М. Данилин, А.И.Долгов, А.И. Захаров, Б.В. Зейгарник, А.Ф. Зеленский, К.Е. Игошев, В.Е.Кагана, М. Кле, М.Ю. Кондратьев, В.Н. Кудрявцев, Т.Н. Курбатова, А.В. Лебедев, В.Л. Леви, В.П. Левкович, М.С. Логинова, В.С. Манова-Томова, Г.М. Миньковский, И.Ф.Мягков, Э.Ш. Натанзон, А.С. Новоселова, И.П. Прокопьева, А.Р. Раттинов, А.Е. Тарас, Г. Тардт, А.Г. Харачев, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкий, В.А. Ядов, А.М.Яковлев.

– **исследования психологии эмоциональных состояний** – П.П. Блонский, А.В. Вальдман, И.А. Васильев, Ф.Е. Василюк, К. Вилюнес, Р.Вудвортс, В. Вундт, Э. Гельгорн, В.С.Дерябин, Б.И.Додонов, К.Е. Изарад, Б.В. Кулагин, Н.Д. Ливитов, Д.Б. Линдслей, Э.Л.Носенко, А.Е. Ольшаниноква, Я. Рейковский. П.В. Симонов, П. Фресс, Г.Х. Шингаров.

– **исследования в области психологии индивидуальности и социализации** – Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, Л.И. Анцыферова, М.Р. Гинзбург, К.М. Гуревич, О.А. Кнопкин, А. Коссовский, Н.А.Логинова, В.С. Мерлин, Ю.В. Микадзе, Н.И. Непомнящая, В.М. Русалов, В.И. Слободчиков, И.И. Шмальгаузен, Н.Ю. Щербаков.

– **исследования в области возрастной и педагогической психологии** – Г.С. Абрамова, А.И. Аверин, В.А. Алексеев, Ш.А. Амонишвили, А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Р. Берн, А.А. Бодалев, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, Ю.Б. Гипенрейтер, Л.А.Гордон, В.В.Давыдов, А.К. Дусавицкий, А.З. Зак, Л.В. Занков, А.В. Запорожец, П.И.Зинченко, Я.Л. Коломинский, И.С.Кон, М.В.Матюхина, В.Ф. Моргун, В.С.Мухина, А.В.Мудрик, А.М. Прихожан, В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, Н.Ф.Талызин, А.В.Толстых, Д.И. Фельдштейн, Г.А. Цукерман, Д.Б. Эльконин, П.М. Якобсон.

– **исследования в области психоаналитической теории развития** – Г. Блум, Ф. Тайсон, Р.Л. Тайсон, П. Фонда, Э. Йоган.

Методология концептуализации основывается на синтезе динамической природы психической жизни личности, системном представлении о психике, основных принципов культурно-исторической теории личности и теории культурогенеза личности как концепции психического развития субъектных качеств личности.

В основание методологической концепции положены культурно-историческая теория социализации и теория психологического интеракционизма, позволяющего связать в единый исследовательский узел проблемы психологической динамики социализирующейся личности и социальной динамики культуры, объединить личностно – центрированный принцип исследования с принципом ситуативной культурной детерминации проблем психокультурного социализации подростка.

Такой синтез обусловлен тем, что личность в социально-функциональном аспекте предстает как единство и противоречие Я – реального, реализуемого в диалоге равноправных субъектов, и, как Я – идеального, актуализирующее себя в интерактивных, психотехнических системах культуры посредством социальных ролей.

Личность подростка в исследовании рассматривается как напряженная психосоциальная система, находящаяся в состоянии неустойчивого равновесия как в интра-психическом, так и в интер-психическом аспектах. Интра-психическое напряжение социализирующейся личности подростки формируют разнонаправленные мотивы социального функционирования. Интер-психическое напряжение определяется одновременной реализацией личностью и задач индивидуализации и задач социализации. Культурная и психологические среды социализации, которые воздействуют на её через психологический механизм интерактивного культурогенеза, могут усиливать или ослаблять напряжение психосоциальной системы личности.

Принцип напряженных систем как один из методологических принципов исследования позволяет обосновать дефицитную деформацию личности подростка как транзитное состояние развития, обусловленное одновременным усилением интрапсихического и интер-психического напряжения, с которым подросток не может совладать в силу дефицитов культурного и психологического потенциалов.

Состояние одновременного усиления интрапсихического и интер-психического напряжений личности подростка формируется в момент аккультурации.

Аккультурация означает изменения в исходной культуре личности подростка, в связи с его вхождением в культуру социума, в ином социально-психологическом статусе. Аккультурация индуцирует напряжение интрапсихической системы личности за счет интенсификации культурного давления на интер-психическую систему. Такое давление осуществляется в форме культурных задач.

Для решения этих задач подростку нужно актуализировать весь наличный культурный и психологический потенциал. Если культурный и психологический потенциал личности соответствуют культурной задаче, предъявляемой к социализирующейся личности подростка социумом, то подросток решает её без нарушения неустойчивого равновесия напряженных систем интра- и интерпсихики. Если же культурный и психологический потенциал личности подростка имеет дефициты, напряженность систем увеличивается, неустойчивое равновесие разрушается. А возникшее состояние психологического дискомфорта побуждает личность подростка прибегнуть к психологическим механизмам интер-психической защиты.

Социофобия, социофилия и социопатия как наиболее распространенные психологические механизмы интер-психической защиты нарушают неустойчивое равновесие в системе отношений «развивающаяся личность подростка и культура социума» и не соответствует экзистенциальной мотивации личности подростка. Это обстоятельство разрушает неустойчивое равновесие между психологической адаптацией личности и её самоактуализацией. Состояние нарушенного равновесия между адаптацией и самоактуализацией определяется как стресс аккультурации.

Психологическая модель стресса аккультурации, в отличие от используемой нами ранее модели культурного шока (по А.Тоффлеру) предоставляет возможность описать ситуацию социализации подростка, определяющую манифестацию дефицитной деформации личности, как ситуацию, в которой мотивы адаптации личности вступают в противоречие с мотивами самоактуализации. В этом и проявляется психологический механизм дефицитной деформации личности подростка. Основным содержанием стресса аккультурации являются: кризис социальной идентичности и дефицитная деформация личности подростка.

Если кризис социальной идентичности подростка как предмет социологического исследования, представлен в социологической и социально-психологической литературе, то *дефицитная деформация личности подростка*

как предмет социально-психологического исследования рассматривается впервые.

Методологическая концепция исследования дефицитной деформации личности определяется разработанным Л.С.Выготским общим генетическим законом культурного развития психики личности. Это нашло отражение в формулировании основных принципов исследования психо-культурной деформации личности подростка.

Связующим элементом этих принципов является принцип единства интер-психического и интра-психического как основание формирования целостной субъектности личности. Он четко формулируется Л.С.Выготским так, что всякая высшая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах. Сначала – в социальном плане (или как мы отмечаем – в интерактивном), потом – психологическом (как предмет когнитивной интерпретации). А, затем, между людьми как категория интерпсихологическая, затем – внутри как категория интрапсихологическая. Это относится одинаково к произвольному вниманию, к логической памяти, к образованию понятий, к развитию воли... Но, разумеется, переход извне внутрь трансформирует сам процесс, изменяет его структуру и функции. За всеми высшими функциями, их отношениями стоят социальные отношения, реальные отношения людей. В такой интерпретации генетический закон культурной социализации положен в основании теории социально-психологической виктимологии.

Интегративным ядром, формирующим методологическую концепцию **исследования психо-культурной деформации личности подростка**, является системно-динамическая теория личности, разработанная Л.И.Анцыферовой. Теоретико-аналитическое и экспериментальное осмысление системно-динамической теории личности позволило мне прийти к интеракционистской трактовке механизмов генезиса личности как психо-культурной реальности.

Интеракционизм стал в нашем исследовании культурно-аналитическим принципом психологического исследования виктимогенного механизма психо-культурной деформации личности.

Интеракционизм как культурно-аналитический принцип исследования предоставил возможность обосновать понимание **интерактивного культурогенеза личности как психологического механизма формирования целостности ее субъектности.**

Интерактивный культурогенез личности подростка обеспечивается действием такого психологического механизма социализации подростка, каким является культурация. Термин «культурация» редко употребляемый в психоло-

гической теории, но широко используемой в психологии развития еще со времен Конфуция.

Результатом культурации является психо-культурное своеобразие личности, и поскольку мы рассматриваем её как условие запуска процесса индивидуализации личности, индивидуализация представлена в исследовании в качестве психологического механизма формирования целостности личности.

Интегральным показателем целостности социализирующейся личности подростка является динамическое равновесие психологических процессов адаптации и самоактуализации, как основание для психологического заключения о полноценном социальном функционировании личности.

Организационной формой психо-культурной индивидуальности целостной личности является характер. Причем именно характер является выражением собственно психо-культурного своеобразия личностной целостности, поскольку обеспечивает социальное поведение, направленное на достижение индивидуальности в конкретных психологических условиях адаптации и самоактуализации личности.

Деформация личности подростка – это результат её субъективной интерпретативной практики по конструированию собственного Я. Этим утверждением мы подчеркиваем субъектно-центрированный подход к исследованию психологического механизма психо-культурной деформации личности. Он дает возможность изменить представление в отношении самого феномена «деформация личности подростка».

В ряде исследований, особенно социально-психологического и психолого-юридического характера, деформация личности подростка рассматривается с позиции теоретической механики, как давление из вне, ведущее к изменению свойств личности.

Мы считаем такой перенос идей и концептов теоретической механики на исследование личности, по крайней мере не корректным и предлагаем с позиции личностно-центрированного подхода рассматривать деформацию личности подростка как результат перенапряжения в структуре характера личности, которое возникает как необходимое условие адаптации и самоактуализации личности в критических ситуациях её социального функционирования и не может быть разрешен в силу реального существования у личности **дефицита культурного потенциала**.

Отсюда, психокультурная деформация личности – это характеристика личности с признаками деформированного характера.

Типологическим содержательным признаком деформированного типа ха-

рактера может выступать доминирующее отношение личности. Как отметил В.Н.Мясищев, наиболее детально разработавший идею типа характера. В.Н.Мясищев указал на то, что *типическое в характерах людей отражает общее и специальное в условиях социальной жизни эпохи.*

Помимо доминирующих отношений, определяющих содержательные характеристики характера, типологическими признаками психокультурного типа характера выступают формальные характеристики характера: уровень развития характера, сопряженный со степенью осознанности отношений, а также структурные характеристики целостности характера (включают в себя целостность, гармоничность, уравновешенность и пропорциональность способов действия). Мы основываем наше понимание типичного характера личности на представлениях Б.Г.Ананьева и В.Н.Мясищева о **характере как способе реализации отношений личности** в системе социального функционирования.

Способ реализации отношений является, по сути, выражением уровня культурного потенциала личности.

Многообразие отношений личности, формирующих структуру характера, группируется следующим образом:

1) *отношение к людям* – фиксируется в виде позиций, рангов популярности, престижа, авторитета, закрепляется в практике общественного поведения, превращается в наиболее общие и первичные черты характера (Б.Г. Ананьев называет их коммуникативными чертами характера);

2) *отношение к самому себе* – связано с целями жизни и деятельности, ценностными ориентациями, установками и выполняет функцию саморегуляции и контроля развития, способствуя образованию и стабилизации единства личности (у Б.Г. Ананьева обозначено как рефлексивные свойства характера);

3) *отношение к познанию* – формирует интеллектуальные качества характера (интеллектуальные свойства характера);

4) *отношение к деятельности* – соотносится с волевыми качествами характера (волевые свойства характера).

Свои представления о структурных свойствах личности, мы основываем на взглядах В.Н. Мясищева.

Он связывает именно со структурными особенностями личности меру и своеобразие ее целостности и выделяет следующие структурные качества личности: цельность—расщепленность (характеризует степень интегрированности личностной структуры), последовательность—противоречивость (отражает меру конфликтности отношений), устойчивость—изменчивость (выражает меру иерархичности свойств, осознанность приоритетов), глубина-поверхностность

(имеется в виду осознанность и выраженность отношений личности)

Процесс психо-культурной типизации личности обосновывает необходимость выделения доминантного признака, на основе которого возможно выявление целостного или деформированного психокультурного типа личности.

Учитывая факт того, что целостность или деформация как психокультурные типы личности являются результатами интерактивной культурации личности, в которой реализуется экзистенциальная потребность личности в индивидуализации, можно выделить **критерии психологической диагностики психо-культурного типа личности:**

- 1) стиль идентификации, отражающий соотношения в Я-концепции Я-идеального и Я-реального;
- 2) тип характера как доминирующего отношения к социокультурной системе общества;
- 3) психологический статус личности как ансамбль когнитивного, аффективного коммуникативного и других статусов личности;
- 4) уровень развития культурного потенциала как индивидуальной характеристики потенций субъектности личности, которая отражается в единстве интра-субъектности и интер-субъектности личности;
- 5) интерактивный стиль самоактуализации;
- 6) степень адаптации и уровень самоактуализации;
- 7) доминирующие ценностные ориентации;
- 8) экзистенциальный мотив субъективного выбора личностной формы.

Как уже было отмечено Л.И. Анцыферовой, личность, развиваясь, формируется, она принимает определенную форму. Эта **форма представляет собой целостную систему социальных свойств, а точнее, социальных «органов» личности**, позволяющую общественной жизни человека функционировать не только в коллективной, но и индивидуальной форме.

В нашем исследовании в качестве социальных органов личности, обеспечивающих ей полноценное социальное функционирование, выдвигаются **культурные потенциалы личности:**

1. Интрасубъектный культурный потенциал личности, обеспечивающий функционирование психологических механизмов саморегуляции личности;

2. Интерсубъектный культурный потенциал личности, формирующий диапазон социального функционирования личности

3. *Интерактивный культурный потенциал личности*, характеризующий овладение ею психологическими технологиями и механизмами социального функционирования.

4. *Потенциал культуры личной идентификации*, являющейся по отношению к трем предыдущим факторам, образующим целостность личности как социального субъекта.

Комбинация этих потенциалов на основе методики А. Либиха, определяет психо-культурное своеобразие характера личности. На основе аналитического исследования этого своеобразия и определяется **типология психо-культурной деформации личности**.

В исследовании *характер личности рассматривается как социальная форма личности*.

Складывающаяся социальная форма личности должна найти свое отражение в психологической организации личности—из нее, как из своего основания, вырастают социальные «органы» личности, но никогда не исчерпывают богатства ее психических свойств, состояний, процессов, зарождающихся психологических механизмов, накапливающихся потенциалов, вновь возникающих соотношений.

Постоянная незавершенность – характерная черта психологической организации личности – одно из внутренних условий ее способности к безграничному развитию.

Это означает, что детерминанты психологических механизмов социализации заложены в противоречии её социальной формы – характера. А сам процесс развития практически является безграничным и выступает для личности как экзистенциальный смысл её социального функционирования.

В реализации этого смысла культурные потенциалы личности играют определяющую роль. От их состояния зависит содержательный аспект экзистенциального смысла социального функционирования личности и, соответственно психокультурная типология личности.

Дефицит культурного потенциала личности, согласно концепции социально-психологической школы виктимологии детерминирует на индивидуально-психологическом уровне психо-культурную типизацию личности – личностную дефицитную деформацию.

Личностная дефицитная деформация и предстает в концептуальном введении в культурно-генетической виктимологии как феномен социально-психологической виктимологии.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕФИЦИТНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Междисциплинарный характер концептуализации феномена «*дефицит-но-деформированная личность*», который отмечают практически все её исследователи, не устраняет между тем разности в толковании его сущности. А иногда его сущность определяется эклектично и безотносительно к исследовательской области, в раках которой оно осуществляется.

Эти обстоятельства побуждают нас осуществить концептуализацию, т.е. определить концепцию подхода в обосновании методологии исследования культурно-генетической виктимизации как деструктивного результата культурно-дефицитарного онтогенеза личности, жертвой которого и является дефицитно-деформированная личность.

Приступая к концептуализации методологии исследования дефицитной деформации личности подростка, целесообразно определить ряд исходных положений.

Первое – исследование дефицитной деформации личности как предмета социальной психологии означает факт признания феномена дефицитной деформации личности как транзитного состояния в развитии личности подростка; второе – исследуется деформация личности, а не психики, поэтому в разработке методологии исследования мы исходим не из теории психического развития, а из психологической теории социализации.

Эти принципиальные позиции определяют концептуальное ядро психологического исследования дефицитной деформации личности подростка и её модальности – психо-культурной деформации. Они обосновывают обращение к субъектно-центрированному подходу, как теоретическому основанию концептуализации исследования дефицитной деформации личности подростка.

Опора в исследовании дефицитной деформации личности на субъектно-центрированный подход выводит на необходимость сопоставить его с широко используемым в отечественной психологии личностно-ориентированным подходом (А.Д. Грибанова, В.К. Калинин, Л.М. Кларина, В.А. Петровский, Л.П. Стрелкова).

Личностно-ориентированный подход наиболее продуктивно реализован педагогикой в обосновании *личностно-ориентированной педагогики социализации* (В.А. Петровский) и в педагогической психологии, и в частности в разработке *технологии личностно-ориентированного обучения* (И.С. Якиманская, Д.А. Белухин).

Личностно-ориентированное обучение – это психолого-педагогическая парадигма интеракций, ориентированных на специфику социализирующейся личности, её самобытность, само-ценность и субъектный опыт. Специфической особенностью личностно-ориентированного подхода является признание интериоризации не как психологического механизма культурно-генетического социализации (по Л.С. Выготскому), а как психологического механизма самодетерминации культурогенеза личности. Это подчеркивает главенствующую функцию развивающей (т.е. учителя, воспитателя) личности в интеракциях. А сами интеракции обосновываются как *средство педагогической фасцилитации индивидуализации личности*. Однако при разработке технологий личностно-ориентированного обучения эти методологические установки были скорректированы. Возникшая на основе личностно-ориентированного подхода психолого-педагогическая парадигма в силу её ассимиляции с уже существовавшими психолого-педагогическими установками и концепциями, идею фасцилитации отодвинула на второй план.

На психолого-педагогической парадигме личностно-ориентированного подхода формируются *три группы технологий личностно-ориентированного социализации: культурно-генетическая, предметно-дидактическая и психологическая*.

Психологическая модель личностно-ориентированных технологий социализации ориентирована на цели социализации. Существующие технологии психологической модели ориентированы в основном на реализацию информативной (познавательной), а не развивающей функции образования. Это обусловлено тем, что обучение признается главной детерминантой социализации на всех этапах её возрастного становления. И здесь выявляется одна из существенных функциональных характеристик личностно-ориентированных технологий социализации. Как отмечает Д.А.Белухин, сущность личностно-ориентированного подхода состоит в обеспечении *содействия развитию личности*.

В таком контексте трактовки сущности личностно-ориентированного подхода существенными становятся два фактора: воспитательная позиция и личностный потенциал развивающей личности. Соответствующие черты воспитательской позиции определены В.А. Петровским и его сотрудниками:

- цель: содействие становлению и развитию личности воспитанника;
- в общении с детьми воспитатель придерживается принципа: «Не рядом и не над, а вместе!»;

– основная линия поведения: не подтягивать воспитанника к некоторым заранее известным стандартам, а координировать свои ожидания и требования с задачей максимально полно развернуть замечаемые в ходе общения возможности личностного роста воспитанника;

– способы общения: понимание, признание и принятие другого.

Взгляд на воспитанника как на полноценного, сотрудничающего партнера. Сами воспитатели открыты, способны к росту, проявляют интерес к профессии. Эффект воспитания проявляется в расширении «степеней свободы» воспитанника.

Личность воспитывающего взрослого определяется в контексте личностно-ориентированного подхода в качестве основной детерминанты социализации подростка. Причем, основным условием реализации своего личностного потенциала для воспитывающего взрослого является владение транзактными технологиями организации совместной деятельности. Это определяет доминирующую роль развивающей деятельности учителей, родителей и всех кто тем или иным образом включен в образовательные системы социализации.

Нам представляется, что именно в этом и заключается психологическая уязвимость личностно-ориентированного подхода и ограничение его возможностей в продуктивном использовании в практическом решении задач психологической деятельности, направленной на обеспечение полноценного социализации.

Содействие развитию, по сути, сформировало психологические технологии деструктивной аттракции социализирующейся личности от социализирующей личности. Возникает ситуация взаимного отчуждения и формируется состояние психологической аномии – утраты социального чувства общности и взаимного доверия.

Деструктивность психологической аномии, сформированной технологиями личностно-ориентированного подхода, выявляется сразу, как только проявится коммуникативная позиция социализирующей личности, как *депривация субъективного усилия*. А это и есть источник формирования культурной патологии и культурно-дефицитарного онтогенеза личности.

Ориентация в психологических технологиях только на содействие в развитие личности, определенным образом деформирует диспозиционную систему регуляции социального функционирования личности. Это диспозиция гедонизма, отрицающая усилие, психическую активность как условие социализации и развития. Диспозиция гедонизма в условиях культуры конкуренции, которая

характерна для современного российского общества, по сути, является культурной патологией.

Реалии ситуации социального функционирования личности подростка в современной социокультурной ситуации характеризуют в качестве ведущего принцип конкуренции, а не содействия. Это обстоятельство выдвигает в качестве определяющего фактора социализации подростка её *личностные психологические потенциалы, обеспечивающие психическую и социальную активность субъекта в условиях конкуренции.*

Дефицит психологических потенциалов социализирующейся личности в критические периоды её жизнедеятельности трансформируется в девиантное поведение и формирует ситуацию, когда в нашей стране интенсифицируется динамику роста самых разнообразных форм девиации.

Употребление наркотиков очень широко и глубоко пустило корни в современном быту. Довольно большая часть молодежи всё более снисходительна к этому явлению. Как отнеслась бы современная молодежь к тому, что семья после совместного поглощения ужина перешла бы к совместному “поглощению” какого-либо из наркотиков “на десерт”? 5,4 % опрошенных студентов – положительно; 17,2 % – затруднились ответить, 29,9 % – отрицательно. Связали бы свою жизнь с человеком, употребляющим наркотики, 20,9 % опрошенных; 28,2 % – не заботит в данный момент здоровье будущих детей.

Радует факт, что 81,1% опрошенных попытались бы в будущем оградить своих детей от наркотиков (12,7 % – нет).

К еще одной форме негативного девиантного поведения молодёжи относятся пьянство и алкоголизм. В России отсутствуют достоверные сведения об уровне алкоголизации населения, и о возрастном составе лиц, злоупотребляющих алкоголем.

Известно, что ранняя алкоголизация приводит к тяжёлым последствиям медицинского и социального характера:

- во-первых, пьянство перерастает в алкоголизм за 2 – 4 года вместо 5 – 10 лет для взрослого человека,
- во-вторых, увеличивается риск рождения детей у лиц, регулярно употребляющих алкоголь, с психическими и физическими аномалиями, а студенческая молодежь как раз вступает в детородный период,
- в-третьих, – резко возрастает вероятность криминального поведения. Кроме того, в последнее время резко увеличилось продажа

фальсифицированной алкогольной продукции, результатам которой являются заболеваемость и смертность от алкогольных отравлений.

Среди опрошенных студентов 48,8 % любят выпить с друзьями; 39,1 % ответили, что в их компаниях принято отдохнуть вечером за рюмочкой, при этом 70,9% – знают свою норму в принятии спиртного; 11,8 % опрошенной студенческой молодежи не застрахована от нежелательных последствий (в том числе, возможно, и криминальных) употребления спиртных напитков.

На вопрос «Сможете ли вы не употреблять алкоголь, когда вся компания выпивает?» только 53,6% опрошенных ответили утвердительно; 30,9 % сообщили, что не смогут отказаться, 15,4 % – не смогли спрогнозировать свое поведение в такой ситуации. Девиантные проявления среди студентов не ограничиваются только этими формами.

Можно говорить и о проституции, которой в данное время занимаются не только женщины, но и мужчины. Такой вид заработка считают не хуже заработка бухгалтера, инженера 32,7% опрошенных, приемлемым выходом из трудной финансовой ситуации считают проституцию 25,4% опрошенных, хотя при этом 31,8% убеждены, что жизнь женщины или мужчины, вставших на этот путь, считается испорченной навсегда. 30,9% опрошенных студентов убеждены, что проституция довольно широко распространена среди студенческой молодежи.

Вполне допустимым считают зарабатывать на жизнь рэкетом 53,6% студентов, и только 10% опрошенных считают возможным этот вид заработка для студентов; 23,6% считают для себя допустимым при возможности заняться рэкетом. Но это уже факт трансформации девиантности в делинквентности.

Приведенные факты, убедительно доказывают несоответствие личностно-ориентированной методологии социального онтогенеза актуальной социально-психологической ситуации, в которой оно осуществляется.

Это обстоятельство и побудило нас обратиться к субъектно-центрированному подходу как концептуальной методологической ориентации исследования психологической деформации личности подростка.

Субъектно-центрированный подход, предложенный К. Роджерсом и обоснованный в трудах практически всех представителей гуманистического направления современной психологии, наиболее ярко предстает в интерпретации М. Бодун.

Как концептуальная основа методологии исследования психологической деформации личности данный подход реализуется в системе методологических

принципов и концептуальной трактовке личности, а также детерминант её развития.

Субъектно-центрированный подход определяет следующие методологические принципы исследования психологической деформации личности подростка:

1. *Принцип целостности.* Личность является целостным образованием, не сводимым к своим составляющим. То, что происходит в любой части целого, затрагивает всю личность. Целость Я создает уникальный характер переживаний каждого человека. Именно поэтому предметом изучения должны стать психологические механизмы, обеспечивающие целостность личности и факторы, определяющие риск деформации личностной целостности.

2. *Принцип позитивности.* Природа человека добра и конструктивна, в связи, с чем акцент переносится на изучение здоровых, творческих социальных субъектов, имеющих проблемы, но и обладающих огромными внутренними ресурсами их решения. Деятельность человека не является жестко детерминированной природными законами. Он возвышается над природой и создает свой особый духовный мир. Жесткому внешнему детерминизму личностно-центрированный подход противопоставляет самодетерминированность и самодостаточность, (в самом человеке, по мнению представителей гуманистической психологии, есть все необходимое, чтобы жить в этом мире).

3. *Принцип развития* призван объяснить наличие этих внутренних потенций. Как любое живое существо, человек от природы наделен тенденцией к росту, развитию и реализации.

Поэтому К. Роджерс, а также А. Маслоу, разделяющий эту позицию, считаются основоположниками движения «за актуализацию человеческого потенциала». В то же время представители экзистенциального крыла в гуманистической психологии (Р. Мэй, В. Франкл и др.) не считают, что человек от природы является добрым и совершенным. Потенции, данные природой, могут быть использованы и во благо, и во вред, как себе, так и другим людям. Однако вера в человека характерна и для этих ученых, полагающих, что человек может и должен сделать выбор в пользу позитивного развития. С их точки зрения, в этом и есть смысл человеческого существования. Развитие не имеет предела независимо от того, идет ли речь о личности, о межличностных отношениях, об обществе в целом либо о поиске смысла своего существования. Человек обладает огромным творческим потенциалом, но для того, чтобы он был реализован, человек должен быть активен.

Принцип активности также созвучен оптимистическому взгляду гуманистической психологии на человека. Человек – не жертва обстоятельств, ранее приобретенных навыков, переживаний раннего детства. Он от природы самодетерминирован, сам творит свою судьбу, свободен в выборе своей жизни и несет за этот выбор ответственность. Это отнюдь не означает, что другие люди не влияют на жизнь человека, но это влияние не должно быть определяющим. Активность возможна только в настоящем, и в этом настоящем человек должен научиться жить. От активности в настоящем зависит и будущее.

Субъектно-центрированный подход дает импульс в развитии иной методологической ориентации в оценке детерминант психологической деформации личности. В силу того, что проблема деформированной личности наиболее интенсивно разрабатывалась в рамках социологических исследований, то сам феномен деформированной личности обосновывался как результат внешнего давления на личность, которое определяло деформацию структуры. Главным образом, ценностной или диспозиционной компоненты этой структуры рассматривались в контексте социологической трактовки деформированной личности.

В противовес социологической ориентации субъектно-центрированный подход в психологическом исследовании, ориентирует на исследование интрапсихических и интерпсихических детерминант психологической деформации личности.

Субъектно-центрированный подход обосновывает признание личности как субъекта своего развития, а качество развития определяется через оценку психологических потенциалов личности.

Субъектно-центрированный подход базируется на следующих основных предположениях относительно природы человека, постулируя: тенденцию к самодетерминации; принцип саморегулирования; зависимость уровня самоактуализации личности от уровня развития её психологических потенциалов, интерактивную природу формирования психологических потенциалов. Рассмотрим отдельно каждый из этих пунктов.

1. Тенденция к самодетерминации определяется, как имеющаяся у каждого из нас способность выбирать то, что в дальнейшем улучшит качество нашей жизни и, следовательно, жизнь людей вокруг нас. Хотя мы можем и не контролировать внешние влияния и события, воздействующие на нашу жизнь, у нас есть выбор: каким образом реагировать на обстоятельства, чтобы способствовать собственному развитию.

2. Принцип саморегулирования для нас означает, что у человека есть *природный ритм развития*. Как невозможно ускорить естественное течение реки, так невозможно вынудить человека быть тем, кем он не является.

Она подразумевает, *что я могу быть самой собой, с кем бы то ни было без опасения оказать на этого человека чрезмерное влияние: я могу свободно выражать свои мысли и проявлять свою личность, не боясь, что заставляю кого-либо еще следовать за мной*. Если предлагаемое мной не находится в гармонии с ритмом и направленностью другого человека, то оно не будет им ассимилировано. С другой стороны, если то, что я говорю или делаю, находит отклик во внутреннем мире другого человека, это может послужить катализатором для его развития.

Субъектно-центрированный подход – это такой подход, в соответствии с которым уважаются потребности и ритм развития других людей

3. Самоактуализация личности – это реализация её психологических потенциалов.

К. Роджерс, формулируя центральную гипотезу субъектно-центрированного подхода отмечает, что индивиды обладают огромными внутренними ресурсами для самопознания и изменения своих Я-концепций, основных установок и саморегулируемого поведения. Эти ресурсы могут быть привлечены, если удастся создать определенный климат, обеспечиваемый фасцилирующей психологической установкой.

Развертывание следует из признания того, что мы уже имеем в себе все необходимые ресурсы, чтобы жить полноценной жизнью. Ограничение вытекает из зависимости от межличностных отношений как единственного пути привлечения этих ресурсов.

Конкретизация К. Роджерсом позиции об интерактивной природе формирования психологических потенциалов личности дает возможность обосновать интерактивную природу формирования психологических потенциалов личности.

4. Интерактивная природа формирования психологических потенциалов личности наиболее полно реализована как концепция интерперсональной теории психотерапии Г.С. Салливаном. Салливан провозгласил, что объектом психологического исследования должен стать не отдельный субъект, а личность как продукт совместной деятельности субъектов. Личность является, по мнению Салливана, относительно устойчивой моделью повторяющихся межличностных ситуаций, характеризующих человеческую жизнь.

Ребенок рождается с потребностью общения с людьми, потребностью в нежности и с потребностью избегания тревоги. При рождении мир встречает ребенка не очень «нежно» – ребенку холодно, он переживает дискомфорт, когда выходит из чрева матери. В качестве реакции на этот дискомфорт у ребенка появляется беспокойство.

Таким образом, основными механизмами социализации Г.С. Салливан считает: 1) потребность в нежности, ласке (в разных книгах автор по-разному ее называет) и 2) стремление избежать тревогу.

Таким образом, в качестве механизма, формирующего личность, у Салливана уже выступают межличностные отношения.

Межличностные отношения в рамках концепции личностно-центрированного подхода обосновываются с позиции двух основных функций. Межличностные отношения, а точнее психологические механизмы их реализации, в т. ч. интеракция рассматриваются, во-первых, как механизм развития личностных потенциалов, а во-вторых, как механизм адаптации и самоактуализации личности.

Л.И. Анцыферова считает основным способом существования личности постоянное развитие, направленное на реализацию своих возможностей в деятельности и общении. Как только человек прекращает усилия по развитию своих психических функций, социальных и профессиональных навыков и умений, сразу начинается регресс личности. Одной из сторон регресса личности является психологическая деформация.

Если следовать логике субъектно-центрированного подхода к исследованию психологической деформации личности, то возникает необходимость в обосновании необходимой для реализации исследовательской цели функционально-психологической модели социального социализации. Именно в этой модели находит воплощение субъектно-центрированный подход, обоснованный К. Роджерсом, А. Маслоу, Г. Салливаном и психоаналитиками социально-психологической и культурологической ориентаций.

Для теоретического обоснования обратимся к теории И.М. Палея и В.С. Магуна о трех сторонах личности.

Первая сторона личности описывает внутреннее строение личности через такие характеристики, как иерархичность и целостность. Под иерархичностью понимается подчинение в процессе развития низших функций (процессов, свойств) более высшим функциям. Целостность означает единообразие поведения человека в повторяющихся условиях и обстоятельствах.

Вторая сторона личности раскрывает особенности ее взаимодействия с предметным миром через характеристики ее активности и самостоятельности. Зрелая личность всегда занимает активную жизненную позицию в любой деятельности, которой она занимается. Она сама определяет для себя смысл, цели и задачи деятельности и ищет оптимальные способы их выполнения. Иногда она даже не ждет вознаграждения за свою работу, если эта работа принесла ей удовлетворение.

Третья сторона личности характеризует особенности ее взаимоотношений с другими людьми, И.М. Палей и В.С. Магун выделяют в качестве критерия зрелости как основания полноценного социального функционирования, только одну, но очень существенную способность личности – возможность содействовать росту и развитию личности других людей. Личность, по словам С.Л. Рубинштейна, «определенностью своего отношения» к жизни «заставляет и других самоопределяться». Пространственно-временная широта этого влияния, в конечном счете, определяет масштаб личности, Чаще всего это влияние распространяется только на ближайшее окружение человека.

Теория о трех сторонах личности подчеркивает **главное качество полноценно функционирующей личности – субъективность**. Она же хотя и не напрямую, определяет зависимость субъективной зрелости личности от её психологических потенциалов.

Субъектно-центрированный подход, принятый нами в качестве концептуального основания исследования психологической деформации личности подростка, дает основание определить *концептуальную функционально-психологическую модель социализирующейся личности*.

Основными параметрами этой модели являются:

1. *Интра-субъектный уровень психологических потенциалов личности*, определяющий интра-психическое функционирование личности как реализация осознанного психического регулирования механизмами социального функционирования;

2. *Интер-субъектный уровень психологических потенциалов личности*, обеспечивающий её возможности интер-психического функционирования посредством овладения механизмами социального функционирования – социальными ролями;

3. *Интерперсональный уровень психологических потенциалов*, характеризующий владение личностью социальными и психологическими техниками самоактуализации и адаптации.

Интегративным ядром, обеспечивающим целостность и интегрированность трех уровней психологических потенциалов личности, является Я-концепция. Её мы рассматриваем как идентификационный уровень потенциалов личности.

Я-концепция личности может быть представлена как когнитивная система, выполняющая роль регуляции поведения в соответствующих условиях.

Она включает в себя две большие подсистемы: *личностную идентичность* и *социальную идентичность*.

Первая относится к самоопределению в терминах физических, интеллектуальных и нравственных личностных черт. Вторая подсистема – социальная идентичность складывается из отдельных идентификаций и определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу и т. д. Наряду с личностной идентичностью, социальная идентичность оказывается важным регулятором самосознания и социального поведения.

Важнейшие положения теории социальной идентичности формулируются в виде следующих постулатов, отмечает в своем исследовании В.С. Агеев. По его мнению, **социальная идентичность** складывается из тех аспектов образа «Я», которые вытекают из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп (или категорий, как предпочитают обозначать их Тэджфел и Тэрнер).

Индивиды стремятся к сохранению или повышению своей самооценки, то есть стремятся к положительному образу себя.

Социальные группы (или категории) и членство в них связаны с сопутствующей им положительной или отрицательной оценкой, существующей в обществе, следовательно, **социальная идентичность может быть положительной или отрицательной**.

Оценка собственной группы индивидом определяется взаимоотношениями с некоторыми другими группами через **социальное сравнение значимых качеств и характеристик**. Сравнение, результатом которого становится положительное отличие своей группы от чужой, порождает высокий престиж. А, отрицательное – низкий.

Для социальной «Я-концепции» значимы с точки зрения методологической концептуализации, по крайней мере, три уровня самокатегоризации:

1) высший, – категоризация себя как человеческого существа, обладающего общими чертами со всеми представителями человеческого вида, в отличие от других форм жизни и не жизни;

2) промежуточный, – ингрупповая-аутгрупповая категоризация, основанная на сходстве или различии между людьми, определяемыми как члены именно этих социальных групп, а не каких-то других;

3) низший, – личностная самокатегоризация, основанная на отличии себя как уникального индивида от других членов ингруппы.

Эти три уровня определяют человеческую, социальную и личностную идентичность и основаны соответственно на межвидовом, межгрупповом и межличностном сравнении себя с другими.

Корни такого изучения лежат глубоко в истории психологии. Родоначальником можно считать У. Джемса с его концепцией осмысления личностью своей само тождественности, своих «границ» и места в мире. Джемс показал, что человек думает о себе в двух плоскостях, откуда и два аспекта идентичности: в личном аспекте, что и создает личностную само тождественность, и в социальном аспекте, где формируется многообразие социальных Я индивида.

К идее о двух аспектах осмысления личностью своих границ в мире обращались многие исследователи. Такие, как Ч. Кули (теория зеркального Я) и Г. Мид (становление личности во взаимодействии с другими), а также Э. Эриксон и др.

По сравнению с терминологией Джемса («два аспекта Я») в современной литературе проблема формулируется как проблема двух *видов идентичности* – личностной и социальной. Если личностная идентичность – это самоопределение в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт индивида, то социальная идентичность – самоопределение в терминах отнесения себя к определенной социальной группе (по Эриксону – «ощущение внутренней согласованности», «поиск своего места в жизни»).

Если для выявления личностной идентичности необходимо описание так называемой «Я-концепции», то для выявления социальной идентичности необходимо исследование связей личности со своей группой. Р. Бернес дает такое определение «Я-концепции»: «Это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой». Описательную составляющую «Я-концепции» он называет «образом-Я» или «картиной-Я», что включает в себя отношение к себе, самооценку, принятие себя.

Тэшфэл описал психологический механизм личностной категоризации как три шага на пути познания человеком собственной идентичности.

- первый шаг: **социальная категоризация** – упорядочивание социального окружения в терминах группировки личностей способом, который имеет смысл для индивида;

- второй шаг: **социальная идентификация** – процесс, посредством которого индивид помещает себя в ту или иную категорию;
- третий шаг: **социальная идентичность** – получение некоторого итога – полного социального отождествления индивида.

В этом рассуждении необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, Тэшфэл четко разводит понятия «идентификация» – как процесс и «идентичность» – как продукт этого процесса.

Процесс формирования собственной идентичности сопровождает человека на протяжении всей его жизни, этот процесс – важнейшее содержание социализации.

Неслучайно поэтому то, что одна из наиболее разработанные теорий идентичности принадлежит видному специалисту в области социализации Э. Эриксону. В «эпигенетической концепции жизненного пути человека» Эриксон обозначает разнообразные срезы проблемы идентичности.

В нашем контексте особенно интересно само определение идентичности, даваемое Эриксоном: «это субъективное чувство, а также объективно наблюдаемое качество личной само тождественности и непрерывности, постоянства, соединенное с определенной верой в тождественность и непрерывность, постоянства некоторой разделяемой с другими людьми картины мира».

В этом определении, очевидно, просматривается роль социальной идентичности в познании социального мира: принадлежность к социальной группе обуславливает конструирование образа этого мира совместно с другими членами группы.

Очень значительны рассуждения Эриксона по поводу сложной структуры идентичности, включения в ее содержание, по существу, трех идентичностей:

- Я-идентичности (осознание себя целостным в пространстве и времени);
- групповой идентичности («перенесенной внутрь групповой идентичности»);
- психосоциальной идентичности (значимости своего бытия с точки зрения общества).

К последнему следует добавить и такую характеристику идентичности, как наличие в ней двух сечений: положительного – каким человек должен стать и отрицательного – каким человек не должен стать. Здесь осознание себя как элемента социального мира соотносится с выработкой стратегии *поведения*, что очень важно с точки зрения единства познания и действия.

На *подростковой* стадии наблюдаются два механизма формирования идентичности: а) проецирование вовне смутных представлений о своей идеаль-

ности («сотворить себе кумира»); б) негативизм по отношению к «чужому», подчеркивание «своего» (боязнь деперсонализации, усиление своей «непохожести»).

Когда молодой человек не готов осуществить выбор идентичности, у него наступает «психосоциальный мораторий» – продление переходного периода. Здесь и возможен кризис идентичности. Кризис идентичности – это стагнация процесса формирования Я как субъектно-динамической характеристики личности.

В теории Дж. Мида процесс формирования Я рассматривается как своего рода отход от центристской тенденции, как включение в свой мир других людей, как, с другой стороны, умение войти в их роль. Подражая родителям, ребенок учится входить в роль и выходить из нее, но, главное, он научается видеть себя со стороны. «Я-образ» («отраженное Я» *Looking-glass Self*) – это представление о себе, увиденное глазами других. Чем значимее эти другие для ребенка, тем больше вероятность, что Я-образ будет формироваться под влиянием оценок этих «значимых других».

При общении ребенка с отдельными «другими» начинает формироваться обобщенный образ своего Я, причем лучше всего это происходит не при парном взаимодействии, а в групповых интеракциях. Образ закладывает конструкцию «генерализированного другого».

«Генерализированный другой» – это обобщенный образ других, который легче конструируется в группах, а не в парных контактах. В сплоченных семьях «генерализированный другой» идентифицируется с семейным МЫ и Я-образ складывается не как простая сумма образов других людей, а как концепция Я, присущая «генерализированному другому». Чем выше уровень интеграции семьи, тем выше уровень интеграции и целостности Я-концепции социализирующейся личности.

Различия Я-образов в разных группах – проводниках (агентах) социализации – будет заставлять человека подбирать таких «значимых других», которые будут подтверждать личную конструкцию Я-концепции.

Различия образа Я в контексте субъектно-центрированного подхода определяют:

- энергетические источники социализации и доминирующий психологический механизм социализации;
- социальные качества агентов социализации и характер социализирующих отношений.

Субъектно-центрированный подход как концептуальное основание методологии психологической деформации личности подростка определяет своеобразие гносеологической модели личности подростка, своеобразие экзистенциальной мотивации социализации подростка, характер модели и психологического механизма социализации подростка и выводит на характеристику результирующей типологии социализации подростка.

А это значит, что субъектно-центрированный подход дает нам основание перейти на качественно иной уровень психологического исследования проблем социализирующейся личности подростка. На уровень исследования психологических потенциалов личности как основы её полноценного социального функционирования. Вместе с тем, субъектно-центрированный подход дает возможность определить взаимосвязь дефицитов психологических потенциалов личности с психологической детерминацией процесса психологической деформации личности в условиях стресса аккультурации. Стресса, который обосновывается в культурно-генетической виктимологии в качестве фактора деструкции психологического механизма социального социализации.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДЕФИЦИТНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Гносеологическая модель социализирующейся личности подростка (модель онтогенетической социализации) формируется на основе философско-антропологических идей, определяющих понимание *человека как субъекта общения и субъекта своего развития*. Такая методологическая позиция исходит из философско-психологической концепции психологии личностной субъектности, обоснованной в трудах С.Л.Рубинштейна.

Выстраивая гносеологическую модель психологического социализации подростка на принципах философии субъектности, мы не только реально воплощаем в нашем исследовании субъектно-центрированный подход, но и получаем возможность обосновать *интерактивный культурогенез личности в качестве психологического механизма развития ее потенциала*.

С этой позиции психологическая деформация личности рассматривается как феномен, рожденный дефектами интерактивного культурогенеза личности – культурно-дефицитный онтогенез.

Выдвигая дефект интерактивного механизма культурогенеза личности подростка в качестве одной из множества детерминант феноменологического описания психологической деформации личности, необходимо обратиться, прежде всего, к концептуальным идеям философии коммуникации.

Обращение к философии коммуникации в разработке гносеологической модели психологического механизма развития личности подростка, является своего рода продолжением изучения этого направления современной философской мысли, которое мы начали при разработке коммуникативной педагогики и психологии праздничного общения и социальной технологии массовой релаксации.

В тот период философия коммуникации как гносеологическая модель исследования выстраивалась нами на основе работ Б.Д. Парыгина, Г.М. Адреевой, Л.П. Бугеовой, А.А. Бодалева и других отечественных авторов. Философско-коммуникативные теории зарубежных авторов присутствовали как бы в скрытом варианте.

В обосновании философии коммуникации как теоретического основания гносеологической модели социализирующейся личности акцент сделан на работах представителей экзистенциально-антропологического направления в современной философии коммуникации. Это обусловлено концептуальной ориентацией, на которой основано исследование психологической деформации

личности как одной из уникальных проблем современной психологии развития.

Философия коммуникации рассматривается в исследовании психологической деформации личности как теоретическое основание гносеологической модели социализирующейся личности подростка, представляющее возможность, вскрыть интерактивные, интра-психические и интер-психические источники психологической деформации личности.

Это приближает наше понимание психологической деформации личности как результат дефекта интерактивного механизма культурогенеза личности подростка к её трактовке в работах Г.С. Салливана. Приближает, но не отождествляет. Не отождествляет уже по той причине, что методология исследования социализации у Г.С. Салливана и наша методология имеет разные гносеологические модели психологического механизма социализации.

Как отмечают Кэлвин С. Холл и Г. Линдсей, Г.С. Салливан является создателем концепции межличностной психиатрии. Её главный принцип заключается в следующем: личность-это «относительно продолжительный паттерн периодически возникающих межличностных ситуаций, характеризующих жизнь человека». Следовательно, Г.С. Салливан предлагает рассматривать всю совокупность психологических и социальных проблем личности в контексте его межличностных отношений. Исследовательская позиция Г.С. Салливана нашла отражения в сформулированной им гносеологической модели социализирующейся личности. Не смотря на то, что Г.С.Салливан является основателем интерперсонального психоанализа, разработанная им гносеологическая модель психологического механизма социализации основывается *на концепции редукации напряжения потребностей через трансформацию энергии напряжения.*

Коммуникации в этой модели отводится роль психологического механизма редукации напряжения актуальной потребности. Сам же психологический механизм социализации в гносеологической модели Г.С. Салливана представляет собой динамическое единство фазы напряжения и фазы трансформации напряжения. Главной детерминантой развития у Г.С.Салливана является межличностная ситуация. Развитие личности по Г.С.Салливану – это динамический процесс трансформации Я – системы личности под воздействием психотехнических систем культурации. Хотя и автор напрямую о феномене культурации не пишет, но в латентном состоянии в его работах рассматривается развитие личности ни как биогенез или психогенез, а именно как культурогенез. Наиболее четко эта позиция определена в исследованиях А. Адлера, К. Хорни, Э. Эриксона.

Если детально сравнивать принцип описания психодинамики развития Г.С. Салливана в сравнении с эпигенетическими принципами развития Э. Эриксона, то станет очевидным схожесть их позиций в обосновании *индуктора социализации*. Таким индуктором у обоих авторов является *социально-ситуативная задача развития*.

В подростковом периоде развития такой задачей в гносеологической модели психологического механизма развития личности подростка Г.С. Салливана является развитие паттерна межличностных отношений, соответствующего напряжению актуальных для этого возраста потребностей. У Э. Эриксона – обретение личностной идентичности.

Гносеологическая модель психологического механизма социализации подростка определила интерперсональную природу концептуального подхода в формировании теорий и концепций развития личности практически всех культурно ориентированных психоаналитиков.

Её влияние обнаруживается и в формировании гносеологической модели психологического механизма социализации Э. Берна. Только у Э. Берна вместо трансформирующей коммуникации в основание модели психологического механизма социализации положена компенсирующая транзакция.

Наиболее ярко этот подход нашел отражение в психоаналитических исследованиях Э. Фромма. Именно ему принадлежит описание классификации межличностных отношений. Э. Фромм предложил выделять:

- два рода отношений личности к социокультурной среде своего функционирования – *ассимиляцию и социализацию*;
- четыре вида межличностных отношений – *симбиотические отношения, отчужденность, разрушение и любовь*.

На основе такой морфологии межличностных отношений Э. Фромм подходит к пониманию роли межличностных отношений в формировании психологической деформации личности как *патологии социального функционирования* и источнику патогенеза психо-культурной адаптации личности. Все это нашло отражение в разработанной Э. Фроммом психологической теории патогенеза психо-культурной адаптации – анатомии человеческой деструктивности. В этой теории автор, по сути, обосновал, правда, без конкретной номинации *патокультурогенез личности* в его наиболее уродливой форме – некрофилии.

У Э. Фромма, как и К. Хорни, генетический источник психологической деформации личности как *патология интерактивного культурогенеза* и социального функционирования концентрируется как в коммуникативной установке (ориентации – в психоаналитической трактовке), так и в самом процессе меж-

личностного общения. Даже краткий взгляд на психоаналитическую трактовку гносеологической модели психологического механизма социализации, представленную в трудах Г.С. Салливана, К. Хорни, Э. Фромма, А. Адлера, убеждает в общности их концептуального подхода в исследовании взаимосвязей между общением и психологической деформацией социализирующейся личности подростка. Эта общность определяет концептуальный взгляд на общение и развитие как на две взаимообусловленные проблемы.

Однако, в рамках определенной нами концептуальной ориентации – субъектно-центрированном подходе – общение, а точнее, интерактивный потенциал личности является ведущим в обосновании детерминации психологической деформации социализирующейся личности подростка.

Проблема общения как осознание роли интерактивного культурогенеза является одной из важных не только в философии. Хотя в отечественной философии ей посвящены фундаментальные исследования Л.П. Буевой, Б.Д. Парыгина, М.С. Кагана. Именно работы М.С. Кагана и Л.П. Буевой сформировали для отечественной психологии методологические подходы к обоснованию интерактивного культурогенеза как психологического механизма социализации подростка. Однако, введение в исследовательское поле **психологии интерактивного культурогенеза личности** в качестве психологического механизма социализации подростка, осложнено слабой разработкой самой философии коммуникации.

Теоретическая и методологическая не разработанность философии коммуникации не дает исследователем психологических механизмов социализации (не зависимо от её возраста) выйти на обоснования их интерактивной природы, не смотря на множество диссертационных исследований, в которых общение рассматривается, прежде всего, как условие социализации.

Особенно остро эта проблема ставится в таких направлениях современного философского мышления, как экзистенциализм, персонализм, философская антропология, феноменология. Несмотря на различные формы осознания данной проблемы в современной философии и социологии, сам факт этого сознания, несомненно, имеет ряд объективных, тесно взаимосвязанных между собой причин, которые и породили волну литературы, где понятие общения становится одним из ключевых. В этой проблеме (как одном из существенных аспектов более общей проблемы – проблемы социализации), как ни в одной другой, симптоматично многое: и то, когда она возникла, в какое время начала осознаваться в философии наиболее остро, и то, кем она была выдвинута и почему сохранила свою актуальность до наших дней.

Исходные принципы осознания феномена общения как культурно-генетического механизма социализации были созданы почти одновременно: в теории «интер-субъектности» Э.Гуссерля, «феноменологии симпатии» М.Шелера, «диалогике» М.Бубера, теории «экзистенциальной коммуникации» К.Ясперса. Тогда же появляются программные работы Х.Ортеги-и-Гассета, Г.Марселя, М.Хайдеггера. Эти принципы формировались как результат философской рефлексии детерминант духовного патогенеза личности и дезинтеграции культур Европейского континента. Особое значение для решения задач моего исследования имеет концептуальная позиция этих исследований, обосновывающая взаимосвязь дезинтеграции культуры с дезинтеграцией психики.

Анализ современных тенденций развития общения личности в обществе, отраженный в многочисленных социологических и социально – психологических исследованиях, показывает возрастающее стремление к социальной самоизоляции, корпоративной ассимиляции и межличностной конфронтации.

Несомненно, что все эти тенденции в существовании человека трансформируемого российского общества, общества, которое сумело поставить на место всех социальных и нравственных ценностей эгоизм, своекорыстную потребность, претворить человеческий мир в мир атомистических, враждебно друг другу противостоящих социальных субъектов. Это согласно позиции К. Маркса, еще больше усугубляются по мере перехода от периода социокультурной трансформации к периоду социальной конфронтации.

В условиях социокультурной конфронтации и структурирования общества дефектность культуры и психотехнических систем межличностного общения еще больше усиливаются. Это происходит в специфической форме углубления корпоративных аспектов и аспектов манипуляции в межличностном общении. Чем больше в реальной жизни человек становится зависимым членом той или иной корпорации, группы, тем явственнее возникает перед нами парадоксальная, но только на первый взгляд, ситуация все усиливающейся разобщенности людей, перерастающая во враждебность.

Это формирует с одной стороны тенденцию усиления значимости подростковой субкультуры в развитии личности подростка, а с другой, субкультурную мозаику и субкультурный антагонизм. Борьба всех против всех, мелочная и напряженная, становится своеобразным законом жизни этих патоадаптивных культур и находит свое непосредственное воплощение в извращении межличностного общения. Сопутствующая же этому процессу включенность человека в тот или иную патоадаптивную культуру конфликтного общества.

Атмосфера общедоступности, понятности, фамильярных отношений фактически является чем-то чуждым, в корне противоположным духу личностного общения.

Параллельно с этими процессами, как бы своеобразно дополняя их, конфликтному обществу становится имманентно присущим существование грандиозной машины по «обработке умов», этого основного способа общения с массой. В наше время это все активнее проявляется в вещательной политике общероссийских теле – и радиоканалов, а также стремлением политических партий и экономических кланов к захвату теле – и радио – эфира, необходимого для политической и психологической обработке сознания миллионов людей. Таким образом, можно довольно однозначно утверждать, что устойчивый интерес к проблеме общения в современной философии тесно связан и с тем фактом, что трансформируемое российское общество произвело на свет мощные реальные инструменты психотехнических систем культуры демагогии, селекции предрассудков, поверхностного, но эффективного перекомбинирования элементов обыденного сознания, фиксации одних его представлений и разрушения других.

То есть, создана *психологическая технология управления общением людей путем формирования когнитивного диссонанса, как психогенного фактора деформации социализирующейся личности подростка.*

Особое место в этой технологии отводится психотехническим системам культуры средств массовой информации. В.А.Аверин, исследуя детерминацию агрессивности Санкт-Петербургских подростков и цитируя Р.Бэрона и Д. Ричардсона, приводит модель Хьюсмана, которая наглядно демонстрирует индуцирующее влияние средств массовой коммуникации на актуализацию агрессивных форм поведения подростков. Вот как выглядит эта модель в интерпретации В.А.Аверина.

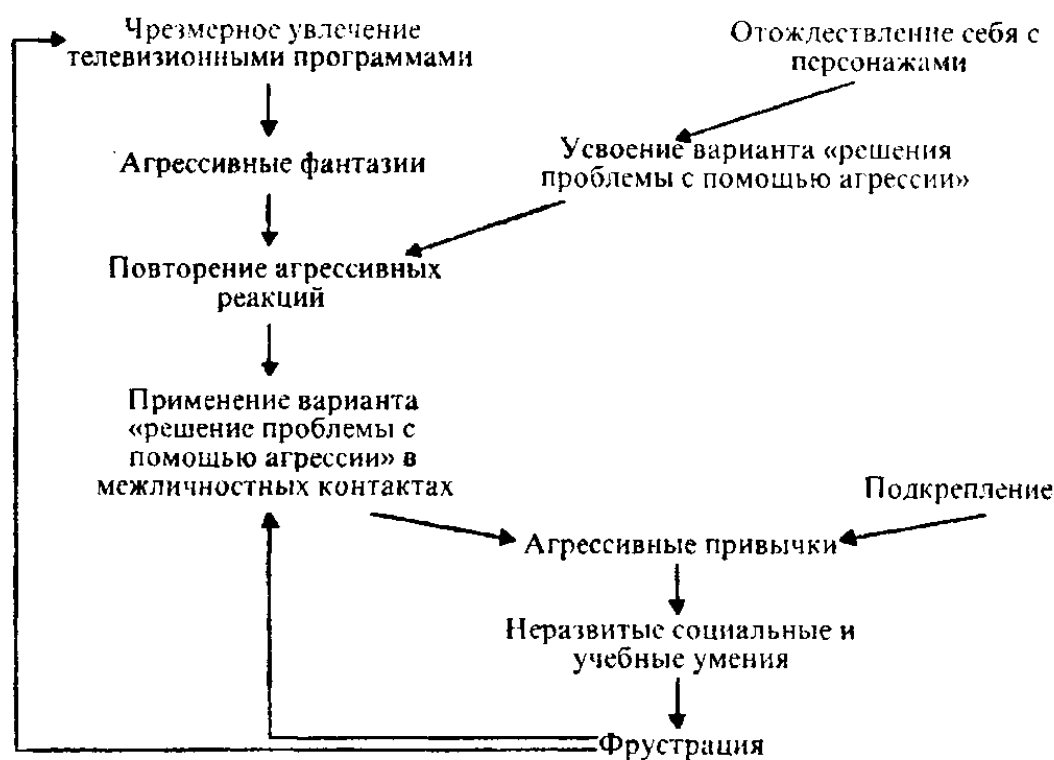


Рис. 2. Модель индукции агрессивности

Если внимательно рассмотреть эту модель, то становится очевидным, что она демонстрирует психологический механизм вынужденной интернализации, описанный С.А. Шапкиным в процессе экспериментального исследования психологии дефицита волевых процессов.

Термин «ошибочная интернализация» был введен в психологический словарь Ю.Кулем для обозначения феноменального явления дефицита волевой регуляции, когда *в силу ослабления (дефицита) психологического механизма волевой регуляции личность в социальном функционировании вынуждена принимать чужие цели как свои.*

Психологические механизмы социального функционирования личности при этом управляются «чужими» целями, что обостряет внутренние конфликты кризисной психологии социализирующейся личности подростка и снижает эффективность волевой регуляции.

Однако адепты новых психотехнических систем культуры не центрируются на проблемах социализирующейся личности, а больше озабочены расширением сферы коммуникативного влияния на личность.

Основным устремлением в этом направлении является постоянная стандартизация мышления и поведения, усиление их конформизма на основе унификации рассудочных схем, не допускающих, якобы благодаря их ясности, ни

малейшего сомнения в их истинности и поэтому побуждающих человека к планируемым, жестко однозначным действиям.

Сознательное и постоянное стремление к такому состоянию постепенно делает вполне естественным для индивида нашего общества тот факт, что «в оснащении ума рядового человека гораздо большую роль играет сегодня то, что он прочитает на афише в метро, услышит по радио, увидит в кино или по телевизору, прочтет в газете, по дороге на работу или узнает из разговоров с сослуживцами и соседями; от школы остается только дымка полузабытых понятий. Свои «ключевые понятия» – идеи, позволяющие привести к единому знаменателю впечатления от предметов и явлений, – современный человек вырабатывает статистическим путем, а этот путь в корне отличается от пути рационального картезианского образования».

Существующая социальная система образования личности все более и более тяготеет к *моноинертной модели личности*, в противовес модели диалогично-конструктивной личности. Это явление обстоятельно исследовано в работах представителей школы диалога культур, которую возглавляет В.С.Библер. Сопоставление концепций гносеологических моделей социализации, представленных философами – культурологами школы диалога культур с реалиями психологических технологий управления развитием личности, которые используются в практике современной школы, позволило выявить доминирование монологизма и формирование на его основе культуры монологизма личностного бытия подростка.

Монологизм личностного бытия определяет своеобразие психологической деформации личности и её социального функционирования. Монологизм личностного бытия определяется нами на основании результатов психобиографического исследования интерактивного культурогенеза личности 127 наркоманов в городе Новосибирске как социально-педагогический фактор, определяющий психологическую деформацию. Монологизм стал онтологическим базисом психологической деформации развивающихся личностей девиантов и аддиктов.

Философия коммуникации осуществляет попытки рассмотрения путей преодоления монологизма личности как онтологического базиса психологической деформации. Но что бы раскрыть этот базис, философия коммуникации нуждается в интеграции с теориями экзистенциально – антропологической философией. Именно, экзистенциально – антропологическая философия, предоставляет возможность выявить экзистенциально-мотивационные основания интерактивного культурогенеза личности подростка.

Рассмотрим конкретно, как осуществляется и к чему приводит такое преодоление «монологизма» через «подлинность» в современной экзистенциально-антропологической философии. И, прежде всего, попытаемся определить пути решения проблем психологической деформации личности в анализе работ К.Ясперса, в его экзистенциально – коммуникативной философии.

К.Ясперс, экзистенциалист, основоположник коммуникативной философии, «экзистенциально просветляющая» философия которого, в целом вписываясь в «духовную ситуацию» нашего времени, отличается тем, что именно в ней «подлинное само бытие» человека возможно только в тесной связи с другим человеком. Ясперс называет эту существенную связь, это первопричиной отношение между людьми, коммуникацией. Подчеркивая значение этого аспекта философии К. Ясперса, один из его сторонников отмечает: «Философия коммуникации» К. Ясперса, также как и «Философия диалогии» М. Бубера, представляет собой ту благодатную почву, которая делает возможным дальнейшее проведение философско-антропологической дискуссии о развитии как интеракции воплощающем Я – Ты-отношения.

Хотя проблема межличностной коммуникации рассматривается непосредственно только в одной из глав второго тома «Философии» К.Ясперса, тем не менее, фактически именно она является основной линией его философствования. Это вытекает не только из его утверждения в «Автобиографии», но и из большинства работ, посвященных человеку, его «само бытию» и способам его постижения («прояснения», «высветления» «само бытия», «экзистенции»), а также работ культурологической направленности. Таким образом, вопрос о прорыве человеческого одиночества в «экзистенциальной коммуникации» – это вопрос не только об обнаружении «экзистенции», это вопрос, от решения которого, по Ясперсу, зависят судьбы человеческой культуры.

К.Ясперс ставит в центр своего философствования не просто «экзистенцию». Одним из важнейших его положений является положение о том, *что само бытие и бытие-в-коммуникации неразрывны*. Они не только находятся в тесной связи, потому как «коммуникация – первопричина экзистенции».

В одной из книг под названием «философствование как коммуникация» однозначно постулируется, что современный век имеет свою конкретную ситуацию, осмыслить которую можно, только обращаясь к коммуникативной философии К.Ясперса, как философии о человеческом бытии и его возможностях.

Нужно сразу отметить, что однозначно вычленив содержание этого понятия в рафинированном виде почти невозможно. Не только потому, что уточнением понятия коммуникации (особенно понятия экзистенциальной коммуни-

кации) Ясперс занимался до последних дней своей жизни. И само это понятие претерпело длительную и сложную эволюцию. Скорее всего, эта неопределенность связана с изначальной противоречивостью и неопределенностью всего категориального аппарата экзистенциальной философии Ясперса. Особенно для понимания «философии коммуникации» Ясперса имеет его работа «Духовная ситуация нашего времени», написанная, как и многие другие, не без влияния Макса Вебера.

Описывая процесс разрушения «традиционного общества» как потерю человеком «жизненных субстанциональных содержаний», Ясперс неумолимо преломляет его через проблему обобщения, «способы коммуникации». Именно этот срез, по Ясперсу, особенно наглядно показывает различие индивида как личности и индивида как представителя «массы», его «безличность», «бесформенность». Этот конфликт между человеком-личностью и человеком «массы», имеющий для Ясперса характер определенной теоретической и реально-практической константы в пределах «массового общества», которое противопоставляется «субстанциональной общности».

«Субстанциональная общность» – это такая общность, для которой характерны преимущественно патриархальные, личностные отношения, ее прошлое передается как традиция. В ней человек живет не в одиночестве, а дома, в семье, в дружеской коммуникации от одного к другому, в народе, принадлежит историческому целому.

В «техническом мире», отмечает К. Ясперс, человек чувствует себя одиноким, покинутым, так как он оторван от своих корней и становится человеком «массы», а поэтому стремится к некоторому среднему знаменателю. «Масса» по своей природе «аморфна», лишена традиции, беспочвенна и пуста. Она является объектом пропаганды и внушения, сама не знает, чего хочет. Задача же современной эпохи – одна из труднейших, – по Ясперсу, заключается в том, чтобы перевоспитать «человека массы», сделать его способным участвовать в духовной жизни», так, как, оторванный, от, своей, истории, и, основы человек не может оставаться человеком. Главную роль в выполнении этой задачи Ясперс отводит экзистенциальному философствованию, одновременно субъективируя контрапозицию «подлинного» и «не подлинного», превращая ее в духовную борьбу индивида с самим собой. Энергия этой духовной борьбы, рожденная противоречием интра-субъектного и интер-субъектного миров личности, находит отражение в динамике интерактивного культурогенеза личности как психологическом механизме её развития.

Экзистенциально-антропологические работы философов коммуникативной ориентации раскрывают весьма ценную методологическую основу для понимания аксиологической природы интерактивного культурогенеза личности. Она проявляется в том, что интерактивный культурогенез личности вовлекает в процессы развития не только интра-субъективность личности, посредством диалога культур, но и индуцирует интерактивность интра-субъективности личности, в форме интрапсихического диалога. Об этом пишет в своих философско-психологических исследованиях М.М. Бахтин. Этому аспекту интерактивного культурогенеза личности посвятил свои исследования итальянский психоаналитик и культуролог А. Ассиоджоли, социолог и психоаналитик А. Маннеггетти и социолог М.Вебер. Наиболее полно в отечественной психологической науке интра-психический аспект интерактивного культурогенеза личности представлен в работах Л.А. Флоренской. Все эти работы в той или иной мере развивают философию коммуникации Ясперса и предоставляют материал для детализации гносеологической модели психологического механизма социализации подростка.

Уже в ранних работах Ясперса формируется не только понятийный аппарат его философии и ее основные антиномии: экзистенция – объект, экзистенциальная коммуникация – объективный подход, борьба – помощь, жизнь и смерть, свобода – зависимость, но и сам способ философствования, метод определения содержания основных понятий.

Метод, который, несомненно, тяготел к методу «феноменологической редукции» Э. Гуссерля (что отмечал и сам Гуссерль). Ясперс в анализе сущности социального функционирования личности часто оперирует понятием «экзистенция». Ясперс употребляет это понятие, как и одно-порядковые с ним понятия «самость», «свобода», «историчность», скорее не в качестве понятий, а в качестве знаков, «которые обозначают нечто совершенно другое. Экзистенция как «знак» вещает нам о глубинном уровне бытия человека, его интимно-личностном уровне как о чем-то совершенно не объективируемом и безусловном.

Несмотря на это многозначительное определение, понятие «экзистенция» не становится для нас более ясным. Но это и не является предметом психологического исследования, и в частности нашей работы. Феномен экзистенциальной коммуникации, раскрытый К.Ясперсом, дает возможность обосновать онтологический статус межличностного общения в многоуровневом психологическом механизме социализации подростка.

Предварительное, хотя и достаточно схематичное, рассмотрение мыслительных схем ясперсовской философии, связанных с экзистенцией, дает возможность приблизиться к пониманию роли и значения феномена коммуникации в развитии личности и её социальном функционировании.

Само понятие «коммуникация» у Ясперса многомерно, его различным уровням соответствуют также различные уровни сознания и способы отношения к миру.

Коммуникация на уровне сознания вообще – «коммуникация самого с собой идентичного сознания в множественности его наличного бытия. И сообщение в данном случае происходит в форме личностно-незаинтересованной направленности на вещь, фактичность или значимость которой ищется в общей методике аргументации». Некоторое смещение акцентов при анализе коммуникации на уровне сознания вообще в гносеологическую плоскость существенно затеняет специфику феномена общения. Такой уклон к гносеологии, если можно так назвать этот прием К. Ясперса, доминирование на этом уровне бытия рассудочных структур сознания делают их, по К. Ясперсу, первопричиной того, что он называет коммуникацией на уровне сознания вообще или коммуникацией «предметной рациональности». Всеобщие логические структуры и законы мышления сознания вообще дают возможность отдельному человеку вступать в отношения с другими людьми, как носителями этого сознания на основе некоторого общего предметного содержания. Вступление в дискуссию, как некоторое промежуточное звено между наличным бытием и само бытием экзистенции, приводит к образованию общностей, в которых одно Я можно в принципе заменить другим, разнозначным Я, в них все Я взаимозаменяемы.

Так как под «сознанием вообще» подразумеваются свободные от содержания, чисто формальные структуры мышления, то и под коммуникацией на этом уровне нужно понимать сообщение, осуществляемое на основе этих формальных законов.

Формы общения, в которые вступает человек в сфере «наличного бытия» в широком смысле слова (на уровне примитивных витальных общностей, предметной целесообразности и рациональности, определяемой идеей духовной созерцательности), равнозначны, по сути, тем социальным ролям, которые выполняются в обществе человеком как «социальным Я», необходимы для человека, но недостаточны, по Ясперсу, для проявления его самости.

Настойчиво пытаюсь «просветлить» главное понятие своей философии, Ясперс отмечает, что в экзистенциальной коммуникации, посредством которой Я познает свою самость, другой человек выступает как этот другой: его един-

ственность – проявление субстанциональности его бытия. Иными словами, продолжает он, «экзистенциальная коммуникация» возможна между двумя «самостями» не как представителями чего-то третьего – индивиды встречаются здесь как личности во взаимном творчестве.

Если говорить кратко, то под «экзистенциальной коммуникацией» Ясперс понимает совокупность отношений, основывающихся на «взаимности», «равности уровней», «становлении открытости», «любящей борьбе», т.е. на «глубоких», «личностных» отношениях в противоположность «анонимным», «обнаженно-утилитарным». Подробно занимаясь «просветлением экзистенциальной коммуникации», Ясперс отмечает, что процесс становления открытости в коммуникации равнозначен борьбе, но эта борьба есть одновременно и любовь. Понятие любящей борьбы в этом «просветлении» – одно из центральных: как борьба коммуникация есть борьба отдельных людей за экзистенцию и истину, но в противоположность борьбе на уровне «наличного бытия», в которой используются все средства против других людей как против врагов, это – любовь–борьба. «Любовь – еще не коммуникация, но ее источник, посредством которого коммуникация просветляется», «субстанциональное первоначало само бытия в коммуникации».

Таким образом, в противовес отчужденной самостоятельности социального общения как одной из закономерных ступеней в естественно историческом развитии общения как стихийной связи социальных субъектов внутри исторически определенных, ограниченных общественных отношений, «подлинное» содержание общения Ясперс пытается найти в межличностных контактах, якобы противостоящие объективно фиксируемым отношениям. Ясперс, как было показано выше, решающее значение; в процессе общения придает не системе социальных отношений (включающих в себя как непосредственные, так и опосредованные контакты), а лишь непосредственным межличностным связям. И «забывает» тот реальный факт. Что общение столь же социально, сколь и индивидуально, так как сам индивид – общественное существо. Развитие же (но не декларативное постулирование) этого методологически значимого положения может открыть *путь к пониманию общения как включенности личности в общественно-необходимые отношения, с одной стороны, и построения личностью своих отношений, с другой.*

А это значит, что теоретическая разработка философии коммуникации Ясперсом предоставляет для психологии культурогенеза личности подростка концептуальный материал для характеристики содержательного аспекта гносеологической модели психологического механизма социализации.

Необходимость исследования общечеловеческого, культурного основания общения как функционального основания гносеологической модели психологического механизма социализации подростка. опирается на следующие соображения, достаточно всесторонне рассмотренные и в отечественной философии: чтобы отношения между людьми стали возможны как человеческие отношения, для этого необходимо утверждение вещественного посредника в отношениях между индивидами в виде труда и его продуктов. Без этой созидательной деятельности, т.е. овеществления мыслей, целей, намерений, сознание людей осталось бы закрытым внутри отдельной личности в форме только лишь субъективных достижений отдельного человека, не имея возможности стать причастным чужому опыту, быть доступным другим людям.

Эта идея разработана в трудах социолога, основателя символистического интеракционизма Дж.Г.Мид и воплощена им в концепции «обобщенного другого».

Несмотря на ценную, для формирования гносеологической модели психологического механизма социализации, философия коммуникации Ясперса, раскрывая содержательный и функциональный аспекты этой модели, вместе с тем, не предоставляет методологических принципов функционирования психологического механизма социализации.

Чтобы разобраться в философской сущности современных интерпретаций феномена «принцип функционирования психологического механизма социализации подростка», обращение к «философии диалогии» М.Бубера существенно и крайне необходимо. Это связано с все возрастающей популярностью теоретических построений М. Бубера как в немецкой, так и в англоязычной философской литературе и рост его влияние на формирование культуроаналитических исследований психологии развития в ряде стран мира. Философское обоснование им диалогического принципа общения представляет интерес для формируемой нами гносеологической модели психологического механизма социализации.

О популярности диалогического принципа свидетельствуют как названия посвященных М. Буберу исследований, так и многочисленные высказывания комментаторов и последователей его философии: «Открытие, вернее переоткрытые, диалогического принципа в первой части нашего века ставит М. Бубера в один ряд со многими его замечательными современниками, среди которых можно назвать З. Фрейда, с одной стороны, и М. Хайдеггера – с другой». Это обусловлено еще и тем, что исследования М. Бубера имеют «нормативное значение для повседневной коммуникации во всех сферах жизни».

Вместе с тем критическое рассмотрение решения проблемы общения М. Бубером позволит нам еще более рельефно выявить «нижние» и «верхние» пределы как методологии, применяемой в решении указанной проблемы, так и тех конкретных результатов, к которым приводит применение этой методологии. Данное замечание важно еще и потому, «диалогическая антропология» – в целом достаточно сложное образование, – носит как бы промежуточный, переходный характер, объединяя собственно антропологические положения с элементами экзистенциализма и персонализма. Это может внести определенную ясность в некоторую неоднозначность в оценке философии М. Бубера.

Обращение к проблеме общения как одной из центральных проблем «диалогической антропологии» происходит пределах постоянной, осуществляемой в различных формах, постановки вопроса о создании «новой» модели человека, которая даст ему необходимые жизненные ориентиры и поможет избежать губительного индивидуалистического пути развития с его утилитаристской ориентированностью, фрагментарностью и пессимистическим настроением. Однако концепты диалогической антропологии весьма четко определяют экзистенциальную сущность психологии интерактивного культурогенеза личности. Именно в формулировании концептов диалогической антропологии вскрывается общность методологической ориентации К. Ясперса и М. Бубера. На общность проблемного поля исследования феномена общения в «философии коммуникации» К.Ясперса и «диалогической антропологии» М. Бубера указывают и сам Бубер, и его последователи. Однако различие трактовок (которое, служит одновременно и основой для своеобразного взаимодополнения философских построений К.Ясперса и М.Бубера) заключается, прежде всего, в том, что Бубер в своей «диалогической антропологии» пытается пойти дальше Ясперса на пути преодоления «монологизма» и индивидуализма философии экзистенциализма.

Главная заслуга «диалогической антропологии», как мы уже говорили, в ее близости современному бездомному и потерянному человеку, в обращенности к интимным глубинам личности. Попытки же соединить в своей концепции несовместимое – абсолютизированные ценностные измерения человеческой субъектности, ее «личностное начало» и активную борьбу против индивидуализма, гипертрофировавшего эту субъективность – привели данную концепцию к ряду неразрешимых антиномий. Этому также способствовал в значительной степени и тот методологический инструментарий, которым пользовался М. Бубер. В качестве исходного методологического принципа философского мышления он принимает идеалистически истолкованный антропологический

принцип, сформулированный в общем виде еще М. Шелером. В гносеологическом плане антропологизм Бубера также строится на противоречивом понимании процесса познания. Им упорно постулируется разделение познавательных способностей на рациональные (ориентирующиеся на традиционные научные объекты – формализуемые, объективируемые, «внешние») и иррациональные (связанные пониманием, интуицией, герменевтикой). Таким образом, несмотря на то, что «диалогическая антропология» представляет собой попытку обоснования избранного ею философского принципа фактами науки, что сближает ее с другими представителями философской антропологии, с экзистенциализмом ее роднит противопоставление философии науке.

Антропологический принцип, характерной чертой которого в данном случае является реакция социального к социально-психологическому, общественных отношений к меж-субъектному общению, избрана нами как один из основных методологических принципов построения психологической теории дефицитной деформации социализации. Именно антропологический принцип вскрывает, полиную сущность человека как основу для построения исследовательских моделей личности. По мнению Бубера, адекватное решение вопроса о сущности человека и его отношении к природе, человеку и богу должно опираться на положение о «диалогической» и «монологической» ситуациях, в которых реально находится человек. Этим обращением к «жизненным позициям» человека, полагаемым, прежде всего двумя основными парами слов: «Я – Ты» и «Я – Оно», Бубер в своей программной работе «Я и Ты» обрисовывает все дальнейшие пути своей антропологии, покоящейся на диалогическом принципе, претендующем на роль фундаментального постулата. Полагая, что «диалогическое» и «монологическое» отношения к миру задают все формы проявления человека, Бубер постулирует их антропологически.

Ведущие же понятия «диалогической антропологии» («отношение», «встреча», «между», «общность») направлены по замыслу автора против замыкания человека в безжизненные схемы. Именно с помощью этих полисемантических и неопределенных понятий, аналогичных таким понятиям К.Ясперса, как «экзистенция», «экзистенциальная коммуникация», «пограничная ситуация», и можно, по мнению Бубера, преодолеть абстрактность в рассмотрении положения человека в мире других людей. Хотя за точку отправления Бубер берет все-таки не реального человека в многообразии его отношений, а только его эмоционально-личностное отношение к «другому».

Вместе с тем в этой своеобразной форме презентации «монологического» и «диалогического» способов общения социальных субъектов в основе их ми-

роотношения и жизненной позиции лежат реальные обстоятельства, отмеченные и в отечественной философии, и в культурологии: все человеческое мировосприятие (познание, переживание, эмоциональное отношение) по своей природе социально-коммуникативно. В этом смысле знание о мире является (по транскрипции М.М.Бахтина) со-знанием, а переживание – одновременно и сопереживанием. Эмоциональный же опыт человека – «гораздо более широкое образование, чем опыт его индивидуальных переживаний, – он формируется также в результате эмоциональных сопереживаний, возникающих в общении с другими людьми.

Можно указать еще на одно обстоятельство общетеоретического плана, которое рассматривается в «диалогике» Бубера. Это положение о том, что «функциональный центр мировоззрения – не знание как таковое, а самосознание: оно обращено на человека, является его сущностным определением, выражает, так сказать, «мировую линию» его жизнедеятельности, основные императивы его поведения и смысл его бытия».

Несомненно, что общение является условием самосознания социальных субъектов. Но понять сущность мировоззрения и его различных уровней: мироощущения, мировосприятия и миропонимания – невозможно без обращения к предметно-практической деятельной сущности человека и создаваемого им предметно-культурного мира, которые, хотя полностью Бубером и не отрицаются, но являются второстепенным, подчиненным элементом его философской интерпретации феномена общения.

Ведь основное, подлинное, априорное и первичное отношения Я, человека к миру, воплощенная каким-то непостижимым (во всяком случае, для рационального понимания) способом основная пара слов «Я – Ты». «Я человека есть Я. основного слова Я – Оной Я основного слова Я – Ты, Я частичности и Я целостности, которая снимает, охватывает эту частичность. И уже вследствие этого мы имеем два полюса человеческого: ни один человек не является чистой личностью, чистым существом самим по себе.

Характерно то, что, признавая априорность и первичность основной пары слов «Я – Ты», «Я – Ты-отношения» Бубер все-таки начинает свое описание основных пар слов и соответственно отношений к миру с описания «монологического» мира. Отталкиваясь от «монологического» отношения, Бубер строит положительную часть своей концепции. Только в этом постоянном противопоставлении и возможна, как оказывается в итоге, рефлексия над «диалогическим» миром, создаваемым второй основной парой слов «Я – Ты». Тем более что описать этот «неподлинный» мир намного легче, чем дать человеку по-

ложительные мировоззренческие ориентиры. Исследовать, потреблять и использовать – вот основной девиз этих эмоциональных сопереживаний, возникающих в общении с другими людьми.

Такие утилитарно-функциональные формы общения, присущие «монологическому» миру, никоим образом не могут способствовать становлению индивида как личности, постоянно возвращая его в лоно обыденного, потребительского, индивидуалистического сознания. Человек этого мира – индивид, потерявший свою индивидуальность и вступающий в связь с другими людьми посредством материальных образований.

Такой печальной характеристикой заканчивается описание «монологического» мира. Чтобы освободиться от него, необходимо «прорваться» к диалогическому отношению, конституируемому диалогической коммуникативной ситуацией: основным словом «Я – Ты». Тогда в противоположность предметности открывается Ты-говорящему человеку тайна. Я – Ты-отношение, несущая конструкция «подлинного мира», – отношение, которое Бубер выбирает вначале и для характеристики человеческого общения, в котором реализуется врожденное «Ты», а человек существует как личность.

На сложность и неопределенность понятия «отношение» у Бубера указывал уже Г.Марсель. Бубер и сам признает эту неопределенность, которая вынуждает постоянно уточнять это понятие другими более определенными, по его мнению, понятиями, более содержательно описывающими принципиально важные моменты феномена общения, который становится главным предметом исследования в поздних работах Бубера. Он постоянно ограничивает понятие «отношение», пытается заменить или дополнить его более конкретными, по его мнению, терминами. Иногда он ставит вместо этого понятия другие, такие как «контакт», «соприкосновение», «встреча» или «коммуникация». Так появляется в теории общения Бубера еще одно принципиально важное понятие – «встреча», или актуализация процесса отношения, одна из наиболее распространенных форм «диалогического». Подчеркивая ее огромное значение в коммуникативно-антропологическом смысле, Бубер отмечает, что только благодаря ней мы можем приблизиться к пониманию того, что человек как социальный субъект существует только в интерактивной системе отношений с другими людьми.

Встреча у Бубера – один из способов вырваться из мира использования и потребления. Способность к встрече как выходу из замутненных функциональностью человеческих отношений полагается в качестве критерия отличия личности от индивида. Эта, по своей сути субъективистская, трактовка «носится» в

воздухе. Ее поддерживают не только современники М. Бубера – К. Левит, К. Барт, Р. Гвардини, но и его последователи.

Бубер уделяет много внимания рассмотрению структуры и условий осуществления встречи, выделяя такие ее характеристики: непосредственность, духовность и т.д. В плане рафинированной духовности встреча Я и Ты-встреча самостоятельно существующих языковых смыслов, порождающих новые и уникальные смыслы.

Центральным же понятием при описании феномена общения в поздних произведениях М. Бубера наряду с понятиями «между», «межчеловеческое» являются все-таки понятия «диалогическое», «диалог», содержание которых многомерно, полисеманлично и должно угадываться интуитивно. Замечание о том, что «метафора – это миф в миниатюре», как нельзя более точно относится к этим понятиям. Именно в «диалогической» встрече открывается «тайна» другого человека. Причем «диалог», по Буберу, не есть только пассивное принятие, признание, понимание другого. В момент встречи двух личностей происходит их взаимное обогащение, взаимное творчество. Таким образом, «диалог» человека с человеком, осуществляемый на основе языка, актуализируется в сфере межчеловеческих «диалогических отношений» (сфере «между») как сфере подлинной общности людей.

Диалог у Бубера это наслаивание смысла на смысл, глубинное осмысление всех возможных подтекстов. Это условие понимания себя и других и овладение всеми типами человеческого понимания.

Осознание сложности феномена диалога не является у Бубера самоцелью, а подчинено решению ряда антропологических проблем и является (наряду с понятием «межчеловеческого») путем к постижению сущности человека. В своей абсолютизации непосредственного духовного общения с его над адресатом в виде бога Бубер постоянно имеет в виду реальную проблему, которая в предельно ясной форме была очерчена М.М.Бахтиным, который отмечал сложность понимания в диалогическом общении внутреннего мира человека.

Роль общения в этом процессе постарения человека несомненна, но даже литературное изображение внутреннего мира человека, а тем более философское, для полноты такого исследования с необходимостью требует обращения к реальному положению человека в обществе, а не к абстракции человека.

Внутри многослойной реальности диалогического Бубер выделяет две основные формы: функциональное общение, или трехчленный опосредованный диалог, и диалогическое в строгом смысле этого слова: общение, лишённое функциональности, или «межчеловеческое».

В ситуации функционального не подлинного общения другой человек выступает для нас как «один из ...», как «оно», отношение к нему характерно тем, что оно опосредованно и определяется некоторым средним термином, например вещью. Партнер, но диалогу интересуется нас лишь постольку, поскольку он принимает участие, в общем, для нас деле, и фактически рассматривается мною как объект, а не как личность. Общение, таким образом, опосредованно интересами этого общего дела: трехчленный диалог, который можно определить как рабочую общность, беседу о деле и т.п., принципиально исключает нефункциональные личностные элементы.

В основание его основных работ диалогической антропологии полагается собственно диалогическое отношение как развертывание межчеловеческого, непосредственное, эмоционально-одухотворенное общение Я и другого: «актуальное со-бытие», решающим для которого является то, что каждый из двух людей, пребывающих в этом общении, относится к другому как определенному другому, рассматривая другого не как объект, а как своего партнера в жизненном потоке.

Это основополагающее звено «диалогической антропологии», включающее в себя такие явления человеческой жизни, как язык, дружба, любовь, возникает перед нами аналогично «экзистенциальной коммуникации» К.Ясперса, вследствие своеобразной «феноменологической редукции», равнозначной «вынесению за скобки» все новых и новых аспектов явления для того, чтобы оно открылось нам как «чистый феномен». Описывая свой путь к осознанию предметного поля и специфики «межчеловеческого», Бубер замечает: «Стало привычным причислять к области социального все то, что имеется между людьми. Поэтому и стирается основополагающая разграничительная линия между существенно различающимися сферами человеческого мира». О социальных феноменах мы можем говорить всегда там, где имеется совместное бытие множества людей, продолжает Бубер, а личностные элементы отношений пронизаны до конца коллективным элементом.

Посредством анализа таких форм общения, как воспитание и терапевтическая деятельность, Бубер приближается, наконец, к вершине «человеческой коммуникации», нефункциональному, всецело непосредственному общению как со-бытию личностей, не зависящему от того, знают ли они друг друга давно или только что встретились, осуществляется оно с помощью языка или безмолвно. Хотя Бубер часто определяет это нефункциональное общение как беседу, главным все же он считает отношение его участников друг к другу как партнеров их жизненного процесса. Только на таком уровне понимания обще-

ния могут появиться и появляются такие его смысложизненные характеристики, как свобода и судьба, любовь и дружба. На этом уровне общение можно определить как взаимовлияние. В словах же, которые индивиды здесь произносят, открывается им, партнерам по общению, их самость. Язык – единственное опосредующее звено этого непосредственного отношения, причем в той его функции, в какой Я и Ты видят друг в друге адресатов существенной речи, способствующей их взаимному самораскрытию. В данном случае слово выступает как жизненное проявление, высвечивание сущности говорящего его индивида, пытающегося в слове выразить свой «внутренний мир», «онтологическую сущность».

Существенный признак подлинно диалогического, подлинной интерсубъектности, продолжает дальше Бубер, – разрушение взаимных претензий, объектных отношений друг к другу.

Таким образом, признавая реально значимым только непосредственное «диалогическое» общение, М.Бубер, как и К.Ясперс, тем самым суживает до предела возможности преодоления индивидуалистического «атомизирования», ограничив «подлинное общение» пределами «малой группы», «общности».

Признание же сферы человеческого общения, межиндивидуальных связей как единственно подлинных и достойных внимания ведет к распространению утверждений о том, что для преодоления кризисных явлений и социальных антагонизмов достаточно преобразовать эту сферу, сделать ее «прозрачной и разумной», свободной от господства ложных ценностей и представлений, путем целенаправленного «научения», применения «прагматических универсалий» и т.д. Ведь, по мнению ряда теоретиков, именно этот мир межличностного общения служит «социальной интеграции и восстановлению солидарности».

Наиболее выразительно указанные тенденции общего методологического плана преломляются в теории общения О.Ф. Больнова, в его попытке осуществить целостный подход к проблеме личности и ее общения посредством взаимосвязи философской антропологии, экзистенциализма, герменевтики и педагогики.

Вопросы, связанные с трактовкой человеческого общения, его природы и структуры, не случайно занимают видное место в философии «позитивного» экзистенциалиста и антрополога О.Ф.Больнова. Ведь именно на «человеческую коммуникацию в мире», на *«интерсубъективность»*, под которой подразумевается способность людей противопоставить предметности мир своего общения, возлагаются О.Ф. Больновым большие надежды не только в преодоле-

нии недостатков традиционного экзистенциализма и в поисках нового взгляда на «загадочную сущность человека», но и в построении жизнеспособной педагогической теории.

Повторяя теоретические парадигмы, способы философствования предшествующего экзистенциализма, выступая его своеобразным популяризатором, Больной пытается внести новое содержание в его основные понятия.

Так как, по его мнению, характерное для экзистенциализма постоянное напряжение между подлинной экзистенцией и наличным бытием неизбежно превращается в неустранимое противоречие, О.Ф. Больнов ставит своей задачей, осмыслив причины тотальной бесприютности и незащитности, дать убежище неприкаянному экзистенциалистскому человеку, вернуть ему способность доверительного отношения к миру и другим людям. Это полу признание, полу отрицание экзистенциалистских интерпретаций общения определяет направленность к способ решения проблемы самим О.Ф. Больновым.

Анализируя понятия «коммуникация», «встреча», О.Ф. Больнов постоянно уточняет и дополняет их содержание, полагая свою интерпретацию intersубъектности в основу оптимистической модели человека.

Необходимо отметить, что теория общения О.Ф. Больнова неразрывно связана с его теорией понимания, построенной под непосредственным влиянием понимающей философии Б.Дильтея, его герменевтики и «формальной антропологии». О.Ф. Больнову, несомненно, импонирует интерпретация взаимодействия личности и культуры в творчестве Б. Дильтея, в которой эмоциональный мир человека – изначальное бытие социально-исторического процесса. Но в интерпретации О.Ф. Больновым философского наследия Б. Дильтея обнаруживается и другой немаловажный для последующего исследования аспект: выделение им не только психологической, но и содержательной стороны процедуры понимания.

В этом плане, по О.Ф. Больнову, понимание как психологическое проникновение, эмпатия, совпадает (по крайней мере, должно совпадать) с естественнонаучными установками в том смысле, что объект познания предстает перед исследователем-герменевтом в объективированном виде, т.е. в виде предметов материальной культуры, художественных произведений или различного рода текстов.

Подробно исследуя монологические и диалогические формы общения, О.Ф. Больнов, несомненно, отдает предпочтение последним, так как только на их основе разворачивается беседа. В самом начале анализа автор отмечает следующее важное, по его мнению, обстоятельство: для решения задач совместной

деятельности, «деятельной жизни» возникают различные формы общения, языкового взаимопонимания, но для адекватного рассмотрения их природы мы должны вернуться к беседе в подлинном смысле или к глубокомысленной беседе. Беседу в глубоком и подлинном смысле слова отличает от простого разговора то, что именно здесь, в подлинном общении «открывается сердце и обсуждаются последние вопросы бытия». Такая форма общения имеет глубокое человеческое значение: кто не способен к такому общению, тот с необходимостью остается не человеком. В этом плане О.Ф. Больнов разделяет известное положение К. Ясперса о том, что последние экзистенциальные истины открываются человеку в подлинном общении, более того, здесь, открывается он сам в строгом и подлинном смысле, его экзистенция, вся глубина его внутреннего мира.

Характерно, что при описании основных признаков, отличительных черт «подлинной беседы» О.Ф.Больнов не просто опирается на понятие «экзистенциальной коммуникант» К.Ясперса и его основные структуры, он принимает это понятие вплоть до идентичности определений. Подлинному общению, отмечает Больнов, в отличие от рационально построенных и борющихся аргументов дискуссии, соответствует форма коммуникации, обозначенная Ясперсом как «любящая борьба». Именно такая «борьба» лежит в основе этой высшей формы общения, соответствуя ее сущности. Такое общение возможно только между друзьями, где оно выступает средством свободного самораскрытия и может противостоять постоянной опасности не только монологически тоталитарного мышления, атрибутивных ему односторонне – манипулятивных форм общения, но и чуждости социального мира в целом.

С помощью всесторонне рассмотренного понятия «встреча» О.Ф. Больнов пытается описать внутреннюю, глубинную структуру общения, рассмотреть последнее не просто как передачу некоторой информации, но и как некоторый изначальный, онтологический феномен. Для подтверждения этого О.Ф. Больнов проделывает довольно подробный анализ работ Ю. Хабермаса, особенно его «Предварительных заметок к теории коммуникативной компетенции», где Ю. Хабермас, по его мнению, стремится трактовать идеальную языковую ситуацию не только как отношение говорящих, но и как некоторую диалогическую ситуацию. О.Ф. Больнов не случайно называет центральное понятие своей теории общения «встречей», о чем он сам говорит неоднократно, именуя встречу «ключевым словом современности».

Идейным источником своей теории общения О.Ф. Больнов не без основания считает «диалогическую антропологию» М. Бубера. Ведь с его именем связано страстное выступление против субъективистских и идеалистических трактовок человеческо-

го Я как развертывающегося из самого себя. Именно М. Бубер в противоположность их индивидуализму, отмечает О.Ф. Больнов, постоянно подчеркивает тот факт, что жизнь личности может развиваться, разворачиваться только в общности, только в существенной связи с Ты.

О.Ф. Больнову особенно импонирует высказывание М.Бубера о том, что «вся действительная жизнь есть встреча». Данное положение, по его мнению, должно означать, что жизнь человека нужно понимать не как жизнь изолированно существующих переживаний, но, по крайней мере, как взаимосвязь двух основополагающих равноправных и одновременно сильных действительностей – Я и Ты, Я встречаю Ты именно как это конкретное Ты. Бубер различает при этом мир полного жизни, живого общения с Ты как нечто совершенно противоположное миру Оно, миру предметных вещественных связей.

Экзистенциальную трактовку придал этому понятию К.Левит в своей работе «Индивид в роли межчеловеческого». Именно у него понятие встречи ограничено человеческой сферой, но дальше утверждений о том, что встреча является исключительной формой человеческой взаимосвязи, Левит пойти не сумел. Р. Гвардини в своей трактовке встречи, отмечает О.Ф. Больнов, имел в виду не встречу с другим человеком, а встречу с определенной ситуацией, таким образом, направляя свое понимание против педагогического субъективизма.

О.Ф. Больнов признает необходимость встречи для подлинно человеческого существования: лишь при встрече с Ты, человек становится самим собой. При этом значимая коммуникация приобретает свойственный экзистенциализму «роковой характер». «Встречей» в строгом смысле слова, продолжает свою мысль О.Ф. Больнов, мы называем относительно редкие, но имеющие решающий характер процессы, при которых человек всей своей сутью так соприкасается с другим человеком, что переворачивается вся его прежняя жизнь с ее планами и надеждами, и для него начинается нечто совершенно новое.

О.Ф. Больнов начал строить свою концепцию общения с преодоления экзистенциалистского философствования, приравнивая его к «духовной игре». Но и его построения в итоге не пошли дальше, он сам понимает это, пытаясь наполнить свои схемы конкретным содержанием. Этому, по его мнению, должно способствовать рассмотрение общения в пределах педагогической теории или теории «научения». Осуществляя данный замысел, О.Ф. Больнов отмечает, что воспитывать человека можно через его способность и готовность к общению. Иными словами, общение – не просто, решающий, незаменимый инстру-

мент воспитания, без него «воспитательная действительность» в принципе не может осуществляться, оно – ее конституирующий фактор.

Характерно, что подобные утверждения не являются для О.Ф. Больнова декларативными, он подробно рассматривает структуру и функции духовного общения в педагогическом процессе, превращает это рассмотрение в основной предмет своих исследований по педагогике. Такое фундаментальное значение общения связано, прежде всего, с тем обстоятельством, что в общении осуществляется не только открытие мира, человек здесь впервые, по мнению О.Ф. Больнова, сам развивается к своей вечной сущности: человек познает в процессе общения, утверждает О.Ф. Больнов, не только внешний, но прежде всего свой внутренний мир. Добродетели и пороки человека, душевные свойства и нравственные установки приобретаются им, формируются в формах, предлагаемых общением. Утверждая это, О.Ф. Больнов отмечает необходимость дифференцирования монологического и диалогического общения. Ведь в связи с тем, что человек нуждается в общении как условии своего разворачивания в качестве личности, монологическая его форма не может быть достаточным основанием и условием для этого – она изначально пуста. Подлинно дружеское общение, подлинно дружеская беседа – среда свободного самораскрытия человека и поэтому имеет, по сравнению с предыдущей формой, высшее педагогическое значение.

Вполне закономерно О.Ф. Больнов сводит задачу по формированию человека, передаче социального опыта к коммуникации типа встречи, подготовкой к которой служит некоторое особое эмоциональное настроение, описываемое автором с помощью понятий «пробуждение», «увещевание», «озарение». Апелляция О.Ф. Больнова к эмоциональным элементам процесса общения и дает повод для определения его педагогической теории как некоторой «герменевтики доверия» «покоящейся, по сути, на традиционном антропологическом постулате о неизменности чувств, образующих «скелет внутренней жизни человека».

Необходимо отметить, что О.Ф. Больнов помещает в центр своей педагогической теории, несомненно, значимый и для нашей педагогики факт (обоснованный теоретически онтологически блестящими педагогами – В.А. Сухомлинским, Е.И. Ильиным, Ш.А. Амонашвили), что *воспитание может стать реальным, живым процессом тогда, когда воспитуемый участвует в нем как личность, субъект общения.*

По принципиально значимому положению М.А. Бахтина (который и ввел в наше философское сознание понятие «диалогическое мышление», «диалогич-

ческое понимание»), душа человека (душа ребенка – тем более) может открываться другой душе только в процессе диалогического (т.е. равного, взаимного уважительного) общения.

Рассмотренные философские положения формируют теоретический базис определения гносеологической модели социализирующейся личности подростка.

Гносеологическая модель социализирующейся личности подростка, основанная на позициях субъектности социализирующейся личности (в единстве интра-субъектных и интер-субъектных потенциалов личности) обосновывает признание интерактивного потенциала личности как условие самоактуализации, адаптации и экзистенциональной динамики развития.

Формирование интерактивного потенциала личности связано с характером социальной ситуации социализации. А если быть терминологически более точным, с коммуникативной ситуацией социализации.

Понятие «коммуникативная ситуация развития» определяется нами в психологическом контексте – с позиции Л.С.Выготского; в экзистенционально – антропологическом – с позиции Э.Фромма.

Коммуникативная ситуация социализации – основная единица в исследовании социо-культурных, психо-культурных и индивидуально-типологических детерминант деформации психологических потенциалов личности. Коммуникативная ситуация представляет психо-культурное основание гносеологической модели психологического механизма социализации подростка.

Представляя собой психотехническую систему культуры интерперсональных отношений, которая неоднократно описана нами в работах по психологическим технологиям общения, коммуникативная ситуация является системой, определяющими компонентами, которой становится развивающаяся личность подростка и «значимый другой». Характер их взаимоотношений определяется с одной стороны – экзистенциональной мотивацией социализирующейся личностью подростка, а с другой – психологическим механизмом реализации этих отношений.

Экзистенциональная мотивация социализирующейся личности – это мотивация индивидуализации как психологический механизм достижения целостности своего Я и полноценного социального функционирования личности. Экзистенциональная мотивация социализации подростка представляет собой системное образование, включающее мотивацию идентификации; мотивацию адаптации; мотивацию самоактуализации; мотивацию аффиляции.

Представляя психологический механизм взаимоотношений социализирующейся личности подростка и «значимого другого» – интеракцию, мы выходим на обоснование развития как экзистенциального смысла социального функционирования личности подростка. В такой трактовке системно-динамическая модель личности, обоснованная в работах Л.И.Анцыфервой, дополняется интраперсональной доминантной, определяющей не только её психодинамику, но и психодинамику культуры.

Интеракции социализирующейся личности подростка, благодаря тому, что в их основе лежит процесс интерпретации, формируют психологические новообразования не только социализирующейся личности (в данном случае – это культурные потенциалы личности подростка), но и психологические новообразования культуры, расширяя её аксиосферу.

Обосновывая экзистенциальную мотивацию социализирующейся личности подростка и интерактивный механизм её развития в качестве элементов гносеологической модели психологического механизма социализации подростка рассмотрим их более основательно. Такая основательность методологически оправдана целями и задачами исследования психологической деформации личности подростка, в целом, и в частности целями исследования психологического механизма психо-культурной деформации социализирующейся личности подростка.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕСТРУКЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ДЕФИЦИТНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Экзистенциальная мотивация социализации подростка как психологический феномен не встречается ни в отечественной психологической литературе, нет его в работах экзистенциальных философов (О.Ф.Большов, Х.Ортеги-и-Гассета, М.Хайдеггера, К.Ясперса). Нет его и в работах экзистенциальных психологов (Ж.-П. Сартр, Л. Бинсвангер, В. Франкл, М. Босс, Р. Лэнг, Р. Мэй). Нет описания этого феномена и работах по экзистенциальной психотерапии (И. Ялом). Вместе с тем, как справедливо отмечает Ю. В. Тихомиров, основная идея экзистенциализма – признание целостности личности и обуславливает определение экзистенциальной мотивации как мотивации достижения целостности.

Психологический механизм достижения целостности раскрыт в работах Б.Г.Ананьева и Санкт-Петербургской школой психологии индивидуальности. Таким механизмом является индивидуализация.

Индивидуализация является одной из важнейших закономерностей развития. Она отражает тенденцию движения материи от общего бытия к индивидуальному, от одних уровней существования – хаотичного и неопределенного – к другим, более конкретным, определенным, устойчивым.

Индивидуализацию можно рассматривать как характеристику *направленности развития*. Обычно направленность развития понимается как движение от простого к сложному, от низкоорганизованного к высокоорганизованному. Однако повышение сложности и уровня организации систем в природе с необходимостью сопряжено с возрастанием *разнообразия* входящих в эти системы элементов, образуемых ими структур и выполняемых ими функций.

Представления об эволюционном смысле, о функциональной роли разнообразия и индивидуального своеобразия элементов систем живой природы в их развитии складывались постепенно и противоречиво. Г. Спенсер одним из первых указал на ведущую роль в эволюции взаимосвязанных и взаимодополняющих процессов интеграции и дифференциации, предложив механистическую, но все же схватывающую существенные закономерности эволюции схему: интеграция рассеянного и однородного – дифференциация, превращение однородного в разнородное – интеграция разнородного. Источник дифференциации Г. Спенсер видел в воздействии внешних сил, внешней среды.

Значительно глубже и полнее представлена роль дифференцирующих процессов в организационной теории А. Богданова. Богданов считал, что в процессе развития происходит дифференциация элементов системы, как вследствие их «природной разности», так и под воздействием среды. При этом одни элементы как бы дополняют другие в системе. Возрастание различий между элементами и их общего разнообразия ведет к все более устойчивым структурным соотношениям. Вместе с тем Богданов указывает и на возможность конфликтных взаимоотношений между элементами, деструктивных по отношению к системе в целом. Поддержание целостности системы в этом случае требует ее преобразования, т.е. изменения характера связей между элементами.

Таким образом, в концепции А. Богданова ставится важная для понимания сути индивидуализации (и ее отличий от дифференциации) проблема относительной автономности, самостоятельности, пластичности и многокачественности элементов системы с точки зрения их способности по-разному входить в систему, образовывать разнообразные связи между собой.

Дальнейшее углубление представлений о сущности индивидуализации связано с развитием теории эволюции, кибернетики и общесистемной методологии.

В исследовании индивидуализации как психологического механизма социализации, которое осуществили Санкт-Петербургские психологи, смысл индивидуализации смысл этого механизма выводится из теории системной адаптации. Это аргументируется рядом весьма продуктивных для теории адаптогенеза личности идей. В частности авторы отмечают, что для обеспечения существования в условиях разнообразной среды, характеризуемой различными препятствиями в реализации жизненных потребностей, опасностями, борьбой за ресурсы и т. п., живая система должна обладать определенным «количеством *внутреннего разнообразия*», не меньшим, чем разнообразие внешней среды.

Интересы обеспечения надежности, устойчивости существования и потребности развития, совершенствования системы требуют еще и определенного «запаса *разнообразия*», расширяющего приспособительные возможности системы при взаимодействии с условиями существования, при освоении новых сред обитания, новых экологических ниш.

Рассматривая индивидуализацию как обретение запаса разнообразия, авторы подчеркивают тот факт, что процесс развития органического целого характеризуется постоянным самообновлением, пере-структурированием, появлением новых связей между наличными элементами, возникновением у элементов новых системных свойств, а также возникновением новых элементов. Эле-

менты органического целого должны обладать способностью образовывать гибкие динамические структуры, разнообразно включаясь в совокупную жизнедеятельность сообщества и в особенности, таким образом, который обеспечивал бы *наиболее полное использование специфических свойств, уникального «опыта» элементов*, приобретаемого в ходе индивидуальной истории.

Функциональная направленность формирующихся в процессе индивидуализации элементов определяется авторами как направленность, ориентированная на интеграцию целостности. Эти элементы, подчеркивают авторы, должны обладать способностью к поддержанию внутренней целостности, относительной автономностью, способностью к самостоятельному существованию и развитию, к «творческому» решению проблем, возникающих во взаимоотношениях со средой и между собой, способностью к накоплению и передаче индивидуального опыта.

Исследование Санкт-Петербургских психологов выполнено в рамках эволюционной теории и системной методологии. Оно определяет представление о множественности факторов, обуславливающих индивидуализацию элементов биологических и социальных систем. Помимо «природной разности» (т. е. накопленного в филогенетической предыстории потенциала индивидуального своеобразия, зафиксированного в генотипе) на ход и результаты индивидуализации влияют элементарно-средовые взаимодействия, межэлементные и элементарно-системные». Эти идеи реализованы мной в обосновании коммуникативной ситуации социализации подростка как основной единицы психологического исследования психо-культурных деформаций развития. В этом обосновании реализованы две позиции трактовки индивидуализации: системная и морфологическая (элементарная). В связи с этим индивидуализацию с «системной» точки зрения можно определить как комплекс изменений элементов, приводящий к прогрессивному увеличению реального и потенциального разнообразия структур и функций системы в ее развитии» к увеличению потенциала устойчивого развития системы. С «элементарной» точки зрения индивидуализацию можно определить как процесс становления все более свободного и вместе с тем все более функционального индивидуально-своеобразного, многомерного и мобильного способа жизнедеятельности элемента (особи, индивида, индивидуальности) в составе живой системы.

Процесс индивидуализации сопровождается формированием соответствующей внутренней организации элементов, обеспечивающей:

- возрастающую функциональную активность элементов в системе, их относительную автономность (независимость, самостоятельность) и вместе с тем чувствительность к потребностям сохранения и развития системы;
- способность к поддержанию внутренней целостности и вместе с тем пластичность, подвижность внутреннего «устройства»;
- растущую способность к саморегуляции, самоорганизации, самоуправлению в проблемно-конфликтных условиях существования;
- возрастающее участие в самоорганизуемых процессах социализирующейся, эволюционирующей «материнской» системы.

Рассмотренная природа психологического механизма индивидуализации социализирующейся личности подростка обосновывает осмысленное стремление, в кризисный период своего развития, овладеть этим механизмом. То есть мотив индивидуализации становится экзистенциальным мотивом социализации подростка.

Трактовка индивидуализации как экзистенциальной мотивации социализации и как основного звена в психологическом механизме культурогенеза личности не может быть в полной мере обоснованной, если опираться только на общепсихологический подход. Обоснование индивидуализации в единстве двух психологических статусов: как мотива и как психологического механизма социализации подростка определило необходимость обращения к интерактивной психологии, экзистенциальной психологии и патопсихологии.

С позиции интерактивной психологии, индивидуализация предстает как психологический механизм интерпретации социализирующейся личностью подростка возможностей и требований культуры в их соотнесении с индивидуальными культурными потенциалами. В результате этой интерпретации, индивидуализация реализуется как психологический механизм субъективной модификации культурных установок и концепций общества в разнообразных формах ролевого поведения личности.

В контексте интерактивной психологии, индивидуализация как психологический механизм социализации можно сравнить с психологическим механизмом трансформации психической структуры, которую осуществляет актер в процессе овладения сценической ролью.

Несмотря на то, что речь идет о сценической роли, психологический механизм, если исходить из исследований П.М.Ершова и опыта собственной театрально-педагогической практики, можно утверждать, что в основе индивидуализации как психологического механизма социализации подростка лежат два основных психологических процесса: трансформация психической структуры

личности (интра-психический процесс индивидуализации) и модификация ролевого поведения (интер-психический процесс). Эти два процесса интегрируюсь, формирую индивидуальный интерактивный стиль социального функционирования личности. Формирование такого стиля определяет экзистенциальную сущность психологического механизма индивидуализации личности подростка. Этот индивидуальный интерактивный стиль по отношению к культуре мира взрослых не всегда приемлем. И весьма часто оценивается как девиантный или патологический.

Неоднократно описанные в патопсихологии подросткового возраста характерологические и патохарактерологические реакции, в частности реакция эмансипации, реакция группирования, реакция хобби и реакции, обусловленные формирующимся сексуальным влечением (Д.Н. Исаев) патологическим являются только в том случае, если они соответствуют условиям, описанным В.В. Ковалевым. В своей первоначальной стадии развертывания они представляют собой индикаторы экзистенциальной мотивации к индивидуализации социализации подростка. Однако, тот факт, что именно в этот кризисный и переходной одновременно период своего развития развивающаяся личность находится чаще всего в состоянии конфронтации со своим ближайшим окружением, деформирует экзистенциальную мотивацию развития. Причинами деформации экзистенциальной мотивации являются:

- неадекватная кризисному периода интерактивная позиция развивающейся личности;
- дефицит интра-субъектных потенциалов социализирующейся личности подростка для совладания с фрустрирующей ситуацией кризиса;
- отсутствие психологических технологий психологической помощи кризисной личности подростка, рассматривающих кризис не как фактор риска патогенного развития, а как транзитный период социализации. Острота, которого обуславливается количественными и качественными характеристиками дефицитов психологического потенциала социализирующейся личности.

Разрешение этой проблемной ситуации связано и с тем в рамках, какой психологической парадигмы рассматривается сама проблематика мотивации социализации в переходной период её развития.

Социально-психологическая парадигма (К. Левин) в объяснении характеристик переходного периода на первый план выдвигает процессы социализации, взаимодействия подростка или юноши с другими людьми, социальными группами, общественными организациями и институтами. Важнейшими процессами при этом считаются расширение жизненного мира личности, круга ее

общения, групповой принадлежности и типа людей, на которых она ориентируется. Основное противоречие, преодоление которого открывает путь к взрослости, социально-психологический подход связывает с маргинальностью (промежуточностью положения) подростка-юноши в социальном мире.

Иная позиция отражается в культурно-психологической парадигме объяснения проблем переходного периода. Культурно-психологическая парадигма (Э. Шпрангер), может рассматриваться как пример более зрелого подхода к изучению социализации в переходный период, ушедшего и от «усредненного» взгляда на процесс взросления, и от адаптивно-гомеостатической его трактовки.

Философско-методологической базой культурно-психологического подхода послужили взгляды В. Дильтея (видного немецкого мыслителя, основателя «философии жизни» и «понимающей психологии»), считавшего, что центральным предметом психологии должна быть динамика духовного становления человека, что сущность личности может быть познана лишь при изучении наиболее высоких форм продуктивного, творческого отношения человека к миру.

Известный исследователь детства К. Бюлер, прослеживая духовное развитие ребенка, нашел, что формы мировоззрения, выделенные В. Дильтеем и К. Ясперсом (в частности, традиционалистское, нигилистическое и творческое мировоззрение), могут рассматриваться не только в качестве основания типологии личности, но и как характеристика фаз или этапов духовного развития отдельного человека в его взаимодействии с общечеловеческой культурой.

Дальнейшее развитие эти взгляды получили в работах известного немецкого философа и психолога Э. Шпрангера, который одним из первых ввел обоснованные представления о различных индивидуально типических и индивидуальных вариантах развития в подростковом возрасте и подверг критике мнение об обязательной кризисности, конфликтности этого периода. Надо согласиться со Э. Шпрагером, что переходной период – это период социально-психологического и индивидуально-психологического экспериментирования. Именно этим обусловлено возникновение реакций эмансипации, группирования и хобби-реакций.

Именно благодаря богатству «экспериментальных» находок и накоплению трудного опыта саморегуляции интенсифицируется формирование важнейших по мнению Э. Шпрангера, новообразований этого этапа личностного роста – *возникновение рефлексии*, расширение сознания и развитие самосозна-

ния, становление индивидуальной системы ценностных установок и ориентации, открытие и осознание собственного «Я», своей индивидуальности.

Культурно-психологический подход, концентрируя внимание исследователей на важнейших с точки зрения становления личности процессах культуры, является конструктивным противовесом «натурализаторским» и «социологизаторским» тенденциям в рассмотрении переходного периода.

Культурно-психологическая парадигма обуславливает механизм возникновения экзистенциальной мотивации социализации. Действительно, в сфере взаимодействия социализирующейся личности с общечеловеческой духовной культурой и, в особенности, с ее ценностным содержанием (что было главным для Э. Шпрангера) нет стандартных (инстинктивных, социально-нормативных, «правильных») вариантов решения жизненно важных задач, поскольку речь идет о задачах *выбора своей человеческой сущности*—самоопределении и самоутверждении не только и не столько в качестве половозрелого индивида или компетентного субъекта предметной деятельности и социального взаимодействия, сколько в качестве уникальной, неповторимой духовной индивидуальности.

Обеспечение целостности личности на протяжении всей ее жизни в реальных исторических условиях – основное назначение индивидуальности как психологической функции. С одной стороны, индивидуальность представляет собой относительно замкнутую, относительно устойчивую закрытую систему, внутренней функцией которой является регулирование всех свойств человека, обеспечение его целостности, с другой стороны – это открытая для взаимодействия с миром система, внешней функцией которой является регулирование среды. По существу, не только психологическая, но и историческая функция индивидуальности определяет ее системные свойства, что служит основанием рассматривать историко-психологические аспекты процесса индивидуализации. Неслучайно интерес к феномену индивидуальности как личностной целостности первыми проявили психологи, работающие с историческим материалом и занимающиеся историко-психологической проблематикой (К.Г. Юнг, Э. Эриксон). Функционирование индивидуальности является важнейшей причиной исторических изменений: движение человека к собственной целостности и гармонии имеет исторический эффект. В своем стремлении к сохранению личностной целостности индивидуальность обречена на исторические действия.

Механизмы процесса индивидуализации – это основные движущие силы развития человека, это механизмы формирования, развития и сохранения его

психической целостности и гармонии. Рассмотрим основные законы и психологические механизмы развития человеческой индивидуальности.

Главным внутренним механизмом развития индивидуальности является динамика внутренних противоречий человека.

Неосознаваемое мощнейшее стремление к согласованию знаний о себе и о мире, к согласованию возможностей и потребностей, необходимость гармонизации внутренних характеристик является причиной изменений, как внутреннего мира человека, так и его жизни. Основными стимулами развития индивидуальности выступают, по мнению Б.Г. Ананьева, *различия между тенденциями (включают в себя направленность личности, интересы, мотивы, ценностные ориентации, потребности, влечения, установки, убеждения, отношения) и потенциями (способности, одаренность, жизнеспособность, трудоспособность и работоспособность) личности.*

На протяжении всей жизни человек пытается обрести, обретает и вновь теряет согласованность внутренних и внешних тенденций, что ощущается как обретение или потеря гармонии в собственной личности и в собственной жизни. Э. Эриксон назвал это ощущение мира самого с собой чувством идентичности (ego identity) – самоидентичности. Это ощущение является атрибутом индивидуальности, внутренним критерием личностной целостности, основным источником психической энергии. Состояние личностной целостности, индикатором которого выступает устойчивое чувство идентичности, является атрибутом зрелости личности, ее основным психическим достижением, основополагающей ценностью личности, обеспечивающей максимальную эффективность и внутренний комфорт. Э. Эриксон называет это состояние личностной интеграцией (ego integrity) и описывает его как принятие себя и собственного жизненного пути как единственно должного и не нуждающегося в замене, как товарищеское отношение к принципам отдаленных времен и различным занятиям, как принятие ответственности лидерства, как переживание, выражающее мировой порядок и духовный смысл.

Внутренняя разобщенность и противоречивость личности (диссоциация) проявляются в неоптимальных жизненных стратегиях, в экстенсивном расходовании психических сил человека, в расхождении жизненной практики и способностей, устремлений человека, ценностей своего «Я».

Периоды внутренней несогласованности и разобщенности личностных свойств являются кризисами развития индивидуальности – кризисами личностного роста. Развитие индивидуальности как процесс урегулирования внутренних противоречий неизбежно сопряжен с кризисными периодами внутренней

рассогласованности, которые весьма болезненно переживаются человеком. *Развитие возможно только через кризис – это психологический закон.*

Внутренним эквивалентом процесса согласования личностных противоречий является интегративная и регулятивная деятельность самосознания личности. Основным механизмом, с помощью которого самосознание сохраняет чувство идентичности, служит механизм *идентификации* – механизм субъективного уподобления и связывания, механизм формирования самосознания в соответствии с социальными влияниями.

Интегративная деятельность самосознания по достижению идентичности осуществляется с помощью следующих психических механизмов идентификации:

1) построение образа «Я» – этому субъективно соответствует стремление к осознанию самого себя (*потребность в личной идентичности*);

2) построение образа социального «Я» – через стремление к осознанию своих групповых ролей, к осмыслению себя как социального объекта (*потребность в социальной идентичности*);

3) социальная ориентация, обретение социальной программы, осознание и обретение своего места в социальной системе (статуса) (*потребность в интеграции Я-концепции*).

Регуляция согласования внутренних противоречий личности осуществляется путем изменения самосознания. В результате согласования противоречивых характеристик Я-концепции (совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой) через механизмы самооценки (через потребность в позитивной самооценке, которая отражает степень развития чувства самоуважения, ощущения собственной ценности, позитивного отношения к самому себе) регулируются личностные противоречия. Поскольку регулятивная деятельность самосознания, направленная на обеспечение личностной целостности (во внутреннем плане – это обеспечение целостного представления о самом себе и позитивное к себе отношение), осуществляется не только на когнитивном, но и на поведенческом уровне, процессы индивидуализации имеют не только личностный, но также социальный и исторический эффект.

Если самореализация и нарушение процессов экстерииоризации являются глобальной причиной исторического изменения, то стремление к личностной целостности, к согласованности Я-концепции, к позитивной эмоциональной оценке собственного «Я» является важнейшим психическим механизмом исторического изменения.

Наиболее убедительное обоснование этого положения содержится в психоисторических исследованиях Э. Эриксона.

Опираясь на концепцию психосоциальной идентичности, в соответствии с которой развитие личности рассматривается как психосоциальное развитие (то есть как история взаимодействия человека и общества на каждой стадии индивидуального социализации), как прохождение восьми специфических возрастных психосоциальных стадий жизни, Э. Эриксон исследует исторические ситуации, когда отношения личности со средой имеют характер столкновения, вследствие чего личность оказывается в состоянии кризиса идентичности.

Конкретные исторические условия жизни народа (характеристики социального процесса, социальные ценности, характерные для данного общества) участвуют в процессе формирования личностной целостности через механизм психосоциальной идентичности, являющийся, по мнению Э. Эриксона, основным механизмом, связывающим человека с обществом.

С особенной остротой переживается кризис самосознания, когда личность сталкивается с социальными препятствиями, нарушающими целостность Я-концепции.

Эпохи социальных кризисов характеризуются своеобразным «вакуумом идентичности» для всего народа. В стремлении восстановить нарушенную психосоциальную идентичность личность становится основным агентом исторического изменения общества. Кризис идентичности является, по Э. Эриксону, одним из центральных понятий для объяснения истории человека и человечества: основная идея заключается в том, что исторический момент в жизни личности может стать историческим, переломным моментом в истории страны.

Если согласование противоречий является причиной развития индивидуальности (эту закономерность индивидуализации мы обозначим как «стремление к индивидуальности»), то существует другая закономерность, раскрывающая процесс индивидуализации – это закономерность последовательного, поэтапного «достижения индивидуальности» (личностной целостности).

Во внутреннем плане индивидуализация проявляется в последовательном изменении самосознания личности (в усложнении и гармонизации Я-концепции). Достижение устойчивой целостности самосознания личности (во времени и пространстве – во внутреннем и социальном мире) сигнализирует чувством идентичности – самоидентичности, обеспечивающим высокую личностную и социальную продуктивность человека. Достижение личностной целостности (как психического новообразования) как результата зрелости личности является процессом поэтапного и последовательного развития самосозна-

ния. Основным механизмом развития самосознания выступает кризис самосознания. Таким образом, историю личности можно представить как путешествие через кризисы к самому себе, как постоянные потери и обретения собственного «Я», как опыты духовных перерождений. Образно говоря, достигший личностной целостности человек – это специалист по разрешению кризисов самосознания. В путешествии к собственной целостности личность проходит неизбежно и последовательно ряд этапов, каждый из которых является кризисом идентичности, содержание которого определяется этапом в развитии самосознания.

Развитие самосознания личности в процессе индивидуализации стимулирует изменения в поведении, деятельности и облике личности. Изменения обстоятельств жизни, поведения и деятельности личности в процессе индивидуализации (процесс достижения личностной целостности) являются *психобиографическими изменениями* личности. В психобиографических изменениях отражаются закономерности процесса индивидуализации.

Психобиографическая закономерность – это определенная последовательность событий жизни человека, обусловленная процессом индивидуализации личности в конкретной исторической ситуации. Как пишет один из инициаторов интереса к психобиографическому исследованию в отечественной психологии Б.Г.Ананьев, «жизнь человека как история личности в конкретную историческую эпоху и как история развития его деятельности в обществе складывается из многих систем общественных отношений в определенных обстоятельствах, из многих поступков и действий самого человека, превращающихся в новые обстоятельства жизни».

В последовательном жизнеописании (истории жизни человека) отражены этапы становления индивидуальности в конкретных исторических условиях.

В *процессе индивидуализации личность формируется как субъект*, как творец собственной жизни. Достижение индивидуальности осуществляется через изменение поведения человека, через деятельность, направленную на преобразование обстоятельств собственной жизни и социальных условий. Поведение является внешним механизмом индивидуализации, способом согласования внутренних тенденций личности и внешних обстоятельств ее жизни, а также индикатором этого процесса: именно через внешнюю, характеризующую обстоятельства жизни активность личности обнаруживается развитие личностной целостности.

Активное регулирование человеком обстоятельств собственной жизни представляет собой важнейший механизм индивидуализации. Поведенческая активность, направленная на изменение среды обитания, является общепсихо-

логической нормой – не только на личностном уровне, но и на уровне психофизиологии.

Достижение индивидуальности как состояния личностной целостности возможно для каждой личности, поскольку идеал целостности является «неискоренимой потребностью человеческой души» (К.Г.Юнг), однако не всякий человек достигает состояния целостности, гармонии и продуктивности.

Достижение индивидуальности сопряжено с многочисленными сложностями: вспомним огромное количество препятствий, которые преодолевают герои сказок, легенд и мифов на пути достижения царства, богатства, – на мистическом, символическом языке это и означает богатство личностной целостности. Логика достижения целостности неминуемо приводит личность к выделению себя из коллектива, что сопряжено с огромными внутренними (отказ от психического комфорта эмоциональной зависимости) и внешними (опыт противостояния социальным конвенциям и стандартам, персонализированным в конкретных личностях и группах) усилиями.

С позиции системного подхода к экзистенциальной мотивации социализации подростка, индивидуализация связана с процессами:

- дифференциации – обособление, выделение из общего (общества, коллектива);
- интеграции – включение в систему социальных связей и взаимоотношений с другими, освоение социального опыта, обретение социальных целей;
- централизации – объединение элементов структуры в систему и гармонизация составляющих частей, причем определенные части приобретают ведущую роль и определяют поведение целого (такую роль играет развитие самосознания, обретение целостности «Я»);
- спецификации – приобретение специфических свойств в деятельности;
- типизации – уподобление себя другим;
- *автономизации* – обретение самобытности и самодостаточности индивидуального бытия, способности к самоопределению и саморегулированию.

Наличие этих процессов и дает нам основание рассматривать реакции подростков (эмансипации, группирования и хобби-реакции как индикаторы экзистенциальной мотивации социализации).

Таким образом, экзистенциальная мотивация социализации подростка определяется нами как осознанное стремление к индивидуализации. А индивидуализация личности подростка обосновывается как психологический механизм достижения личностной целостности.

В свою очередь личностная целостность является условием полноценного социального функционирования личности. Психологическими критериями полноценного социального функционирования личности являются адаптация и самоактуализация.

Если адаптация как психологический механизм социального функционирования личности обеспечивает её динамику равновесного отношения с социокультурной средой, то самоактуализация определяет психологическую динамику социализации подростка. По отношению к психологическим механизмам полноценного социального функционирования личности – адаптации и самоактуализации, интеракция выполняет функции психологического механизма социализации, обеспечивающего действие адаптации и самоактуализации.

Интеракция всегда культурно детерминирована. Её детерминация определяется задачами культурогенеза личности. По этому, интеграция интеракции и культурогенеза, рассматривается мной как интерактивный механизм культурогенеза личности, посредством которого возникают необходимые для реализации экзистенциональной мотивации личности подростка условия.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕСТРУКЦИИ ИНТЕРАКТИВНОГО МЕХАНИЗМА КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ЛИЧНОСТИ

Интерактивный механизм культурогенеза личности подростка обосновывается в контексте основного генетического закона культурного развития психики личности, сформулированного Л.С. Выготским и получившего свое развитие в работах М. Коула, Э. Эриксона, К. Хорни и Г. Салливана.

Согласно этому закону, культурогенез личности рассматривается как механизм интериоризации интерперсональных отношений. Наиболее последовательно идея, а точнее интерперсональная концепция социализации рассматривалась в работах М.И. Лисиной и её учеников. Белорусский психолог Я. Колминский вообще сделал предложение о выделении в качестве самостоятельного раздела психологии генетическую социальную психологию как науку и коммуникативном генезисе личности. Эта идея находит свое воплощение в социализирующейся *интерактивной психологии – психологической теории коммуникативного развития и коммуникативного функционирования личности.*

Интерактивная психология определяет межличностные интеракции как феномен культуры, а сам процесс интеракции как культурно-генетический процесс социализации. Теоретическим основанием интерактивной психологии личности стал психологический интеракционизм в синтезе и с символическим интеракционизмом.

Раскрывая культурно-генетическое основание личностно-центрированного подхода к исследованию психологической деформации личности мы исходим из синтеза психологического интеракционизма и символического интеракционизма как теоретического фундамента культурно-генетического основания исследования.

Как теоретико-концептуальное направление в современной социальной психологии и социологии интеракционизм обоснован американским социологом и психологом Дж.Г. Мидом. Как отмечает автор «Основания социокультурного анализа» Л.Г. Ионин, центральное понятие теории Дж.Г. Мида – понятие межиндивидуального взаимодействия. Теория интеракционизма – это теория культурогенеза личности во взаимодействии с другими людьми. Для нас интеракционизм стал не просто методологией исследования дефицитной деформации социализации, а своего рода принципом, определяющим исходные позиции психодинамики культурогенеза личности во взаимосвязи с социодинамикой культуры.

Интеракционистский подход к характеристике культурогенеза личности подростка характеризуется убеждением, что человеческая природа и социальный порядок являются продуктом коммуникации.

Методология психологии интерактивной социализации основана на синтезе социологической и психологической трактовки интеракционизма.

Социологическая трактовка интеракционизма известна более под названием символический интеракционизм, а психологическая как интракционистский подход к концепции личности. Ключом, который позволил интегрировать эти два понимания интеракционизма стали – ситуационизм и принцип развития. Символический интеракционизм оказал особое влияние на социологию девиантности благодаря предложенному им понятию карьеры, принятому в исследованиях преступного поведения.

Если Мид подчеркивал свой социальный объективизм (общество не является лишь продуктом субъективного сознания деятелей, оно обладает объективным существованием), то современный символический интеракционизм имеет тенденцию к анализу общества в качестве образования, возникающего на основе бесчисленных трансакций социальных деятелей. Такая тенденция определяется как транзактная тенденция культурно-генетического исследования личности подростка.

Символический интеракционизм критиковался за то, что он не уделяет достаточного внимания различным моментам объективного ограничения социального действия.

Под социальным взаимодействием в интеракционизме понимается непосредственная межличностная коммуникация («обмен символами»)» важнейшей особенностью коей признается способность человека «принимать роль другого», представлять, как его воспринимает партнер по общению или группа («генерализованный другой»), и соответственно интерпретировать ситуацию и конструировать собственные действия. Развитие личности с точки зрения интеракционизма происходит в ходе взаимодействия с другими людьми в обществе и трактуется как система непосредственных коммуникаций, причем структура личности содержит компоненты, обеспечивающие ее активность, а также контроль над собственным поведением соответственно нормам социальным, ролям и установкам, социальным партнеров по взаимодействию. Хотя прямо эти компоненты структуры личности не получили определения в качестве культурных потенциалов личности, в их характеристиках четко просматривается культурно-генетическая ориентация.

Как направление теоретической социологии, символический интеракционизм возник в 50-е годы XX столетия, хотя его основные представители считают, что истоки идей и методологии интеракционизма следует искать в психологической традиции, связываемой с именами У. Джеймса, Дж.М. Болдуина и Дж. Дьюи, а также социально-психологических разработках американских социологов начала XX века Ч.Х. Кули, У.И. Томаса и, особенно, в социально-философских построениях Джорджа Герберта Мида, чьи идеи оказали перво-степенное влияние на символических интеракционистов.

Представители социально-психологического направления в американской социологии начала XX века настаивали на необходимости первоочередного изучения субъективной стороны социального действия, утверждая, что впечатления, которые люди производят друг на друга, составляют основу общественных явлений, конструируя тем самым основополагающие факты существования общества. Общество, по их мнению, представляет собой реальность субъективного мира людей, разделяемых ими впечатлений и значений. Таким образом, объективный характер социальной реальности есть лишь следствие единства субъективных «прочтений» окружающего мира, поскольку, даже если люди определяют для себя несуществующие вещи как реальные, то их субъективные дефиниции имеют объективные последствия. Поэтому изучение объективности общества должно быть подчинено изучению субъективных описаний и интерпретаций ситуаций взаимодействия, условий и способов их соединения – объективации субъективных миров действующих социальных субъектов.

Наибольшее влияние на становление символического интеракционизма как направления социологии оказали идеи современника Ч.Х.Кули и У.И.Томаса – Дж.Г.Мида.

Центральной идеей творчества Дж.Г.Мида была идея одинаковой важности изучения как внешнего (объективного), так и внутреннего (субъективного) поведения людей для социологического знания. В этом смысле он занимает как бы промежуточное положение между крайним субъективизмом Ч.Х.Кули (только субъективные «впечатления» есть предмет социологии) и крайним объективизмом Э.Дюркгейма (только «социальные факты» как реальные вещи есть предмет социологии). Дж.Г.Мид подчеркивал, что субъективная сторона социального действия является важной чертой общественной жизни, конституирующей специфику социальных явлений. Эта сторона социального феномена, по его мнению, может быть лучше всего понята как процесс символического создания, описания и интерпретации объективных ситуаций. Дж.Г.Мид призна-

вал реальность объективного мира, окружающего людей, но считал основополагающим обращение к субъективной интерпретации этого мира действующими индивидами интерпретации, создающей социальный мир и самого человека.

Такое понимание является следствием обобщения основных черт, которыми человеческое бытие отличается от существования животных. Сравнивая две эти сферы, Дж.Г.Мид сосредоточил свое внимание на языке, как факторе, придающем решающее отличие общению людей. Символическая природа языка, его способность порождать одинаковые реакции на языковые конструкции у взаимодействующих социальных субъектов, способность при обмене символами как бы ставить себя на место другого и создает, по Дж.Г.Миду, уникальность социального мира. В исследованиях Дж.Г.Мид заложены методологические основания культурогенеза личности и определена роль интеракций как звеньев психологического механизма реализации целей и задач культурогенеза.

В исследованиях Дж.Г.Мид, как и в работах Л.С.Выготского определяющей ролью в культурогенезе личности наделяются знаки символы.

Знаки-символы способствуют отделению человека от мира физических вещей, помогают ему «сохранять дистанцию» по отношению к предметам, позволяя оперировать ими без прикосновения. Логические, да и просто мыслительные операции – действия с идеальными объектами – значениями, символами – предваряют любую практику, существование языка позволяет нам отстраняться, обдумывать, выбирать.

Особенностью языка является и то, что любой языковой символ (слово) может быть одновременно и частным значением, основанным на индивидуальных аспектах опыта, возникшим в результате частного взаимодействия и имеющим договорную (контрактную) природу, и значением универсальным, основанным на обобщенном опыте многих участников взаимодействия. Тождественность восприятия слова всеми участниками взаимодействия составляет основу того, что Дж.Г.Мид называл «принятием роли другого». Такое «принятие», подстановка себя на место другого человека, интернализация его социального опыта, его описания ситуации взаимодействия, создает возможность предсказания его возможного поведения и является необходимым условием существования социального порядка, социальных структур, являющихся не чем иным, как обобщением значений ситуаций взаимодействия многих людей относительно общего объекта.

Мы создаем наш субъективный мир, определяя, обозначая его, придавая ему смысл: кусок дерева – всегда кусок дерева, в нашей деятельности он становится столом, стулом, прикладом ружья и т.д.

Однако это обозначение, «символическое творение мира» возможно только во взаимодействии и через взаимодействие с другими людьми. Обозначая предметы, мы тем самым задаем роль, которую они будут играть во взаимодействии. Мы развиваем и изменяем значения, и с ними изменяется наш мир. Процесс развития языка предстает одновременно и как интимный процесс, подобный созданию собственного языка двух влюбленных в ходе ежедневного совместного общения, и как процесс образования и принятия общепринятых понятий – универсальных значений. Непрерывающийся процесс создания и изменения значений в ходе постоянного взаимодействия и составляет основной путь происхождения и развития социального мира.

Творение социального мира и человека осуществляется, согласно Дж.Г.Миду, как совокупность процессов межличностных взаимодействий, имеющих символический характер. Символизм социального взаимодействия состоит в том, что оно опосредуется значением, выступающим как бы редукцией предшествующих взаимодействий, существующим в сознании действующего индивида. Взаимодействие, таким образом, основано на общности значений социальных субъектов, на одинаковости интерпретации ими одних и тех же символов (прежде всего слов разговорного языка). Эти общности значений взаимодействующих людей и создают, по мнению Дж.Г.Мида, субъективное впечатление социального порядка, символическую сторону социального действия. Обратной стороной этого процесса является становление собственного «Я» (личности) человека.

Именно эта сторона социального процесса больше всего интересовала самого Дж.Г.Мида. Все его работы посвящены осмыслению того, как в ходе социальных взаимодействий – символических интеракций – возникает и изменяется «Я» человека. Он отстаивает скорее процессуальный, чем статичный взгляд на социальную реальность. По его мнению, люди и социальный порядок постоянно находятся в становлении, они не даны в виде свершившегося факта. В своих работах Дж.Г.Мид стремится показать, как индивид становится членом общества.

Становление «Я» человека, согласно Дж.Г.Миду, есть процесс превращения биологического организма в рефлексивную социальную личность, способную становиться объектом для самой себя. В этом тезисе, характеризующем концептуальное положение теории символистического интеракционизма,

не только намечается тенденция его трансформации в психологический интеракционизм, но подчеркивается одна из существенных черт полноценно функционирующей личности и одновременно обосновывается цель культурогенеза личности.

Культурогенез личности подростка в контексте методологических и концептуальных установок интеракционизма определяет в качестве своей цели *формирование рефлексивной социальной личности.*

Психологический интеракционизм обосновывающий интерактивный механизм культурогенеза социализирующейся личности подростка исходит в своей концептуализации целиком из социогенетической концепции личности. Этим его концептуальные основания сближаются с культурно-исторической теорией социализации Л.С. Выготского.

Происхождение и функционирование «Я» целиком социально. Оно представляет собой процесс «принятия роли другого», рассматривающийся, как уже говорилось выше, как фундаментальная характеристика символического взаимодействия социальных субъектов. На этом пути «Я» человека проходит ряд стадий:

- «отдельного другого», характеризующейся обобщением в себе поведения конкретного другого человека;
- «обобщенного другого» – разделением символических значений определенной группы;
- «универсального другого» – принятием значений более широких социальных общностей.

Таким образом «Я» в концепции Дж. Г. Мида представляет собой интернализацию субъективных описаний объективной реальности, условием возможности которой выступает символическая природа межлического взаимодействия. «Я» есть действительно личностная интернализация «обобщенного другого» – социальных привычек широкого сообщества людей. Объем того или другого индивидуального «Я» – богатство его способов действия и символических описаний ситуаций – напрямую зависит от количества, разнообразия и широты взаимодействий, в которых участвует данный индивид. Отсюда, структура сформировавшегося «Я», по мнению Дж. Г. Мида, есть слепок структуры социального мира индивидуальное «Я» тождественно социальной структуре реально функционирующего общества. С позиции такой концептуальной установки интеракционизма личность обосновывается как продукт реальной культуры, реального общества, а её характеристики позволяют определить личность как психо-культурной тип.

Такое прочтение индивидуального «Я» приводит к необходимости рассматривать поведение индивида (интеракции) как полностью стандартизованное, являющееся выбором между данными «образцами действий» («институционализированными возможностями» в терминологии Т.Парсонса). Источник выбора, равно как и способность уклоняться от существующих образцов поведения, также как и позднее, у Т.Парсонса, ускользает от анализа, что в макросоциологическом плане ведет к отождествлению социальной функции (процесса) и социальной структуры. Для того чтобы разрешить эту проблему Дж.Г.Мид обращается к рассмотрению внутреннего строения «Я». Он полагает, что «Я» состоит из двух подсистем (фаз) – «I» и «Me» . «Me» в понимании Дж.Г.Мида – это совокупность интернализированных индивидом установок других – социальная сторона «Я», тогда как «I» есть автономное образование, отражающее индивидуальность и своеобразие каждого человека. Употребляя кибернетическую терминологию, «me» – это совокупность «входов-выходов» – стандартизованных реакций системы «Я», тогда как «I» есть некоторый «черный ящик» определяющий выбор той или иной стандартизованной возможности, вносящий изменения в структуру взаимодействия, и тем самым влияющий на содержание социального процесса, то есть в общем смысле источник творчества, оригинальности и непосредственности. Таким образом, социальная реальность есть не только символическое взаимодействие социальных субъектов, но и в первую очередь взаимодействие двух структур «Я» внутри индивида. Это своеобразный диалог «I» и «me» – «внутреннее» общение, создающее канал, через который проходят все образцы взаимодействия и все «внешнее» общение человека. Следовательно, «Я» является продуктом диалектики «I» и «me» – источника социального и личностного развития.

Психологическая интерпретация интеракционизма источником социального и личностного социализации обосновывает взаимодействие интра-субъектной и интер-субъектной структур личности. Диалектика взаимодействия этих двух подсистем личности подростка определяется, как уже было отмечено ранее состоянием культурного потенциала с одной стороны, с другой она же является условием психологической динамики трансформации как интрапсихического механизма социализации подростка.

Таким образом, психологический механизм культурогенеза личности подростка предстает как двух уровневая система. Первый уровень которой, социально-психологический – это система интеракций. Второй, индивидуально-психологический – это система трансформаций, которая позволяет, формиру-

ющиеся в процессе интеракции психологические новообразования личности, использовать для трансформации, а значит для социализации.

Однако в такой характеристике психологического механизма культурогенеза личности отсутствует третий, интегрирующий два основных уровня. Это психологический механизм рефлексии. Введение в структуру психологического механизма культурогенеза личности подростка рефлексии характеризует его уже как трехуровневый психологический механизм.

В этом психологическом механизме четко существует субординация и координация всех трех уровней. Что и обеспечивает прогрессивную психологическую динамику культурогенеза личности подростка. Нарушение субординации и координации в структуре психологического механизма культурогенеза личности подростка создает интра-психические факторы риска психокультурной деформации личности подростка.

Выдвинутый нами психологический механизм культурогенеза личности подростка, обосновал необходимость, обратиться к исследованию интеракционистской модели общества. Это обусловлено тем, что интра-психические интеракции культурогенеза личности индуцируются интерперсональными интеракциями социокультурной системы общества. Эта идея получила развития в интерперсональной психотерапии Г.С. Салливана, но интеракционистская модель общества была предложена Г.Блюмером.

Построение интеракционистской модели общества Г.Блюмер начинает с выделения трех основных, на его взгляд, предпосылок, характеризующих перспективу рассмотрения символического интеракционизма:

1. Человеческая деятельность в отношении объектов осуществляется на основании значений, которые люди им приписывают.

2. Эти значения есть продукт социального взаимодействия (интеракции) между индивидами.

3. Эти значения используются и приносятся посредством интерпретации, используемой каждым индивидом в отношении знаков (символов), его окружающих.

Таким образом, Г.Блюмер кристаллизует идеи своих предшественников, еще раз подчеркивая, что значения символов не имеют ничего общего с объектами, представляющими эти значения в реальном мире. Значения есть продукт взаимодействия людей, а объекты реального мира лишь учитываются во взаимодействии, причем, не напрямую, а на основании тех значений, которые приписываются им действующими индивидами. Значения возникают в ходе взаи-

модействия людей относительно вещей, которое имеет характер совместного описания ситуации действия и реальных объектов, участвующих в нем.

Процесс создания значений и совместного описания ситуаций представляется Г. Блюмеру процессом интерпретации уже существующих значений.

Ему принадлежит мысль о том, что действующие лица отбирают, проверяют, взвешивают, перегруппировывают и трансформируют значения в свете направления их действия и ситуации, в которую они помещены. Следовательно, взаимодействие не может быть рассмотрено как чисто автоматическое приложение существующих значений, оно является процессом формирования значений, в котором они используются и воспринимаются как инструменты для управления и создания действия.

Отсюда вытекает тезис о том, что люди действуют не под влиянием внешних сил и не из-за внутренних устремлений – действие человека направляется процессом интерпретации внешних и внутренних факторов на основании значений: означиванием индивидов как внешних объектов, так и внутренних устремлений, приписыванием им значения, оцениванием их значимости для данной ситуации и принятием решения на основании этого оценивания. Процесс интерпретации, по Г. Блюмеру, это и есть процесс символического взаимодействия – действия на базе символического описания.

Г. Блюмер как социолог интеракционист не фокусирует внимание на интерпретации как рефлексии, но, по сути, в его исследовании представлена развернутая характеристика рефлексии как структурного компонента психологического механизма культурогенеза личности.

Человеческое бытие, согласно Г.Блюмеру, характеризуется сознанием и рефлексией. Поэтому действия человека – это акты его самоопределения – постоянного коммуникативного процесса, в ходе которого человек отмечает объекты, оценивает их, дает им значения, определяющие характер и направление действия.

Действия в первую очередь связаны со значениями и их индивидуальной интерпретацией. Однако всякое человеческое действие происходит в определенном социальном контексте, да и сама природа значений и символов социальна. Люди обязаны адаптировать свои действия к ситуациям, в которых они происходят, то есть приспособливать собственные субъективные описания ситуаций к описаниям других людей, составляющих социальный контекст взаимодействия. Однако и это приспособление, по мнению Г.Блюмера, имеет не реактивный, а интерпретационный характер. Необходимость приспособления действия к социальному окружению диктует необходимость обобщения интер-

претационного процесса – разделения участниками взаимодействия описания ситуации и его возможной интерпретации (или интерпретаций). Генерализация процесса интерпретации, разделение его многими людьми и создает, по Г. Блюмеру, то, что называется социальным порядком или социальной структурой. Г. Блюмер предлагает собственный термин для фиксации этого явления – «объединенное действие» (joint action), определяемое как социальная организация управления различными действиями разных участников взаимодействия.

Таким образом, социальный мир, согласно Г. Блюмеру, состоит из постоянных интеракций, понимаемых как процесс интерпретации. Повторяемость одних и тех же действий, как на индивидуальном, так и на групповом уровне, объясняется через «объединенное действие» – такое состояние взаимодействующих социальных субъектов, когда они по преимуществу едины как в описании ситуации, так и в способах ее интерпретации.

К символическому интеракционизму наиболее всего адекватна аналогия общения: социальный мир демонстрирует такие же качества плавного течения, развития, творчества, какие мы находим в общении за обеденным столом. Фактически этот мир и состоит из «внутреннего» и «внешнего» общения – такой взгляд на социум разделяют все теоретики интеракционизма, рассматривающие историческое развитие как детерминированное индивидуальным творчеством и, в свою очередь, детерминирующее его.

Хорошей иллюстрацией этого является теоретические разработки другого представителя символически-интеракционистской перспективы, одного из лучших учеников Г.Блюмера, создателя «драматургического подхода» – Эрвина Гоффмана.

Создавая собственное теоретическое видение поведения людей и давая собственному подходу название «драматургический», Э. Гоффман стремится подчеркнуть, что с ростом значения сферы обслуживания межличностное общение все более приобретает характер «представления собственного «Я» другим», аналогичного театральному действию. В связи с этим он предлагает использовать для описания поведения социальных субъектов театральную терминологию, «поскольку язык театра уже достаточно прочно вошел в социологию... представляется весьма ценным попытаться с самого начала описывать изучаемый предмет в терминах сцены... Весь мир похож на сцену, и мы проводим на ней время, и это все время, которое мы имеем в жизни. Но на что похожа сцена, и на что похожи фигуры на ней, являющиеся людьми?»

Э. Гоффман изначально ограничивает широту применения собственного подхода. Он считает, что «драматургическое действие» возможно только в слу-

чае интеракции «лицо-к-лицу» (face-to-face) и «со-присутствия» участников взаимодействия. Таким образом, он заранее оговаривает, что его теоретические устремления направлены отнюдь не на создание общих описаний действия и поведения людей, а на рассмотрение лишь части такого поведения, правда, части немаловажной. В дальнейшем он еще более сужает область применения собственного подхода, рассматривая взаимодействия «лицо-к-лицу» в закрытых учреждениях (психбольницы и т.д.). Он пытается создать частную теорию, охватывающую некоторые важные аспекты взаимодействия, а именно, то, что при определенных условиях (непосредственное взаимодействие «лицо-к-лицу»; физическое присутствие всех участников взаимодействия; наличие четко установленных образцов поведения, имеющих императивный характер) социальное действие становится по преимуществу «представлением себя», «созданием впечатлений» и «управлением этими впечатлениями».

Общая деятельность участника социальной ситуации, отвечающей поставленным Э. Гоффманом условиям, называется «представление» (performance). Каждый из присутствующих может оказаться «актером» – центром внимания участников ситуации – остальные при этом рассматриваются как наблюдатели или соучастники. Актеры исполняют действия, называемые Э. Гоффманом «рутиной» (routine) – «предустановленные образцы действия, которые разворачиваются в ходе представления и которые могут быть представлены или сыграны в другом случае». В зависимости от ситуации один и тот же «актер» может представлять различные виды «рутин», однако, одна из них наиболее важна для него. В течение исполнения «рутины» «актер» представляет себя в идеализированном виде. Эта «идеализация себя» имеет две стороны. С одной стороны «актер» стремится представить такие действия, факты и мотивы, которые отвечают идеализированной версии его собственного «Я», а с другой – создать впечатление о том, что текущее представление текущей «рутины» и ее отношение к данной аудитории является чем-то особенным и уникальным и для него и для других участников.

«Представление» происходит на «сцене», создаваемой объективными и субъективными условиями данного взаимодействия. «Сцена» подразделяется Э. Гоффманом на две сферы: «переднего» и «заднего плана». Первая является постоянно функционирующей частью индивидуального представления, в общем, и фиксированном виде определяющей ситуацию для тех, кто наблюдает за этим представлением. Вторая представляет собой самоидентификацию актера по отношению к данной аудитории.

Э. Гоффман создает собственное видение протекания социального действия, точнее, одного из его вариантов. Его анализ ситуаций предполагает их закрытость и данность для действующих лиц, они всегда четко очерчены. В этих ситуациях действующие лица, прежде всего, стремятся достичь «успешного впечатления» собственного действия, их главной задачей становится контроль за собственным «представлением». «Управление впечатлением» протекает в жестко детерминированных условиях, определяемых сценарием, созданным помимо актера, сценой и аудиторией, относительно от него не зависящими. Актеры у Э. Гоффмана не всегда обязаны следовать роли, но всегда должны создавать хорошее впечатление и соответствовать ситуации. Если социологию Т. Парсонса можно назвать «социологией рационального выбора», то социология Э. Гоффмана по меткому выражению А. Гоулднера – это «социология продажи души».

Э. Гоффман никогда не отрицал существования социальной структуры и других социальных явлений, выходящих за рамки межличностного взаимодействия – культуры, власти и т.д. Все эти явления просто оказались вне поля его рассмотрения, посвященного одному из видов социального действия. Его «драматургический подход» приложим к непосредственному человеческому общению, и используется самим Э. Гоффманом как концептуальное описание (рамка отнесения) эмпирической реальности.

Работы Э. Гоффмана по своей сути дескриптивны, они – классификация техник и стратегий общения. Общество, понимаемое как общение, находится в постоянном движении и не может быть потому абстрагировано.

Интеракционистский подход к концепции психологического механизма культурогенеза личности основан на методологическом принципе, согласно которому ни личностные факторы, ни условия внешнего окружения, если их рассматривать изолированно, не могут в полной мере объяснить поведение человека. В качестве основной детерминанты поведения человека выступает процесс постоянного взаимодействия между этими факторами.

На основе этого методологического принципа обоснован ряд интеракционистских концепций теории личности. Для понимания различий в интеракционистских концепциях личности необходимо рассмотреть их исторические предпосылки, точнее, те элементы, которые имели место в рамках персонологических и бихевиористских моделей личности.

Немецко-американский психолог К. Левин предложил свой принцип взаимодействия личности со средой, в которой различал среду физическую и психическую. Ученый считал, что поведение зависит не от прошлого и не от буду-

щего, а от поля настоящего. По его мнению, физическая и социальная среда реально выступают для субъекта в виде психологических феноменов. Поэтому для разных социальных субъектов объективное окружение представляется различным, в зависимости от его личностной значимости. При этом психологическая реальность при взаимодействии личности со средой является наиболее значимой.

В концепции личности американского социолога Г. Меррея проблема взаимодействия индивида со средой анализируется через редуцирование характеристик индивида к его потребностям, а свойств среды – к тем ее факторам, которые способствуют или препятствуют удовлетворению этих потребностей. Свойства среды Меррей обозначал понятием «давление». Основными единицами при исследовании взаимодействия личности со средой служили различные сочетания потребностей и влияния социальной среды.

Идеи интеракционизма по-разному проявлялись в бихевиоризме и психоаналитической теории личности. В бихевиористской школе идеи интеракционизма были изложены в концепции личности американского психолога Э. Толмена. В ортодоксальную систему бихевиоризма было включено понятие «познавательные (или когнитивные) карты». Его суть сводилась к тому, что любая личность не просто механически реагирует на стимулы, исходящие из среды, а сопоставляет их со сложившимися в сознании стереотипами на основе опыта «карты поля». Следовательно, во взаимодействие со средой человек вносит собственный элемент активности и поведения. Взгляды Толмена послужили основой разъединения «чистого» бихевиоризма с идеями когнитивной психологии.

Психоаналитическая концепция личности наиболее ярко выражена во взглядах З. Фрейда, рассматривающего процесс взаимодействия индивида и общества как социопсихологический конфликт, а саму личность как ансамбль иррациональных, бессознательных влечений. Фрейд отмечал, что цивилизация с ее запретами и санкциями, с одной стороны, великое благо и необходимость, иначе человечество, полностью подчинившись сексуальным и летальным инстинктам, не смогло бы выжить, но, с другой стороны, она – бремя и опасность для человека» поскольку все большее вытеснение влечений ведет к прогрессирующему развитию неврозов, растущей неудовлетворенности, тревоге, деформации характеров, отчуждению, бессознательному лицемерию и т.д. Так как обществу угрожает дезинтеграция, есть необходимость в социализации и социальном контроле.

Основные положения интеракционистских концепций личности прекрасно изложил современный американский социальный психолог Б. Экехаммар.

Интеракционистские концепции личности могут рассматриваться как синтез персонологизма и ситуацианизма. В этом его существенная отличительная черта от других концепций личности. Интеракционистские концепции личности интегрируют индивидуально-психологические теории личности и социально-психологическими.

Это означает, что ни индивид сам по себе, ни ситуация сама по себе не выдвигаются на первый план, а в качестве основного источника вариаций поведения рассматривается взаимодействие двух факторов.

На этой основе этого в центре нашего исследования находятся критические ситуации социального функционирования личности подростка: стресс, фрустрация, кризис, конфликт, когнитивный диссонанс. Уже в процессе теоретической разработки проблемы генезиса и феноменологии психологической деформации личности было установлено, что критические ситуации социального функционирования личности – это ситуации, деформирующие интерактивный механизм культурогенеза личности. Однако критическая ситуация возникает не сама по себе. В её формировании всегда отмечается социально-психологический и индивидуально-психологический индуктор.

Феноменология социально-психологического индуктора критической ситуации обосновывается в контексте интеракционистской трактовки социализации, разработанной А.В.Петровским и его сотрудниками. Концепция социализации подростка А.В.Петровского в русле идей психологической символизации партнера по взаимодействию. Это стало существенным вкладом в разработку интеракционизма. Является введение в качестве символического партнера по взаимодействию «обобщенного другого» или как принято определять в современной литературе – «значимый другой».

Ю. Кондратьев отмечает, что недавнего времени в силу целого ряда обстоятельств и, в первую очередь, в связи с различными исследовательскими задачами достаточно легко выделяемые три стихийно сложившихся основных направления изучения значимого другого почти не пересекались и существовали как бы независимо друг от друга. В то же время появление и разработка концепции персонализации и метода отраженной субъектности позволили на современном этапе развития социально-психологической науки построить трехфакторную модель значимого другого, т.е. рассмотреть все три указанных критерия значимости, что называется «в связке», как генерализованные и в це-

лом независимые основания возможной значимости одного человека для другого.

Первый из рассматриваемых А.В. Петровским критериев значимости другого – его оценка по шкале «авторитетность» для партнера, т.е. степень его идеальной представленности в сознании последнего в качестве лица, чье мнение значимо для него либо как информация к размышлению, либо как существенный ориентир для принятия решения, либо как прямое руководство, безоговорочное указание к действию в жизненно важной ситуации.

Напомню, что речь идет не об анализе на интраиндивидуальном уровне каких-то индивидуально-психологических характеристик, якобы обеспечивающих субъективную значимость одного человека для другого, а о метаиндивидуальной репрезентации личности значимого другого. В связи с этим в рамках теории деятельностного опосредствования и концепции персонализации была разработана следующая модель отношений авторитетности, которые применительно к рассматриваемой трехфакторной модели значимого другого являются высшей точкой позитивно направленного вектора референтности: индивидуальные особенности авторитетного лица – процесс отработки, формирования отношений авторитетности в условиях совместной деятельности и общения – идеальная представленность авторитетного лица в сознании другого или других – реализация отношений авторитетности в совместной деятельности и общении (т.е. учитываются четыре аспекта отношений: интраиндивидуальный, интериндивидуальный и через призму метаиндивидуального интериндивидуальный).

Понятно, что наличие наиболее выраженной, яркой формы метаиндивидуальной репрезентации личности значимого другого (его авторитетности), предполагает возможность, а, следовательно, и необходимость нахождения на этом векторе и других узловых точек, отражающих качественные этапы процесса становления отношений авторитетности.

Взаимоотношения, характеризующие исходную стадию формирования отношений авторитетности, в первую очередь, основаны на значимости одного индивида как источника важной для другого информации. В глазах этого другого данный индивид вполне может оказаться даже лишенным своей индивидуальности, его личностные качества и свойства могут вообще не фиксироваться или восприниматься сугубо негативно. В то же время это ни в коей мере не умаляет его ценности как обладателя необходимых сведений. Ориентированного на него в этом плане индивида далеко не всегда интересует его мнение, оценка ситуации, его интерпретация сообщаемых фактов. Обращающемуся к нему лицу необходима не личностная позиция «индивида как источника ин-

формации», а тот объем знаний, которым он располагает. Подобные отношения, как правило, нестабильны, они складываются и реализуются лишь в условиях дефицита информации и теряют всякий смысл, если эта информация становится доступной заинтересованному лицу.

На принципиально иной основе строятся референтные отношения, придающие интеракции референтное содержание. В этом случае в центре внимания индивида оказывается не только и не столько информация, за которой он, в конечном счете, и обращался к другому, в описанной выше ситуации, сколько ее оценка данным конкретным и таким образом оказывающимся референтным для него лицом. Именно мнение референтного лица признается важным и выступает как необходимое основание для осуществления действия в условиях значимой для обращающегося к нему индивида ситуации. Здесь уже можно говорить о «личностном видении», «личностном различении» субъекта, к которому обращаются за сведениями, как необходимом условии отношений с «референтным лицом», чего не скажешь об отношениях с «индивидом – источником информации». Подчеркнем также, что высокая референтность индивида для другого ни в коей мере не исключает возможности ярко выраженного негативного отношения этого другого к нему как к личности. Несмотря на то, что отношение референтного лица к интерпретируемым фактам и обстоятельствам играет роль своего рода ориентира в жизнедеятельности индивида, последний далеко не всегда прислушивается к этой оценке, нередко не согласен с ней, не принимает ее как неоспоримо верную. Более того, он порой может использовать информацию о мнении референтного лица как материал для обоснования своей позиции, что называется, «от противного».

Качественно более высоким уровнем значимости одного индивида для другого характеризуются отношения авторитетности. В отличие от «референтной стадии развития отношений межличностной значимости» на этой высшей по рассматриваемому критерию оценки стадии развития взаимоотношений авторитетному лицу авансируется доверие, его мнение признается изначально верным, воспринимается как прямое руководство к действию. Более того, ему предоставляется право единолично принимать ответственные решения в условиях значимой деятельности.

Таким образом, позиции «индивид – источник информации», «индивид – референтное лицо», «индивид – авторитетное лицо», «индивид – анти-референтное лицо», «индивид – анти-авторитетное лицо» представляют собой узловые точки процесса количественного увеличения значимости одного индивида

для другого и, вместе с тем, являются рубежами, обозначающими качественно различные уровни значимости межличностных отношений.

Вторая форма метаиндивидуальной репрезентации личности значимого другого, которая рассматривается в рамках трехфакторной модели, – это аттракция, т.е., по сути дела, эмоциональный аспект идеальной представленности человека в сознании окружающих, его привлекательность или то отчуждение, отторжение, а может быть, даже и неприязнь, враждебность, которые он вызывает в других.

Как уже упоминалось выше, исследования этого параметра отношений значимости достаточно широко представлены как в зарубежной, так и в отечественной психологической литературе и рассматриваются в качестве более или менее самостоятельного направления не только теми, кто сам работает в этом русле.

В исследовательской практике для анализа межличностных предпочтений и отвержений по типу «симпатия-антипатия» наиболее широко признается, если дело касается реальных естественных малых групп, социометрическая процедура, как в традиционной ее форме, так и в различных модифицированных вариантах.

Иногда, а в некоторых, например, закрытых группах достаточно часто именно эмоциональное неприятие и даже прямая враждебность характеризуют отношение одного человека к другому, причем волей определенных обстоятельств куда более значимому, чем те партнеры по взаимодействию и общению, к которым субъект испытывает откровенную симпатию или даже дружбу и любовь. И не только для понимания особенностей именно отношений значимости, но и в связи с тем, что ее нахождение на оси лишней раз напоминает об одной практически не изученной категории членов реальных естественных малых групп. В контексте социометрической процедуры – это не избираемые члены группы, не избираемые, даже если количество выборов не было ограничено экспериментатором (непараметрическая форма социометрического опроса).

И наконец, третья форма метаиндивидуальной репрезентации личности значимого другого, тщательный учет которой предусмотрен работой с трехфакторной моделью, – институционализируемая роль. В отличие – от авторитета, отражающего собственно личностное, как бы «вне-ролевое» влияние значимого другого («власть авторитета»), в данном случае имеется в виду «авторитет власти», или авторитет роли, именно наличие которой и обуславливает значимость одного человека для другого. Подобная сторона субъективной значимости ни в

к которой не предполагает как обязательное свое основание авторитет личности носителя роли или его эмоциональную привлекательность для окружающих, хотя в то же время, конечно, и не предопределяет ни его низкий эмоциональный статус, ни отсутствие его личностной значимости. В этом плане нельзя не согласиться с А.В. Петровским, который указывает, что «разрушение той или иной организации автоматически отключает механизмы действия институализированных ролей, точно так же выход носителя институализированной роли, к примеру из служебной иерархии, лишает его статуса «значимого другого» для его сослуживцев. Это происходит, если его служебный статус не сочетался с глубинными личностными характеристиками – референтностью и аттракцией».

Еще на одном моменте в связи с этим фактором трехмерной модели хотелось бы заострить внимание. Дело в том, что настойчивое подчеркивание А.В. Петровским, а за ним и Ю.М. Кондратьевым, именно институализированного характера роли как бы жестко ограничивает эвристический потенциал данного теоретического построения рассмотрением отношений значимости лишь в формальных сообществах. И при этом применительно только к взаимоотношениям в рамках официальной, а проще говоря, должностной структуры, где существующая табель о рангах позволяет безошибочно определить фиксированный ролевой статус каждого партнера по взаимодействию и общению.

Осуществленное мной исследование в опоре на трех факторную модель значимого другого позволило определить его культурно-генетические функции. А именно, удалось установить тот, факт, что «значимый другой» определяет формирования для социализирующейся личности подростка *культурный код интерпретации, культурной код рефлексии. Исходя из психологической важности рефлексии в структуре психологического механизма культурогенеза личности подростка, на которую обращал внимание еще Дж.Г.Мид, рассмотрим формирование культурно-генетического кода интерпретации.*

Для Мида же главное в человеческом действии – интерпретация, создание значений, опосредование непосредственных воздействий. Даже жесты партнеров по коммуникации воспринимаются не прямо, а как символы, продукты интерпретации чувственного материала.

Для того чтобы наделять значением каждый момент деятельности, человек снабжен трехчастным психологическим механизмом. Он включает: а) переработанные, нормативные для личности представления о ней других людей; б) спонтанные ответы на социальные воздействия других; в) самость, координирующую предыдущие инстанции.

Этот механизм возникает из коммуникации и ради коммуникации. Партнеры по общению подстраиваются друг к другу, считывают взаимные намерения по жестам, позам, нервно-мускульному гриму лица и, прежде всего, обмениваются словами. Символический код для интерпретации себя и другого может вырабатываться тут же, в совместном общении, но человеческая коммуникация столь сложна, плотна и неустанна, что большую часть значений приходится брать в готовом, обобщенном виде из символического тезауруса культуры. Он складывается из откристаллизовавшегося опыта прошлых взаимодействий и расписан в виде норм группового поведения, довлеющих над спонтанными действиями социальных субъектов. Перед социальной психологией открывается обширнейшая сфера ролевого поведения: ролевых предписаний, ожиданий, согласований, конфликтов, ролевой компоновки структуры группы, индивидуальных принятий и отвержений ролей и т. д. Метафору «весь мир театр, а люди в нем актеры» символический интеракционизм проработал столь основательно, что, по мнению Т. Шибутани, стал ролевой теорией. Следует, однако, помнить, что ролевая драматургия повседневной жизни (ее описал Э. Гоффман) не просто факт социальной структурированности взаимодействия в группе, но, в соответствии с теоретическими интуициями Мида, выход интерпретационной активности личности, ее склонности наделять окружение значениями и, таким образом, персонализировать себя.

Интеракционизм определяет для психологической теории культурогенеза личности социально-функциональную модель личности.

Такой моделью становится «Человек ролевой». «Человек ролевой»- носитель исполнитель социальных ролей. Человек учиться их исполнять,- как отмечает П.Н. Шихарев, – включаясь с момента рождения в социальную коммуникативную сеть, в процессе взаимодействия, отличающего человека от животных тем, что оно опосредованно использованием символов и предполагает их интерпретацию участниками взаимодействия.

Модель личности – «Человек ролевой» предполагает выдвижение в качестве психологического механизма социального функционирования – ролевую игру. А это дает нам основание рассматривать в качестве критерия полноценно функционирующей личности такие характеристики как: спонтанность; социальная пластичность; социальная компетентность; креативность.

Работа с понятиями «Человек ролевой» и «ролевая игра» дают основание перейти к рассмотрению психологического механизма культурогенеза с позиции теории ролей. Тем более такой опыт в мировой психопатологии уже имеется. Достаточно назвать монографию Г. Лейтиц. Г.Лейтиц вводит понятие

«синдромы ролевого дефицита», которые подразделяются на первичный ролевой дефицит, при нарушениях генетической предрасположенности, при задержке развития; и вторичный ролевой дефицит при патологической атрофии ролей.

Ролевой дефицит рассматривается нами как результат дефицитной патологии социализации, как следствие социализации в условиях *социоэмоционального дефицита* развития при патологии взаимодействия. Это позволяет нам рассматривать ролевые дефициты личности по отношению к коммуникативным дефицитам развития, в качестве второго уровня дефицитной патологии развития. Третьим уровнем дефицитной патологии развития являются ролевые конфликты личности в реальном пространстве её социального функционирования. При этом отметим, что роль является психологическим механизмом социального функционирования личности.

Ролевые конфликты в современной психопатологической литературе подразделяются на:

- интра-ролевой;
- интер-ролевой;
- интер-персональный ролевой;
- интра-персональный.

Теория ролей представляет для исследования проблем психологической деформации личности возможность осуществления как бы внешнего выражения интра-психических проблем социализации.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕСТРУКЦИИ ИНТЕРАКТИВНОГО МЕХАНИЗМА ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОДИНАМИКИ ДЕФИЦИТАРНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Интерактивный механизм экзистенциальной психодинамики социализации призван раскрыть процессуальные аспекты *интерактивной модели культурогенеза личности подростка*. *Интерактивный механизм экзистенциальной психодинамики культурогенеза личности подростка*, который бы вскрывал динамику социализации в интерактивных системах развития, в ни в отечественной, ни в зарубежной психологической литературе не разработан. Необходимость в разработке такого механизма обусловлена, прежде всего, тем, что должен предоставить возможность исследовать процессуальную динамику социализации, а значит, он должен соответствовать общепсихологическому принципу развития, который изложен в интерпретации Дж. Баттервота и М.Харриса.

В процессе разработки методологии исследования дефицитной деформации личности, путем интеграции четырех теоретических концепций, а именно:

- эпигенетической теории социализации Э. Эриксона,
- социально-психологической теории социализации А. В. Петровского,
- теории социокультурной детерминации развития психики Л.С. Выготского,
- теории ролевого социализации Дж. Морено, была теоретически разработана гносеологическая модель интерактивного механизма экзистенциальной психодинамики социализации подростка.

Выбор этих теоретических концепций социализации определен нами с позиции интеракционизма, положенного в основание гносеологической модели социализации подростка. На основе объединения этих теорий и формируется модель интерактивного механизма экзистенциальной психодинамики развития личности, которая становится основой для понимания детерминант психологической деформации личности подростка.

Объединение концепции социализации Э. Эриксона с концепцией Л.С. Выготского и социально-психологической концепцией А.В. Петровского с теорией социализации Дж. Моренно, дает возможность представить модель интерактивного механизма экзистенциальной психодинамики социализации. Как развитие личности, и, как интегративный трехуровневый, системно –

функциональный процесс, психологический механизм которого представлен в работах Р. Мертона.

Интеграция эпигенетической, социокультурной, социально – психологической концепций с интеракционистской концепцией социализации создают методологическое основание для исследования взаимовлияния динамики психотехнических систем культуры, регулирующих процессы социальной типизации личности и психологической динамики социализации, реализующей экзистенциальную мотивацию развития.

Интерактивный механизм экзистенциальной психодинамики социализации подростка дает возможность интегрировать воедино три линии развития и психологический механизм их реализации. Представить, как онтогенетическую вертикаль (возрастная периодизация развития личности подростка Д.Б.Эльконина), так и онтогенетическую горизонталь (ситуативная периодизация социализации А.В.Петровского) с кризисной периодизацией развития Э. Эриксона. Динамическая актуализация мотивирующих смыслов социализации подростка на каждом из периодов развития создает основы экзистенциальных противоречий горизонтальной, вертикальной и кризисной линий развития. Характер и своеобразие этих противоречий, которые формируют энергетический источник интерактивного механизма экзистенциальной психодинамики социализации подростка, определяет аутогенную форму дефицитной деформации.

Понятие аутогенная форма психологической деформации личности подростка введено нами для того, чтобы подчеркнуть субъект-центрированный подход в оценке детерминант деформации как доминирующий в методологии исследования.

Эпигенетическая теория социализации дает основные психологические характеристики динамического процесса социализации по вертикали – рассматривая развитие как решение экзистенциальных задач личностного самоопределения в условиях кризиса идентичности.

Социально-психологическая теория развития А.В.Петровского представляет горизонтальную линию социализации в рамках конкретной социальной ситуации, что обуславливает выдвижение на первый план ситуативных задач социализации развития подростка.

Интеракционистская теория социализации Дж. Морено характеризует интер-субъектную линию социализации как единство социоэмоционального (коммуникативная компетентность) и ролевого (интерактивная компетентность).

Социо-культурная детерминация социализации, отраженная в «основном генетическом законе культурного развития психики» демонстрирует психологический механизм развития – интерактивный механизм социализации подростка. Интеракция в таком представлении экзистенциальной психодинамики социализации подростка определяется как сосредоточение всех линий социализации.

Интеракция обеспечивает координацию и субординацию основных линий социализации подростка, так, как её развертывание обусловлено рамками психотехнической системы культуры, в рамках которой она реализуется.

Психотехническая система культуры выполняет, по отношению к социализирующейся личности подростка, функцию социальной регуляции процессов индивидуализации. Социально-мотивирующей основой функционирования психотехнических систем культуры является типизация личности. А экзистенциальным мотивом социализации подростка, как уже было отмечено нами, является индивидуализация. Интеракция как психологический механизм социализации подростка обеспечивает динамическое равновесие этих двух, находящихся в противоречии мотиваций. Именно мотивационное противоречие функционирования психотехнических систем культуры и социализирующейся личности создает глобальное основание экзистенциальной психодинамики развития.

Таким образом, экзистенциальная психодинамика социализации подростка детерминирована двумя уровнями мотивационных противоречий: первый уровень – это глобальное мотивационное противоречие развитие личности и, второй уровень – это мотивационное противоречие между линиями социализации подростка.

Если глобальное мотивационное противоречие социализации в той или иной мере нашло свое научное объяснение, как в отечественной социальной философии (Л.П.Будева, М.С.Каган), так в и зарубежной культурно-ориентированной теории психоанализа (Э.Фромм, К.М.Клакхон, Д.Фернандес), то мотивационное противоречие социализации подростка в качестве предмета психологического исследования, выдвигается впервые.

Исследование мотивационного противоречия линий социализации подростка не только дает возможность раскрыть интерактивный механизм экзистенциальной психодинамики, но и понять культурно-генетические основы формирования личностного Я.

По мнению Э. Эриксона, основы человеческого «Я» коренятся в социальной организации общества. Здесь его подход весьма близко приближается к ин-

теракианизму, в интерпретации Т. Шибутани, где общества рассматривается как глобальная интерактивная система. По этому, можно утверждать, что теория социализации Э. Эриксона – это теория многоуровневой интерактивной системы формирования эго идентичности.

Эго идентичность формируется параллельно с групповой идентичностью и создает у субъекта чувство устойчивости и непрерывности своего «Я», несмотря на те изменения, которые происходят с человеком в процессе его роста и развития.

Формирование эго идентичности или, иначе говоря, целостности личности продолжается на протяжении всей жизни человека и проходит ряд стадий, причем, стадии развития, обоснованные З. Фрейдом не отвергаются Э. Эриксоном, а усложняются и как бы заново осмысливаются с позиции нового концептуального, психосоциального подхода. Психосоциальный подход позволяет Э. Эриксону *обосновать в качестве движущей силы социализации процесс непрерывного решения задач своего социального функционирования.*

Эта концептуальная идея находит свое подтверждение в исследовании дефицита психической активности, которое осуществил Н.С.Курек. Согласно материалам исследования Н.С.Курека психосоциальный подход к развитию личности Э. Эриксона можно рассматривать как динамическую цепь проблемно формирующих ситуаций и их решения, в результате которого и образуются потенциальные возможности «Я»: адаптивные; защитные; интегративные. Н.С.Куреком выявлены три основных дефицитных нарушения, которые автор предлагает рассматривать в качестве трех основных признаков нарушения адаптивной функции «Я».

Развернутая автором характеристика этих признаков: дефицит целеполагания и целедостижения; дефицит целеполагающей и целедостигающей интенции; дефицит переживания как связующее звено между целеполаганием и целедостижением, показывает, что наличие дефицита психической активности, которое может быть сформировано, как результат патологии семейного общения может привести к ненормативности или даже отклонению в развитии личности. Дефицит психической активности делает невозможным целеполагание и целедостижение как задач психосоциального развития на каждой стадии жизненного цикла личности.

Для каждой стадии жизненного цикла характерна специфическая задача, которая выдвигается обществом. Общество определяет также содержание развития на разных этапах жизненного цикла. Однако решение задачи, согласно Э. Эриксону, зависит как от уже достигнутого уровня психосоциального социали-

зации, так и от общей духовной атмосферы общества, в котором эта личность живет. Уровень социализации определяется состоянием её психологических потенциалов, которые и определяют возможности решения актуальных задач своего развития и практическую реализацию экзистенциальной мотивации развития.

В подростковом и раннем юношеском возрасте появляется задача первого цельного осознания себя и своего места в мире; отрицательный полюс в решении этой задачи – неуверенность в понимании собственного «Я» («диффузия идентичности»).

Решение каждой из этих задач, по Э. Эриксону, сводится к установлению определенного динамического отношения между двумя крайними полюсами.

Развитие личности – результат борьбы крайних возможностей, которая, не затухает при переходе на следующую стадию развития. Эта борьба на новой стадии развития подавляется решением новой, более актуальной задачи, но незавершенность дает о себе знать в периоды жизненных неудач.

Достижимое на каждой стадии равновесие знаменует собой приобретение новой формы эго идентичности и открывает возможность включения субъекта в более широкое социальное окружение.

В процессе социализации «негативные» чувства всегда существуют и служат динамическими антиподами «позитивных» чувств на протяжении всего развивающего социального функционирования личности.

Переход от одной формы эго идентичности к другой вызывает кризисы идентичности.

Кризисы, по Э. Эриксону, – это не болезнь личности, не проявление невротического расстройства, а «поворотные пункты», «моменты выбора между прогрессом и регрессом, интеграцией и задержкой».

Подростковый возраст – наиболее важный период развития, на который приходится основной кризис идентичности. За ним следует либо обретение «взрослой идентичности», либо задержка в развитии, то есть «диффузия идентичности».

Интервал между подростком и взрослым состоянием, когда молодой человек стремится (путем проб и ошибок) найти свое место в обществе, Э. Эриксон назвал «психическим мораторием».

Острота этого кризиса зависит как от степени решения более ранних кризисов (доверия, независимости, активности и др.), так и от всей духовной атмосферы общества. Не преодоленный кризис ведет к состоянию острой диффузии идентичности, составляет основу социальной патологии юношеского возраста.

Синдром патологии идентичности по Э. Эриксону: регрессия к инфантильному уровню и желание как можно дольше отсрочить обретение взрослого статуса; смутное, но устойчивое состояние тревоги; чувство изоляции и опустошенности; постоянное пребывание в состоянии чего-то такого, что сможет изменить жизнь; страх перед личным общением и неспособность эмоционально воздействовать на лиц другого пола; враждебность и презрение ко всем признанным общественным ролям, вплоть до мужских и женских; презрение ко всему национальному и иррациональное предпочтение всего иностранного (по принципу «хорошо там, где нас нет»).

В крайних случаях имеет место поиск негативной идентичности, стремление «стать ничем» как единственный способ самоутверждения. Признаки, описанные Э. Эриксонем для синдрома патологии идентичности, мы отмечаем у подростков – алкоголиков и наркоманов.

В исследовании отечественного психопатолога Б.С. Положего выделяются четыре варианта кризиса идентичности: аномический, диссоциальный, негативистский и магический.

Под анемическим вариантом кризиса идентичности понимается поведение людей, характеризующееся утратой жизненного тонуса, прежних интересов, снижением активности и целеустремленности, своеобразной аутизацией, доминированием тревожно-депрессивного фона настроения, неверием в собственные силы, ощущением своей мало значимости, неспособности противостоять коллизиям судьбы.

Диссоциальный вариант кризиса идентичности выражается такими свойствами, как: стремление к агрессивному поведению по отношению к лицам, высказывающим несоответствующую с их точку зрения, абсолютная нетерпимость к окружающим, доминирование угрюмо-злобного аффекта, сочетающееся с легкой внушаемостью.

Негативистский вариант кризиса идентичности проявляется, в первую очередь, упрямством, нарочитым недовольством всеми и вся, скептически-пессимистической оценкой происходящего, уклонением от любой активности по декларируемой причине безрезультатности какой-либо деятельности.

В магический вариант кризиса идентичности входят такие поведенческие проявления как: бурный всплеск интереса ко всему необъяснимому, иррациональному, мистическому, переключение всей деятельности (даже в ущерб себе и близким) на активность в сфере поиска истины, разгадки тайн бытия.

Если кризис идентичности является нормативным явлением для социализирующейся личности подростка, то патология идентичности, которая выявляе-

на нами в процессе исследования, характеризуется как психосоциальный синдром (по Э. Эриксону). Характерными признаками этого синдрома у социализирующейся личности подростка являются: неудовлетворенность, тревога, опустошенность, страх, изолированность.

Патология идентичности определяется нами как психологическая платформа образования отчужденности подростка.

Исследования психологической отчужденности многочисленны и разнообразны, но весьма разноречивы. Так, согласно психоаналитической концепции З. Фрейда, отчужденность следует рассматривать как противостоящий идентификации механизм развития индивида.

Возникающие при этом соперничество и агрессия и есть не что иное, как реализация психологического отчуждения.

Фрейдисты же указывают на актуализацию проявлений отчужденности в подростковом возрасте. Они связывают этот факт с возникновением противоречий между стремлением подростка к автономии (эмансипации) и к зависимости в своих ценностях и стандартах от других. Механизм возникновения отчужденности в понимании фрейдистов следующий: для того чтобы поддерживать свою автономию, подросток должен чувствовать себя всемогущим, всеведущим и прибегать к идеализации самого себя.

Идеализация самого себя проявляется в потребности к самоусовершенствованию. Однако если стремления к удовлетворению внутренних потребностей не реализованы или не оправдываются, то у подростка часто возникают чувства личного крушения, депрессии, ненависти и презрения.

Согласно социально-биологической точке зрения, обособление человека имеет инстинктивную природу (К. Лоренц). В рамках данного подхода как функции самосохранения индивида принято рассматривать агрессию и нарциссизм. Кроме того, с этой точки зрения и жажда денег, и стремление к доминированию, захвату и эксплуатации других имеют инстинктивную природу. Данные потребности личности являются, по мнению представителей социально-биологического направления, основаниями для возникновения стратегии поведения, направленной на отчуждение.

Экзистенциализм пользуется понятием отчуждения для объяснения социализации и способа человеческого бытия. Е. Тауб и К. Кенистон указывают на то, что в подростковом возрасте отчуждение выражается в бунте, попытке трансформировать то, что отвергнуто, и в попытке к трансформации самого себя.

В юношеском возрасте человеческая личность в понимании экзистенциализма предстает как активно противоборствующая с другими индивидами. Коллективизм понимается как условие развития конформного индивида, ничемной социальной единицы. Таким образом, отчужденность трактуется как необходимое условие формирования личности.

В отечественной психологии до недавнего времени выделялась не проблема отчужденности, а проблема обособления. Соответственно личность рассматривалась с позиций присвоения ею материальной и духовной культуры, накопленной человечеством в ходе исторического развития (уподобление одного индивида другому), а также с позиций сохранения, отстаивания присвоенной духовной культуры (обособление индивида от других людей).

Идея употребления нашла свое развитие в теориях, объясняющих развитие через «присвоение» материальной и духовной культуры, созданной человечеством (С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и их многочисленные ученики). В то же время уподобление рассматривается как механизм подражания, заражения (Б. Ф. Поршнев) или идентификации (В. С. Мухина).

Подростковый возраст характеризуется в связи с выделяемыми механизмами как этап совершенствования способности к идентификации и обособлению. Посредством идентификации в этот период происходит активное усвоение ценностных ориентации общества, формируется мировоззрение, посредством же обособления подросток отстаивает – защищает – свое «Я».

В юношеском возрасте, по мнению автора, проявляет себя развивающийся с детских лет уровень «второго рождения» личности. Истинная личность ориентируется на свое мировоззрение и активно действует, переживает, радуется и т. д. и обособляется от других, отстаивает, отчуждается, если те противоречат ее ценностным ориентациям.

В. С. Мухина подчеркивает, что естественная форма обособленности заканчивается отчуждением в крайних случаях как депривация личности.

Подход О.Б. Долгиновой, который мы разделяем, к трактовке понятия «отчужденность» основан на предположении о том, что любое влияние внешних обстоятельств-факторов на личность выражается в продукте психического отражения на эмоциональном, когнитивном и психосоциальном уровнях. Поэтому важным является представление трех измерений отчужденности: аффективного, когнитивного и психосоциального, которые решают проблему установления актуальности отчужденности на различных уровнях, а также дают возможность предпринять действия, направленные на снижение деструктивно-

го влияния психологической отчужденности. Характеристики же отчужденности на рассматриваемых трех уровнях можно представить следующим образом:

1) отчужденность на эмоциональном уровне трактуется как проявление неспособности к привязанности и любви, холодности, отсутствие эмоциональной связи с другими людьми, отвержение себя и других,

2) отчужденность на когнитивном уровне есть проявление отсутствия общности гностических интересов, безразличие или отрицательная оценка когнитивной деятельности личности,

3) отчужденность на психосоциальном уровне есть *результат психосоциальной изоляции*.

Можно утверждать, что внутренняя, психологическая отчужденность подростков является результатом нарушения интерактивной системы социализации, которое выражается в дефектности социальных и психологических связей (результатом внешней отчужденности). Внешняя отчужденность может проявляться как со стороны общества в целом, так и со стороны ближайшего окружения.

Патогенный характер отчуждения социализирующейся личности подростка может быть определен в терминах экзистенциальной фрустрации и ноогенного невроза. Что наиболее потрясает в анализе результирующих индикаторов синдрома патологии идентичности – это утрата способности любить другого человека. Влюбленность, возникающая в этом возрасте, по мнению Э. Эриксона, первоначально не носит сексуального характера. «В значительной степени юношеская влюбленность есть попытка прийти к определению собственной идентичности путем проекции собственного первоначально не отчетливого образа на кого-то другого и лицезрения его уже в отраженном и проясненном виде,— считает Э. Эриксон. – Вот почему проявление юношеской влюбленности во многом сводится к разговорам»,— писал он. По логике социализации молодым людям присущи избирательность в общении и жестокость по отношению ко всем «чужакам», отличающимися социальным происхождением, вкусами или способностями. «Часто специальные детали костюма или особые жесты временно избираются в качестве знаков, помогающих отличать «своего» от «чужака»... такая нетерпимость является защитой для чувства собственной идентичности от обезличивания и смешения»,— писал он.

Становление эго-идентичности позволяет молодому человеку перейти на шестую стадию развития, содержание которой – поиск спутника жизни, желание тесного сотрудничества с другими, стремление к близким дружеским связям с членами своей социальной группы. Молодой человек не боится теперь

утраты своего «Я» и обезличивания. Достижения предыдущей стадии позволяют ему, как пишет Э. Эриксон, с готовностью и желанием смешивать свою идентичность с другими. Основой стремления к сближению с окружающими служит полное овладение главными модальностями поведения.

Теория эпигенеза Э. Эриксона характеризуется следующими подходами, которые необходимо отметить для оценки её значимости в обосновании интерактивного механизма экзистенциальной психодинамики социализации подростка:

1. Социальный подход. Эриксон считает юношеское развитие очень сильно зависящим от социального окружения, что отражается, например, в понятии «психосоциального моратория», представляющего собой пространство для экспериментирования, гарантируемое обществом молодому человеку.

2. Генетический подход. В период взросления закономерно наступает «нормативный кризис», который, хотя его и нельзя считать аномалией, ведет к развитию отклонений, граничащих с психопатологией или, во всяком случае, переживаемых очень болезненно. Подобные кризисы возникают вследствие того, что перед взрослеющими людьми встает множество задач (физическое созревание, усвоение роли взрослого, выбор профессии, партнера и т. д.), крайне затрудняющих собственную идентификацию.

3. Культурологический подход. Чтобы взрослеющий человек мог справиться со всеми этими проблемами, существует одобренный обществом психосоциальный мораторий (т. е. период отсрочки), в течение которого ему позволено опробовать свои будущие роли и задачи взрослою. При этом допускаются утрированные реакции, нонконформистское поведение и отклонения в развитии. Психосоциальный мораторий служит своего рода промежуточным состоянием между детским и взрослым возрастом, в рамках которого сначала в игровой форме и затем в виде приспособления к требованиям коллектива опробуются крайности субъективных переживаний, альтернативы идеологических направлений и более реалистические обязанности.

4. Психологический подход. Центральная тема индивидуального существования – постоянное стремление к собственной идентичности и к ее сохранению. Эту идентичность, особенно важную в период взросления, Эриксон выводит из психоаналитических посылок и подчеркивает, что идентичность, которая в конце детства становится важнейшим противовесом потенциально вредному господству детского «Сверх-Я», позволяет индивиду освободиться от чрезмерного самоосуждения и диффузной ненависти к инородному. Эта свобо-

да – одна из предпосылок, позволяющая «Я» интегрировать зрелую сексуальность, новые физические силы и задачи взрослого человека.

5. Психодинамический подход. Ход и ступени развития идентичности. Э. Эриксон разделил развитие идентичности на фазы или ступени в рамках, так называемых, эпигенетических диаграмм. Как следует из них, индивид переживает в ходе развития своей идентичности.

В единстве этих подходов предстает эпигенетическая теория социализации, в которой сам процесс развития уже определялся с позиции двух детерминаций индивидуально – психологической и социокультурной.

Если внимательно еще раз просмотреть динамику социализации по Э. Эриксону, в интерпретации Л.Ф. Обуховой, а также сравнить с описанием этой динамики у других отечественных и зарубежных авторов, то очевидно что *источником целостной социализации становится динамический конфликт между индивидуально – психологической и социокультурной детерминациями социального функционирования.*

Кризис в таком случае рассматривается нами как источник социализации, ибо он обостряет конфликт и ведет к смене «ситуации социальной социализации».

Л.И. Анцыферова справедливо подчеркивает, что основным способом бытия личности является развитие, которое выражает основную потребность человека как универсального родового существа: постоянно выходить за свои пределы, достигать возможной полноты воплощения в индивидуальной форме своей родовой сущности. Личность постоянно экстраполирует себя в свое будущее, а свое отдаленное будущее проецирует на свое настоящее. Желание своего будущего и есть желание развития. Будущее существует в личности как направленность ее развития и переживается человеком в виде страстного стремления к своим целям и идеалам, как желание выразить себя в определенной деятельности, как тяга к обогащению ценностно-смыслового пространства собственной жизни оценочными позициями и уникальными взглядами на мир других людей. Сфера истинного бытия человека как личности – это сфера его выхода за пределы себя.

По мере становления личности растет целостность, интегрированность ее психологической организации, усиливается взаимосвязь различных свойств и характеристик, накапливаются новые потенции развития. Происходит расширение и, главное, углубление связей личности с окружающим миром, обществом, другими людьми.

Именно такое углубление, растущая сложность и системность ценностно-смысловых отношений человека к миру, реализующихся в его созидательной деятельности, общении, активном созерцании, эстетическом переживании, – один из важных критериев прогрессивного социализации. Но развитие личности, в каком бы направлении оно ни шло, – это не то, что с личностью «случается»: *личность – это субъект своего собственного развития*, постоянно находящийся в поиске и построении тех видов деятельного отношения к миру, в которых могут полнее всего проявиться и развиться уникальные потенции конкретного индивида.

Личность развивается, формируясь. В психологии под формированием обычно понимается совокупность приемов и способов социального воздействия на индивида, имеющих целью создать у него систему определенных социальных ценностей, мировоззрение, концепцию жизни, воспитать социально-психологические качества и определенный склад мышления. Однако понятие формирования не исчерпывается этим содержанием, оно подразумевает также процесс образования под влиянием различных социальных воздействий особого типа системных отношений внутри целостной психологической организации личности.

Иначе говоря, личность, развиваясь, принимает определенную форму. Определенный способ организации, который может, как всемерно содействовать личности, так и тормозить его.

«Формообразование» личности, адекватное или неадекватное для ее полноценного развития, начинается в раннем детстве. Именно начальные годы жизни закладываются психологические основы важнейших отношений личности к окружающему социальному миру («к другому») и к самой себе, создаются психологические предпосылки социального и гуманистически ориентированного способа решения все усложняющихся общественно детерминированных задач.

Как это убедительно и на большом эмпирическом материале показано Л. Б. Филоновым, появление незаметных, но опасных психологических новообразований, гипертрофия некоторых психологических черт, создают в ранний период жизни предпосылки дефицитной деформации личности. Возникнув как способ ответа ребенка на неблагоприятные социальные воздействия, эти психологические новообразования постепенно обретают собственную логику развития. Их становление продолжается и при отсутствии некогда вызвавших их условий. Более того, личность сама начинает создавать среду, способствующую

доминированию отрицательных качеств в личностной системе и дальнейшему искажению «формы» личности.

Здесь необходимо подчеркнуть: деформирующие «форму личности» новообразования возникают как ответ на воздействие социокультурной среды – ситуации социального развития. И как деформирующее влияние среды прекращается, а развитие деформированной формы личности согласно своей внутренней эволюционной логике нуждается в наличии такой среды, то личность сама создает для себя среду, ведущую её к дальнейшему усилению деформации формы личности.

Процесс становления личности можно представить себе как развертывание целостной органической системы, в которой каждая часть предполагает каждую иную и порождается целостной системой. Такой подход положен в основу эпигенетической теории социализации как целостной психосоциальной системы.

Развитие личности в процессе решения задач, определяющих прогрессивную динамику этого процесса, не всегда приводит к формированию адаптивности. Заметим, адаптивность в данном случае определяется нами в контексте идей К.А.Абульхановой-Славской, – как черта личности и как один из регуляторов её социального функционирования.

Ситуационно неадекватные диспозиции, как субъекта развития, так и взаимодействующего с ним «значимого другого», создают индукцию для отклонения социализации.

Понятие «значимый другой» введенное в психологический лексикон Г.Салливаном, в отечественной психологической литературе на уровне психотехнического подхода обстоятельно разработано А.А.Кроник и Е.А. Кроник.

Понятийно-терминологический аспект характеристики «значимого другого» разработан М.Ю. Кондратьевым.

Обращение к характеристикам «значимого другого» представляет интерес для разработанной нами интерактивного механизма экзистенциональной психодинамики социализации подростка, ибо все дальнейшие рассуждения по этому поводу основаны на представлении о личности как субъекте межличностных отношений, представляющем собой единство трех ипостасей собственно личности:

- личность как совокупность только ей присущих качеств;
- личность как субъект социальных отношений;
- личность как значимый другой для людей, находящихся с ней в отношениях.

С позиции интеракционизма развитие личности может быть представлено как процесс вхождения человека каждый раз в новые коммуникативные ситуации и интеграции в них. В этом случае экзистенциальная психодинамика социализации определяется характером отношений личности в коммуникативной ситуации. Психологическую модель социального социализации, предложенную А.В. Петровским, можно использовать для объяснения характера отношений личности в коммуникативной ситуации её развития. Согласно А.В. Петровскому, становление личности, её развитие в коммуникативной ситуации связано с тремя фазами: адаптации; индивидуализации; интеграции.

Адаптация, индивидуализация, интеграция представляют собой систему вертикальных механизмов экзистенциальной психодинамики социализации.

Адаптация как психологический механизм социализации предполагает усвоение реальных норм межличностного взаимодействия в коммуникативной ситуации. Психологический механизм идентификации (горизонтального механизма экзистенциальной психодинамики социализации) в данном случае играет роль стабилизатора интерактивности личности в процессе её взаимодействия в конкретной коммуникативной ситуации.

Индивидуализация как психологический механизм социализации срабатывает в ответ на возникшее противоречие адаптированной личности с конкретной коммуникативной ситуацией своего развития. Противоречие актуализирует потребность индивидуализации, человек начинает искать способы и средства презентации своей индивидуальности, для трансляции её в группе.

Интеграция как психологический механизм социализации срабатывает за счет введение в действие аутопсихотехники трансформации системы диспозиционной регуляции в соответствии с групповыми нормами взаимодействия и личностной ориентацией (по Э. Фромму).

Горизонтальная (по А.В. Петровскому) и вертикальная (по Э. Эриксону) модели экзистенциального механизма психодинамики социализации раскрывают суть интерактивной модели социализации подростка во взаимодействии с социокультурной ситуацией своего социального функционирования.

Дело в том, что развитие личности – это процесс непрерывного социального функционирования.

Функциональные аспекты механизма экзистенциальной психодинамики социализации представляют работы Дж. Моренно и его последователей.

Согласно Дж. Моренно развитие личности предполагает социоэмоциональное и ролевое развитие. Мы же добавляем – и формирование социальной

компетентности, причем, имея в виду, прежде всего социокогнитивный уровень социальной компетентности личности.

Если социоэмоциональное развитие по Дж. Моренно предполагает, прежде всего, развитие коммуникативной компетентности и коммуникативных аутопсихотехники личности, то ролевое развитие – это освоение психологических технологий интериоризации ролей и экстернализации личности в роли.

В совокупности социоэмоциональное, ролевое и социокогнитивное развитие обеспечивают для личности возможность овладения экзистенциальным механизмом своего бытия. Таким механизмом является роль. Грете Лейтиц, одна из учениц и последовательниц Дж. Морено, обстоятельно раскрывает теорию социализации в интерпретации Дж. Моренно в своей книге «Психодрама. Теория и практика. Классическая Психодрама Дж. Л. Морено».

Таким образом, раскрыв механизм экзистенциальной психодинамики социализации, мы можем перейти к характеристике нашей интерактивной модели психологического механизма социализации подростка как базовой единицы психологического исследования генезиса, феноменологии и типологии психологической деформации личности подростка.

Интерактивная модель психологического механизма социализации подростка представляет собой единство и взаимосвязь элементов характеризующих механизм экзистенциальной психодинамики развития: вертикальной линии развития, в которой основным механизмом является идентификация; горизонтальной линии развития – основные психологические механизмы которой – адаптация, индивидуализация, интеграция; организационной – основной механизм – взаимодействие; функциональной – основным механизмом которой является ролевое научение в социально – игровом взаимодействии.

Интерактивный механизм экзистенциальной психодинамики социализации подростка, реализуемая в конкретной коммуникативной ситуации, прямо или косвенно связана с другими моделями, реализуемыми в иных коммуникативных ситуациях социализации подростка. Это означает, что экзистенциальная психодинамика социализации подростка определяется своеобразием интерактивных систем социализации. А эти системы представляют собой интегративную сложность интерактивных моделей социализации подростка.

Среди интерактивных систем социализации, определяющую роль в её становлении играют *интерактивная система семьи, интерактивная система образования, интерактивная система неформальной субкультуры*. А среди этих трех, основных интерактивных систем социализации, главенствующая роль принадлежит *интерактивной системе семьи*.

И. С Кон указывает на то, что практически нет ни одного социального или психологического аспекта поведения подростков и юношей, который не зависел бы от семейных условий в настоящем или прошлом.

Подходы к рассмотрению роли семьи в формировании личности подростка связаны с конкретными аспектами анализа *интерактивного стиля воспитания* (потворствующая гиперпротекция; доминирующая гиперпротекция; ингибция социогенных потребностей социализирующейся личности; эмоциональное отчуждение; интерактивная манипуляция; гипопротекция); *личностно формирующий уровень эмоциональной интеракции* (симбиоз, депривация); *психосоциальные особенности воспитываемых личностей* (лица с аддиктивным поведением, родители, страдающие алкоголизмом и наркоманией, акцентуированные личности и т. д.); *тип психокультуры интерактивной системы социализации* (личностно-ориентированная, личностно центрированная; безличностная).

Нередко тип интерактивной системы семьи связан с формами родительского поведения. И, прежде всего с *интерактивными типами патогенного родительского поведения*. Типами патогенного родительского поведения, по Боулби, являются:

- **А** – оба (один) родителя не удовлетворяют потребности ребенка в любви и полностью отвергают его;
- **В** – ребенок служит в семье средством разрешения супружеских конфликтов;
- **С** – угрозы покинуть семью или «разлюбить» ребенка как дисциплинарные меры;
- **Д** – внушение ребенку, что он своим поведением повинен в разводе, болезни или смерти одного из родителей;
- **Е** – отсутствие в окружении ребенка человека, способного понять его переживания, стать фигурой, замещающей отсутствующего или пренебрегающего своими обязанностями родителя.

Патогенные типы интерактивного поведения родителей создают культурную дефективность интерактивных систем семейного воспитания. Культурно-дефектные интерактивные системы семьи – это, по сути, дисгармоничные семьи. Представим также типы негармоничных семей:

- 1 – распадающаяся семья;
- 2 – неполная семья;
- 3 – ригидная псевдосолидарная семья;
- 4 – распавшаяся семья.

Среди негармоничных семей распадающаяся семья несет в себе самый сильный патогенный заряд. Патогенный заряд интерактивной системы социализации рассматривается в отечественной психологии или с позиции дефектологии, или с позиции психопатологии. Этим и объясняется доминирование в отечественной психологии стремление рассматривать всякое проявление отклонения социализации с биогенетических, а точнее с психопатологических позиций. Доминирование психопатологической позиции в исследовании отклонений, не нормативности или девиации развития, определило нозос-центрический подход в трактовке проблем, формирующих детерминант развития.

Наш подход основан на **методологии психологического интеракционизма**, который позволяет связать в единый исследовательский узел проблемы психодинамики социализирующейся личности и проблемы социодинамики культуры социальных ситуаций социализации.

А это значит, что в нем *интегрированы принцип развития и принцип социокультурной детерминации развития*. Это определяет теоретическую концепцию интерактивного механизма экзистенциальной психодинамики социализации, на основе которой исследуется феномен психологической деформации личности.

Она рассматривает развитие личности через призму психологического исследования интерактивных систем. Опыт исследований психологов интерактивного направления позволяет представить следующие интерактивные системы социализации.

1. Интерактивная система «Ребенок – предмет» как коммуникативная ситуация социализации рассматривается в теории трех ступеней К.Бюлера; теории рекапитуляции Ст. Холла; теории конвергенции двух факторов В.Штерна; операциональной теории интеллекта Ж.Пиаже; структурной психологии К. Коффки; педагогической концепции бихевиоризма Дж. Уотсона и Э.Торндайка; в психологической теории нормативного подхода к развитию личности А.Гезелла и Л.Термена.

2. Интерактивная система «Ребенок-взрослый» как коммуникативная ситуация социализации наиболее разработана в английской школе детского психоанализа М.Клейн; венской школе детского психоанализа А.Фрейд; теории и практике психоанализа З.Фрейда; сравнительной генетической психологии А.Валлона.

3. Интерактивная система «Ребенок – общество» как коммуникативная ситуация социализации представлена в исторической психологии детства Ф. Ариеса; этнопсихологических исследованиях детства М. Мид; эпигенетической

теории психосоциальной социализации Э. Эриксона; теории социального научения А. Бандуры; Женевской школы генетической психологии; французской школы генетической психологии и в работах по нормативному исследованию психического социализации.

В своих исследованиях социализации я использую иную интерактивную модель социализации. Если в рассмотренных выше системных моделях социализации ребенок представляется или с предметом деятельности, или субъектом взаимодействия, то моих исследованиях модель интерактивной системы социализации включает как минимум три компонента. Наличие трех субъектов в интерактивной системе социализации, определяется мной как *интерактивная триада развития*. Вот как выглядят её базовые модификации:

- 1.Интерактивная модель семейного социализации: отец-ребенок-мать;
- 2.Интерактивная модель школьного социализации: учитель-ребенок-семья;
- 3.Интерактивная модель культурного социализации: семья – ребенок-культура;
- 4.Интерактивная модель социального социализации: социум –ребенок – семья.

Психологическая деформация личности подростка как транзитная форма социализации детерминируется с одной стороны, дефектами интерактивной системы социализации, с другой – дефицитами, которые порождаются культурной дефективностью интерактивной системы социализации.

Хотя я отдаю себе отчет, о том, что в мировой психологической практике опыт интеракционистского исследования проблем социализации в семье и школе накоплен достаточно, однако, считаю необходимым обратиться именно к методологии интеракционизма как методологии, позволяющей вскрыть *интерактивную природу культурных дефектов социализации*. Это даст возможность преодолеть хроническую идеализацию конструктивной роли семьи и школы в формировании личности.

Определенная идеализация, а точнее абсолютизация только позитивных функций семьи и школы, сдерживали использование интеракционистских подходов к обоснованию патогенных и деформирующих личность факторов семейной и школьной интеракции. Идеализация обосновывалась необходимостью сохранения стабильности семьи как главного гаранта социализации. Но изменение социокультурной ситуации развития российского общества, изменила приоритеты в оценке социальных функций семьи по отношению к социализирующейся личности.

Для общества сегодня важным является не только сам факт стабильности семейного социализации, но и *качество внутрисемейных отношений*, последствия их нарушения. Вот почему необходим принципиально новый психологический подход к исследованию качества внутрисемейных отношений как *условия интра-субъектного и интер-субъектного социализации*.

Семейная система интеракции стала предметом психологического исследования сравнительно недавно, причем в поле зрения оказались, прежде всего, *нарушенные семейные отношения*. Я их определяю термином – **интерактивный дефект семейной социализации личности**.

Опора на исследовательский подход Г. Салливана побудила нас выбрать в качестве единицы исследования психологической деформации личности подростка как проблемы психологии развития, не личность, а интерактивные системы развития: семью, школу, субкультуру, социум.

Психологическое исследование интерактивной системы социализации предполагает исследование:

- интер-психического функционирования личностного Я;
- интрапсихического функционирования Я;
- межличностной интеракции как культуроформирующего механизма личностного Я.

При этом для нас в исследовании интерактивных систем социализации представляют интерес материалы, характеризующие интер-психическое и интра-психическое функционирование Я, и развивающихся личностей и личностей их развивающих.

Семья как интерактивная система социализации в психологии развития опять же выдвигается впервые, по этому, в центр исследования выдвигаются феномены, возникающие в межличностных ситуациях. Одним из этих феноменов является интерактивный дефект социализации как следствие культурной дефективности интерактивной системы семьи.

Культурная дефективность интерактивной системы семьи может быть раскрыта через категорию «нарушенные отношения».

Нарушение отношений в семье все чаще становится предметом психологического и психопатологического изучения и коррекции. Имеющиеся различия в понимании сущности этих нарушений представителями разных направлений не затушевывают общего для них разрыва между психологическим и макросоциальным уровнями исследования, что проявляется в рассмотрении брака и семьи как относительно автономных явлений в отрыве от социального контекста.

В западной социальной психологии основным предметом изучения являются аффективные связи между членами семьи. Акцент при этом делается либо на детско-родительские, либо на супружеские отношения, а нарушения фиксируются преимущественно на уровне личности (невротические расстройства, социальная дезадаптация и т. п.).

Так, Х. Шульц-Хенке обращается к невротическим нарушениям развития и выделяет в этой связи виды влияния родителей на ребенка. Все травматические влияния родителей он характеризует как «тормозящие» и рассматривает «заторможенность» высшей степени как синоним невроза. К тормозящим и травмирующим факторам он относит твердость и изнеживание в обращении родителей с детьми, приближаясь в этом к точке зрения А. Адлера.

В психоаналитической традиции выполнено исследование аффективных взаимоотношений между родителями и детьми Х.Е.Рихтером.

В качестве главных объяснительных категорий Х. Е. Рихтер использует психоаналитические понятия (роль ребенка, перенос, нарцисстические проекции), анализируя на их основе нарушения взаимоотношений в семье. *Под детской «ролью он понимает структурированную совокупность неосознанных родительских ожиданий – фантазий, которые предписывают ребенку выполнение определенной функции».*

Неосознанная склонность родителей-невротиков оживлять старый травматический опыт может привести к тому, что ребенок будет использован ими в качестве объекта для вымещения аффективных ожиданий, страхов и т. д., т. е. для разрешения, не переработанного эмоционального напряжения. При этом родитель может «путать» ребенка не только с другим партнером, но и с самим собой, в данном случае речь идет о нарцисстических проекциях. *Различие типов таких проекций состоит в том, что именно проецируется на ребенка: «Я» в целом, позитивный или негативный аспект родительского «Я».*

На основании клинической практики и специальных психологических исследований автор строит две шкалы, отражающие травматические роли ребенка: *ребенок как заместитель другого партнера* (прародителя, супруга, брата или сестры) и *ребенок как заместитель (двойник) родительского «Я»* (в целом, позитивного аспекта, негативного аспекта).

В интерперсональном психоанализе нарушения семейных отношений изучаются в рамках коммуникативного анализа, оперирующего понятиями **«интеракция» и «трансакция».**

Трансакция включает в себя, по меньшей мере, два коммуникативных акта: «стимул—ответ», «ответ на ответ». Э. Берн описал «игры» – циклически по-

вторяющиеся ситуации общения, смысл которых находится вне задач продуктивной деятельности и заключается в попытке сохранения своего «Я» путем изменения «Я» другого. Другие исследователи выявили трансакции, приводящие к нарушению детско-родительских отношений – связующие, делегирующие, отталкивающие. Клинически ориентированные работы этого направления посвящены трансакциям, **негативно влияющим на семейные отношения и развитие личности.**

На основе определения членов семьи, вовлеченных в патологические трансакции, А. М. Аренсдорф, Ю. Ф. Мак-Дермотт и другие авторы описали **типы семейной патологии:**

– **дето-реактивная семья** (интеракции опосредованы патологией больного ребенка),

– **родителе-реактивная семья** (интеракции опосредованы патологией у кого-либо из родителей),

– **супруго-реактивная семья** (над интеракциями доминирует супружеская конфликтность, при этом супруги по отдельности могут функционировать нормально),

– **неразрешенная три угловая семья** (патология у обоих родителей с интенсивным вовлечением кого-либо из детей в результирующий конфликт),

– **особо-тематическая семья** (интеракции определяются «семейными романами», которые разрабатываются родителями и разделяются всей семьей),

– **панпатологическая семья** (глобальное патологическое семейное функционирование, недоразвитое ролевое распределение, двусмысленный тип коммуникаций).

Представленные типы патологии семьи характеризуются, прежде всего, патологией интерактивной системы, как следствие нарушения интерактивного механизма экзистенциональной психодинамики социализации подростка. Патология интерактивной системы семьи предопределяет формирование интерактивного дефекта социализации.

Сущность интерактивного дефекта социализации усматривается, таким образом, в нарушении интеракций, причиной которых является индивидуальная патология ребенка, матери, отца или нескольких членов семьи одновременно.

Термин «патология семьи», как термин «патология образования», которыми я часто оперирую в своих работах, посвященных психологической теории Дефицитной патологии социализации, не являются общепринятыми для психологии развития. Это, наверное, и вызывает в мой адрес критические упреки специалистов в области девиантологии и превентивной психологии. Этот путь

избран мной как исследовательская позиция в разработке проблем социализации в условиях социокультурной трансформации российского общества.

Психологическая деформация социализирующейся личности подростка – это транзитная форма социализации, но процесс её формирования носит патогенный для личности характер. Вот почему я оперирую термином «патология семьи». Однако в данном исследовании основное внимание концентрируется на психологической деформации как следствии культурной дефективности интерактивных систем социализации. Для выявления сущности феномена культурная дефективность интерактивных систем социализации воспользуемся так же категорией «неблагополучная семья».

Имеющиеся критерии оценки семейных отношений ориентированы на когнитивную, эмоциональную или поведенческую сторону взаимоотношений. Степень согласованности этих трех компонентов в отношении выступает для практиков одним из важнейших критериев адекватности осознания объективной обстановки в семье и позволяет решать вопрос обоснованности и этичности осуществления *коррекции интерактивных дефектов социализации. Интерактивные дефекты социализации проявляются в качественных характеристиках интер-субъектности личности.* Отметим, интер-субъективность является интегральным показателем психологической готовности личности к социальному функционированию в интерактивных системах общества.

А если исходить из факта, что социальное функционирование – это психологический механизм самоактуализации и социализации, то категория *«интер-субъективность»* должна использоваться как *диагностический индикатор наличия или отсутствия культурной дефективности интерактивных систем.*

Формирование интер-субъектности личности как интегрального показателя качества психологической готовности к социальному функционированию, неразрывно связано с процессом интерактивной социализации в семье.

Интеракция – это взаимодействие, вызванное взаимной интерпретацией действий их участниками, а не реакциями на непосредственные действия друг друга.

Интеракция не синоним транзакции. В основе транзакции, как справедливо отмечает финский специалист по психологии социальной работы Ю. Хямляйнен, – представляет собой разновидность межличностного обмена.

В основе интеракции лежит, прежде всего, когнитивный психологический механизм, который обеспечивает взаимодействие личностей как основу социального функционирования. Это означает, что интерактивное развитие

личности связано с формированием социального интеллекта и социальной компетентности с одновременным развитием психо-культурной зрелости и социально ролевой готовности. Что все вместе и характеризует интерсубъективность личности как интегральный показатель целостного состояния её «Я-системы».

Семья создает для социализирующейся личности уникальную модель интерактивного развития через интериоризацию родительских отношений.

Родитель или другой значимый человек для социализирующейся личности – это зрелый, интегрированный человек, проработавший свой опыт – экзистенциального бытия, во владеющий аутокоммуникацией, которая строится на основе «Я – Я» отношения. Обладая такими качествами, он создает предпосылки для возникновения упорядоченности и интегрированности внутреннего мира социализирующейся личности, помогает ей организовать внутреннюю коммуникацию и внешние интеракции, и, тем самым, обрести себя.

Согласно коммуникативной теории интериоризации в онтогенезе общения ребенка с взрослым интериоризируется, прежде всего система межличностных отношений, именно в том виде, как она «записана» в структуре самого их взаимодействия.

Психические функции не только интериоризируются ребенком в процессе интеракции с взрослым, но и, что крайне принципиально, в ходе интериоризации сохраняют свои межсубъектные характеристики, т. е., будучи «вращенными» в сознание индивида, остаются диалогичными, «общенческими» по своей природе.

Таким образом, на основе данных представлений о механизмах интериоризации можно построить схему «вращения» конструктивных паттернов аутокоммуникации в сознание социализирующейся личности.

Воспитывающая личность, владеющая внутренним диалогом, основываясь на «Я – Я» отношении, привносит его в свое взаимодействие с социализирующейся личностью, строя на данной основе «Я – Ты» диалог с ним. Опосредованность «Я – Ты» отношения «Я – Я» отношением воспитывающей личности и «пропитанность» их, с одной стороны, задающим модальность межсубъектным взаимодействием, а с другой – особым, фасцилирующим коммуникацию, характером «Я – Ты» диалога являются одновременно условием и содержанием интериоризируемого паттерна взаимодействия с социализирующейся личностью.

Паттерн взаимодействия с социализирующейся личностью в интерактивной системе семьи характеризуется, прежде всего, родительской ролью.

О ролях воспитателей написано достаточно много, я же хочу остановиться на так называемых «патологизирующих ролях» воспитывающей личности.

Источники патологизирующей роли родителя раскрываются при аналитическом исследовании культурного потенциала (как единства интра-субъектного и интер-субъектного психологических потенциалов) воспитывающей личности.

Культурный потенциал личности не только откладывает отпечаток на шесть жизненно важных сфер проявления личности: Я-концепция; взаимоотношения; трудовая деятельность; эмоции; самоконтроль; сознание, но и определяет психологические установки личности в её воспитывающей роли.

Психологические установки в интеракциях воспитывающей личности с социализирующейся чаще всего, а на это указывают исследования Э.Г.Эйдемиллера, – ориентированы на реализацию психологических проблем самого родителя и полное игнорирование социогенетических потребностей социализирующейся личности.

Потребность в персонализации социализирующейся личности встает в семейной интерактивной системе в противоречие с интерактивным стилем родителей. Это и создает основания для формирования интерактивного дефекта социализации.

Интерактивный дефект социализации, таким образом, является следствием культурной дефектности интерактивной системы развития. Культурная дефектность интерактивной системы социализации определяется, прежде всего, тем, что интеракция не обеспечивает для развивающейся личности процесс целенаправленного формирования системы ценностей, социализирующейся личности, чтобы она была способна к *спонтанному самоуправлению своим поведением*.

А одной из этих ценностей, как указывает в своих лекциях «Философская теория ценностей» М.С. Каган, является осознание необходимости следовать культурным нормам поведения, выработанным в обществе, при известной мере критического отношения к тем ценностям, которые блокирует спонтанную активность личности.

Интерактивная система семейного воспитания личности рассматривается мной как психологический механизм культурогенеза личности подростка.

Культурогенез личности подростка – это системной интегрированный процесс освоения ценностей культуры, как главных регуляторов социализации как субъекта. Основу культурогенеза составляет культурация личности. *Культурация есть интериоризация ценностей культуры.*

Это означает, уровень культурогенеза личности определяется тем, какие ценности культуры определяют его культурацию. Для характеристики этого, нового для психологии развития, методологического подхода, который я определяю как *культурно-генетический*.

М.С.Каган в своей характеристике роли и функций общения, по сути, раскрывает культурогенез как психологический механизм формирования культурного потенциала личности. Суть этого потенциала состоит в том, что личность интериоризирует в интерактивных системах развития, не только нормативно-регулятивные механизмы общества (социогенез), но и усваивает и ценностно-регулятивные механизмы (культурогенез) культуры. Социальная деформация может явиться результатом патосоциогенеза, как это понятие раскрывает в своих работах С.А.Беличева. Нас же интересует психологическая деформация, обусловленная нарушением культурогенеза личности.

Психологическая деформация является результатом нарушения культурогенеза личности вследствие культурной дефективности интерактивных систем развития.

Нарушенный культурогенез личности или культурная дефективность личности возникает при условии:

- нарушения интрапсихического культурогенеза – **психологическая деформация личности;**
- нарушения интер-психического культурогенеза – **социально-психологическая деформация личности;**
- нарушение интерактивного культурогенеза – **культурно-генетическая деформация личности.**

Нарушения интерактивного культурогенеза личности чаще всего связаны с культурной дезинтеграцией интерактивной системы семьи.

Культурная дезинтеграция семьи характеризуется заменой интеракции на конфронтацию или отчуждение. Культурная дезинтеграция интерактивных систем социализации ведет к дезинтеграции личности. Формой такой дезинтеграции является личностная деформация.

Личностная деформация является следствием системного нарушения культурогенеза социализации, т.е. личностная деформация является результатом совпадения фаз нарушения интрапсихического, интер-психического и интерактивного культурогенеза личности.

Фактором риска возникновения личностной деформации является интерактивный дефицит психологических потенциалов социализирующей лично-

сти подростка, который порождает формирование цепи деформирующих личность, дефицитов.

Такой подход означает, что **в качестве культурно-генетического источника формирования психологической деформации социализирующейся личности подростка рассматривается система взаимосвязанных дефицитов**, а именно:

- дефицит интер-субъектных потенциалов личности;
- дефицит интер-субъектного потенциала личности;
- дефицит идентификации;
- интерактивный дефицит.

Четыре отмеченных дефицита образуют «квадра-синдром дефицитной деформации социализирующейся личности подростка» или «ДД – синдром».

Квадра-синдром психологической деформации характеризует систему взаимосвязанных психологических факторов нарушения интерактивного механизма экзистенциональной психодинамики социализации подростка.

Дефициты, в итоге своей интеграции блокируют трансформацию как результирующий психологический механизм социализации и формируют *кризис самоактуализации личности*. Вследствие этого, *возникает стагнация трансформации, – т.е. остановка действия результирующего уровня психологического механизма социализации, а значит и блокируется психологический механизм самоактуализации личности*.

Стагнация трансформации разрушает динамическое равновесие в системе «Личность и общество» и детерминирует кризис самоактуализации личности.

Кризис самоактуализации личности выдвигается нами как психологический индикатор нарушения интерактивного механизма экзистенциональной психодинамики социализации подростка.

Это нарушение и индуцирует механизмы психологической деформации личности подростка.

КОНЦЕПЦИЯ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТЕРМИНАНТ ДЕФЕКТА ИНТЕРАКТИВНОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ЛИЧНОСТИ

Методика исследования детерминант дефекта интерактивного культурогенеза личности подростка, разработанная для реализации конкретных исследовательских целей и является составной частью методики психологического исследования генезиса, феноменологии и коррекционных технологий психологической деформации социализирующейся личности подростка, которая имеет четыре блока.

Первый блок – программа психологической диагностики психологических потенциалов личности – интра-субъектного, интер-субъектного, интерактивного и потенциала идентификации.

Второй блок – это программа психологической диагностики интерактивных систем социализации.

Третий блок – экспериментальный, включающий методики генетико-моделирующего и генетико-трансформирующего эксперимента.

Четвертый – аналитический, ориентированный на аналитическую разработку феноменологии психологической деформации социализирующейся личности подростка.

Программа психологической диагностики представляет собой систему диагностических координат и диагностический инструментарий для исследования психологической деформации социализирующейся личности подростка.

Диагностические координаты исследования психологической деформации социализирующейся личности подростка определяются исходя из системной природы самого феномена психологического исследования. Это означает, что диагностические координаты исследования психологической деформации образуют своего рода диагностическую систему.

Эта система координат включает:

1. Подсистему диагностических индикаторов нарушения интрапсихического культурогенеза личности;
2. Подсистему диагностических индикаторов нарушения интерпсихического культурогенеза личности;
3. Подсистему диагностических индикаторов нарушения интерактивного культурогенеза личности.

Система диагностических индикаторов, представленная в нашем подходе, дает возможность исследовать психологические, социально-психологические и социально-педагогические детерминанты психологической деформации социализирующейся личности подростка. Каждая из этих деформаций образуют подсистемы психологической деформации:

1. Психологическая подсистема личностной деформации определяется с характером функционирования психологических механизмов социализации интрапсихической рефлексии, идентификации и трансформации.

2. Социально-психологическая подсистема психологической деформации характеризуется своеобразием социально-психологических механизмов социализации – адаптации, индивидуализации и интеграции.

3. Культурно-генетическая подсистема психологической деформации выявляет нарушения интерактивного культурогенеза личности, вследствие культурной дефектности интерактивных систем социализации.

Культурная дефектность интерактивных систем социализации может рассматриваться в контексте аксиологического конфликта интерактивной триады развития или в контексте аксиологического дефицита.

Термин *«аксиологический дефицит»* введен нами для характеристики культурно-генетической природы интерактивного механизма экзистенциальной психодинамики психологической деформации социализирующейся личности.

Аксиологический дефицит представляется как диагностический критерий для выявления культурно-генетической детерминанты психологической деформации личности подростка. А культурная дефектность интерактивной системы развития как условие, детерминация формирования аксиологического дефицита социализации. Аксиологический дефицит социализации и его следствие – личностная деформация, во многом определяются состоянием культурного потенциала воспитывающих личностей. Мои исследования учителей средних общеобразовательных школ в городе Кемерово (слушатели Кемеровского ИУУ- 470 человек) и в городе Новосибирске (курсанты факультета повышения квалификации 485 человек), показали, что у 87% имеются все признаки наличия аксиологического дефицита.

Таковыми признаками, которые выявлены на основе методики «Ценностные ориентации» М.Рокича, являются:

- 1) доминирование конформистских ценностей;
- 2) ограниченный перечень выбранных ценностей.

Исследование 1470 родителей, обратившихся за консультативно-психологической помощью в Институт психологии личности в городе Новосибирске, показало, что 94,5% имеют признаки аксиологического дефицита. Характерно, что одновременное обследование детей этих родителей выявило прямую зависимость их культурно-дефектного статуса с наличием аксиологического дефицита у родителей.

Мы ориентируемся на *аксиологический дефицит социализирующих личностей (которых точнее было бы определять как индукторов социализирующих интеракций)*, как основной источник культурной дефектности интерактивных систем социализации.

Такая ориентация весьма продуктивна с точки зрения психологической диагностики и коррекции психо-культурной деформации социализирующейся личности подростка. Она дает возможность выявить конкретные дефициты культурогенеза личности, а значит и конкретно определить «мишени» коррекционно-психологического воздействия.

Таким образом, приступая к разработке системы диагностических координат психологического исследования психо-культурной деформации личности подростка, я выдвигаю в качестве деформирующего личность основания культурную дефектность интерактивных систем социализации, которая обусловлена реальным существованием аксиологического дефицита как первоосновы дефицитной деформации личности подростка.

Диагностические координаты исследования психологической деформации на первых этапах моего исследования рассматривались в рамках основных психоаналитических подходов, которые я реализую в своей практике деятельности практического психолога – аналитика. Влияние такой исследовательской ориентации нашло отражение и при исследовании детерминант психологического механизма психо-культурной деформации личности подростка.

Этот *психоаналитический подход* основывался на идеях и конкретных методиках Ирвина Ялома, Отто Кернберга и Нэнси Мак-Вильямс.

Согласно этому подходу диагностическими координатами исследования личностной деформации – культурной дефективности личности являются: *уровень развития личностной организации; защитный стиль внутри этого уровня.*

Согласно психоаналитической традиции диагностики первое измерение психологической деформации – уровень развития личностной организации – отражает дифференциальный уровень индивидуации личности. Второе измерение – защитный стиль внутри уровня личностной организации – обозначает тип характера.

Разработка психоаналитического подхода в процессе исследования детерминант механизма психо-культурной деформации личности подростка, позволило выявить тот факт, который характеризует защитный стиль как индикатор интра-субъектного функционирования личности. А уровень развития личностной организации может определяться как индикатор интер-субъектного функционирования личности. Но такой вывод сформировался несколько позже.

Первоначально в своем исследовании придерживались технологических принципов и концептуальных установок авторов психоаналитической диагностики как метода исследования. Однако этот подход был нами модифицирован, в соответствии с целью и задачами исследования детерминант психологического механизма психо-культурной деформации личности подростка.

Психоаналитический подход выдвигает в центр исследования психо-культурной деформации социализирующейся личности подростка – феноменологию культурной дефектности личности: социально – коммуникативный механизм индивидуализации; аномалия характера.

В рамках психоаналитического подхода я выполнил программу исследования детерминант дефицитной патологии социализации подростка. Но для решения задачи исследования механизма зарождения аксиологического дефицита как фактора культурной дефектности интерактивных систем, опора на психоаналитический подход, была уже не достаточной. И я переориентировался на методы интерперсонального психоанализа, разработанные Г.С.Саливаном.

Интерперсональный психоанализ в отличие от психоаналитической диагностики личности позволил исследовать не только личность, но и сам интерактивный механизм её социального функционирования, и коммуникативную ситуацию взаимодействий социализирующейся личности подростка. Интерперсональный психоанализ предоставляет возможность исследовать культуру интерактивной системы социализации целостно.

А это значит, в исследовательское поле попадают одновременно основные компоненты культуры интерактивных систем социализации:

- субъекты интеракции (развивающий субъект и социализирующийся субъект);
- интерактивный стиль взаимодействия субъектов интеракции;
- аксиологические средства интеракции;
- интерактивная экспрессия и импрессия как реальное выражение функциональных состояний интра-субъектности (экспрессия) и интер-субъектности (импрессия).

Интерперсональный психоанализ как исследовательский метод детерминант психологического механизма психо-культурной деформации личности предоставил возможность целостного исследования культуры интерактивных систем социализации.

Практическая реализация этого метода дала возможность выйти на обоснование феномена «культурная дефектность интерактивных систем социализации».

Культурная дефектность интерактивных систем социализации, и её следствие – психо-культурная деформация личности подростка, в контексте интерперсонального психоанализа определяются, прежде всего, отношением личности к своему социальному статусу и потенциальными возможностями самоактуализации в этом статусе, определяемая при помощи методики оценки социально-психологической адаптации и самоактуализации личности.

Характер удовлетворенности статусом определяется через категорию «социальная фрустрированность», а потенциал личности, определяющий уровень самоактуализации через категорию «культурный потенциал».

Дефицит культурного потенциала личности, который выражается прежде всего в не способности на сознательном уровне совладать с социальной фрустрированностью, формирует ригидность «Я-образа». Это означает, что «Я-образ» социализирующейся личности утрачивает пластичность, утрачивает способность к динамике, адекватно стратегическим целям социального функционирования личности – самоактуализации и адаптации.

Значит, возникает противоречие между «Я-идеальным» и «Я-реальным». Возникает *интрапсихическая не конгруэнтность*. Она зачастую формирует у социализирующейся личности состояние эмоционального дискомфорта и индуцирует процесс когнитивного искажения, в том понимании как его трактует А.Эллис, а он, этот процесс, предопределяет диссонанс когнитивных и аффективных структур личности – *алекситимию*.

В совокупности социальная фрустрация, дефицит культурного потенциала личности, ригидность «Я-образа», интрапсихическая неконгруэнтность, эмоциональный дискомфорт, алекситимия и возникающая на этой основе интерпсихическая невключенность и являются диагностическими признаками психо-культурной деформации личности подростка. Эти признаки и обосновываются нами в качестве основы для формирования интрапсихической подсистемы диагностической программы исследования детерминант механизма психо-культурной деформации личности подростка.

Интрапсихическая подсистема диагностических индикаторов психокультурной деформации личности подростка представлена, таким образом, следующими индикаторами:

Исходный диагностический индикатор психологической деформации социализирующейся личности подростка – *социальная фрустрированность*.

Социальная фрустрированность – это вид психического напряжения, обусловленного неудовлетворенностью достижениями и социальным статусом личности в интерактивных системах культуры.

Социальная фрустрированность как индикатор личностной деформации образует постоянный фон эмоционального напряжения личности. Когда эмоциональное напряжение личности достигает критического уровня (под воздействием неблагоприятных для самоактуализации личности социальных ситуаций – стресс аккультурации). Личность прибегает к тем или иным мерам психологической защиты.

Психологическая защита снижает уровень напряжения эмоционального фона, но снижает и уровень адаптированности личности. Возникает феномен ДД – синдрома – малая адаптивность личности.

Дефицит культурного потенциала личности, ведущий к снижению адаптивности личности – констатирующий индикатор личностной деформации, который позволяет вскрыть способность личности противостоять критическим ситуациям её социального функционирования.

Адаптивность личность характеризует способность личности сознательно осуществлять управление своим адаптивным поведением в критических ситуациях и условиях эмоционального дискомфорта. Адаптивность личности свидетельствует об уровне устойчивости «Я-концепции» и прежде всего её такого компонента как «Я-образ».

«Я-образ» должен находиться адекватно социокультурной динамике той интерактивной системы, в которую личность включается. Это определяется при помощи индикатора ДД-синдрома – пластичность «Я-образа». Конкретное состояние уровня пластичности «Я-образа» характеризуется нами как тип изменений «Я-образа».

Для личностной деформации характерны ригидные типы «Я-образа».

1) Ригидность «Я образа» – дифференциальный индикатор психологической деформации социализирующейся личности подростка.

2) Ригидность «Я-образа» при психологической деформации свидетельствует о интрапсихической не конгруэнтности.

Интрапсихическая не конгруэнтность выражает реальное существование не соответствия (или интрапсихической конфронтации) актуально и идеального «Я-образа».

Интрапсихическая не конгруэнтность – культурно-генный индикатор психологической деформации, указывающий на дефициты культурного потенциала личности.

Культурный потенциал личности проявляется в следующем:

1. Познание, то есть путь постижения, интерпретации себя, других людей и событий,

2. Аффективность, то есть колебания, импульсивность и свойства эмоционального выражения.

3. Интрапсихическое функционирование личности, проявляющееся в способности управлять интра-психическими конфликтами.

4. Контроль над импульсивностью.

Культурный потенциал личности определяет психологические ресурсы адаптивных возможностей личности.

Адаптация в данном случае может рассматриваться как результат соответствия культурного потенциала личности культурному эталону идентификации, который принят в конкретной интерактивной системе общества.

Согласно А. Маслоу, удовлетворение основных базовых социогенных потребностей создает предпосылки личностного роста, не удовлетворение этих потребностей формирует тенденции жизни как дефицитной компенсации. И это естественно. Блокирует личностный рост. Личность, ориентированная на восполнение дефицита живет по законам культуры полезности. А эта культура жизнедеятельности человека создает дефицитные отношения и как следствие определяет формирование дефицита культурного потенциала личности.

Наличие дефицита культурного потенциала, определяет характер социально-коммуникативной компетентности и тип интер-субъектности личности.

Если следовать логике В. Шутца, дефицитный тип интер-субъектности личности проявляется при снижении включенности личности в интерактивные системы социального функционирования личности.

Интерактивная невключенность – функциональный индикатор личностной деформации.

В. Клименко выделил общие особенности личности не включенных подростков:

– конфликтность и неудовлетворенность характером складывающихся взаимоотношений с одноклассниками;

- наличие эго защитных реакций поведения, сформировавшихся на основе завышенной или неустойчивой самооценки;
 - различная степень тревожности в сфере межличностных отношений;
 - различная степень социально-психологической дезадаптации, маскируемая конфликтностью или уходом от проблем общения;
 - фиксирование на трудностях взаимоотношений со сверстниками, проявляющееся в агрессивно-защитных или пассивных формах поведения;
- наличие нравственных издержек в воспитании, асоциального опыта, характерологических изменений по типу акцентуации.

Стресс аккультурации как индикатор интрапсихической подсистемы диагностической программы исследования личностной деформации характеризует состояние социализирующейся личности, которая под воздействием когнитивного диссонанса или других форм критической ситуации утрачивает ценностные ориентации, которые еще недавно обеспечивали её самоактуализацию и развитие.

Стресс аккультурации характеризуется эмоциональным выгоранием личности. Это специфическое психологическое состояние личности.

Для него характерны:

- неудовлетворенность собой;
- неадекватное избирательное эмоциональное реагирование;
- эмоционально-нравственная дезориентация;
- переживание психотравмирующих событий критической ситуации;
- тревога и депрессия; ощущение бессилия;
- редукция ролевых паттернов;
- деперсонализация; эмоциональная отстраненность;
- эмоциональный дефицит.

Алекситимия – индикатор интрапсихической подсистемы программы психологического исследования психологической деформации, определяется, прежде всего, тем, что она характеризует когнитивно-аффективную ограниченность человека с личностной деформации. Это проявляется, прежде всего, в утрате способности вербализировать эмоциональные состояния и переживания личности.

Таким образом, приведенные выше диагностические критерии интрапсихической подсистемы личностной деформации позволяют говорить о том, что личностная деформация – это транзитный момент в развитии личности, когда естественная форма обособления как элемент психологического механизма развития *называется отчуждением.*

Отчуждение всегда порождает психосоциальную изоляцию социализирующейся личности подростка. Психосоциальная изоляция возникает как источник отчужденности только в случае подмены отношений интеракций на конфронтацию. Оценка этого состояния возможна только при условии, если, будут исследованы факторы, обуславливающие интер-психическое функционирование личности в интерактивной системе развития. Такое функционирование личности предполагает владение ею рядом психосоциальных навыков и умений, необходимых для включения в интерактивные отношения с носителем культурных ценностей. В обобщенном виде они выявляются при исследовании личностно-типологического и функционально-типологического статуса личности. Но, интер-психическое функционирование личности определяется также и мотивацией аффиляции, уровнем развития эмпатийных способностей, степенью интегрированности «Я-образа», интерперсональным типом личности и целостной характеристикой состояния его самоактуализации.

Исходя из этих позиций, и была определена подсистема интер-психических индикаторов для диагностической программы исследования личностной деформации. Они дают возможность выявлять индикаторы, выявляющие интер-психические механизмы личностной деформации. В совокупности с индикаторами интрапсихической подсистемы они образуют персональный блок диагностики проблем возникновения личностной деформации. Выявление этих индикаторов дает возможность дифференцированно подойти к исследованию детерминант личностной деформации.

Для этого представим интер-психическую подсистему индикаторов диагностической программы исследования личностной деформации.

Личностно-типологический индикатор интерактивной системы социализации, дает возможность диагностировать интер-психический контур актуализации «Я-образа» и культуру его самопредъявления.

Адаптация в данном случае может рассматриваться как результат соответствия культурного потенциала личности культурному эталону идентификации, который принят в конкретной интерактивной системе семьи. Адаптация личности осуществляется в процессе её включения в интерактивные отношения с другими личностями, своеобразие которого определяет функциональный потенциал личности.

Функционально-личностный индикатор интерактивной системы семьи предоставляет возможность выявить психосоциальные предпосылки личностной деформации, определяющий уровень социально-психологической готовности развивающейся личности к использованию интерактивных техник психоло-

гического управления процессом формирования культурного потенциала. По своей сути – это индикатор коммуникативной компетенции личности.

Акциональный уровень коммуникативной компетенции личности выражается в способности личности избрать адекватную интерактивной системе психологическую пристройку во взаимодействии с социализирующейся личностью.

П.М. Ершов указывает на то, что в пристройке реализуется система психологического опыта и уровня культурного социализации.

В характере «пристройки» находят себе отражение внутренний мир человека – и его жизненный прошлый опыт, и то, как он воспринимает и оценивает наличные окружающие его обстоятельства.

Индикатор самоактуализации личности в интерактивных системах семьи. Этот индикатор дает обобщенную психологическую характеристику роли семьи для самоактуализации личности. Он дает возможность определить уровень самоактуализации личности, а также степень независимости личности от внешнего для неё окружения. Это особенно важно. Если исследование личностной деформации связано с исследованием критических ситуаций социального функционирования личности.

Индикатор самоактуализации личности позволяет выявить аксиологический фактор (блок ценностей), который определяет ценностные ориентации самоактуализирующейся личности. К числу основных характеристик, раскрывающих содержание этого индикатора интер-психической диагностики личностной деформации можно отнести все показатели, которые характерны для выявления интер-субъектности личности. Что и означает значимость данного индикатора как интер-психического индикатора состояния интер-субъектности личности.

Индикатор мотивации аффиляции. Индикатор раскрывает два обобщенных устойчивых мотива личности, входящих в структуру мотивации аффиляции: стремление к принятию и страха отвержения.

Аффиляция – это характеристика стремления личности быть в обществе других людей для уменьшения тревоги и устранения чувства одиночества и отчуждения. Высокий уровень блокирования аффиляции страхом отвержения вызывает фрустрацию.

Индикатор эмпатических способностей, раскрывает возможности постижения эмоционального состояния, проникновение-вчувствование в переживание другого человека. Этот индикатор характеризует возможность использования в системе социального функционирования личности психологических механиз-

мов эмоциональной интеракции. А именно, сопереживание – переживание тех же эмоциональных состояний, что испытывает другой, через отождествление с ним; сочувствие – переживание собственных эмоциональных состояний в связи с чувствами другого.

Индикатор интегрированности «Я-образа». Этот индикатор определяет степень устойчивости Я-концепции личности. При этом фактором устойчивости обосновывается креативность. Обеспечивающая в рамках аутоконцептуальной позиции личности выстраивать отношения другими и с самим собой как стремление к творческой трансформации своих психологических механизмов самоактуализации. Индикатор интегрированности выявляет соотношение Я-реального и Я-идеального и динамику развития этого соотношения. Данный индикатор позволяет судить не только о динамической направленности Я-концепции как регулятора социализации, но и о степени его пластичности в условиях интер-психического функционирования личности. Снижение уровня креативности характеризует возможность личностной деформации.

Индикатор интерперсонального типа. Интерперсональный тип характеризует преобладающий стиль отношения личности к себе и людям, с которыми она вступает во взаимодействие. Интерперсональный тип вскрывает особенности межличностных отношений конкретного человека.

При исследовании межличностных отношений наиболее часто выделяются два фактора: доминирование-подчинение и дружелюбие-агрессивность. Именно эти факторы определяют общее впечатление о человеке в процессах межличностного восприятия. Они названы М. Аргайлом в числе главных компонентов при анализе стиля межличностного поведения и по содержанию могут быть соотнесены с двумя из трех главных осей семантического дифференциала Ч. Осгуда: оценка и сила. В многолетнем исследовании, проводимом американскими психологами под руководством Б. Бейлза, поведение члена группы оценивается по двум переменным, анализ которых осуществляется в трехмерном пространстве, образованном тремя осями: доминирование-подчинение, дружелюбность-недружелюбность, эмоциональность-аналитичность. С этих позиций и оценивается интерперсональный тип личности.

Интра-психическая и интер-психическая подсистемы индикаторов диагностической программы исследования личностной деформации могут быть использованы для экспериментально-диагностического исследования подростков и взрослых, не зависимо от социального статуса развивающейся личности. А предлагаемая ниже подсистема интерактивных индикаторов рассчитана на ор-

ганизацию исследования только в интерактивной системе семьи. Это значит, что предлагаемая программа ориентирована на исследование подростков и родителей, интерактивной системы семьи как аксиологической сферы формирования культурного потенциала личности.

Интерактивная подсистема индикаторов диагностики психологической деформации социализирующейся личности подростка.

Индикатор типа родительских отношений. Тип родительских отношений раскрывает особенности используемого ими воспитательного воздействия в интеракциях с подростками. Воспитательное воздействие родителей можно охарактеризовать при помощи трех факторных переменных: *принятие* подростка родителями – *эмоциональное отвержение* их; *директивность* со стороны родителей – психологическая *автономия* их; *последовательность* – *непоследовательность* в осуществлении родителями воспитательных принципов.

Под принятием (позитивным интересом) понимается, безусловно, положительное отношение к ребенку вне зависимости от исходных ожиданий родителей и от конкретных успехов ребенка. Принимающие подростка родители – это родители, эмоционально понимающие его, сочувствующие ему, своевременно реагирующие на потребности подростка. Тем самым такие родители создают у подростка бессознательную уверенность в том, что он нужен и интересен другим людям, в том, что он обладает необходимыми личностными средствами для достижения своих целей.

Эмоциональное отвержение рассматривается как отрицательное отношение к ребенку, отсутствие ласки и уважения, в крайних случаях – враждебность. Преобладание в детско-родительских отношениях игнорирования потребностей ребенка, чрезмерной строгости и агрессивности, как правило, приводит к формированию у него чувства опасности, недоверия к миру и людям, неуверенности в себе и тревожности.

Директивность родителей понимается как стремление к лидерству и власти, причем это стремление может выражаться как в доминантном поведении родителей и их стремлении управлять поведением подростка, так и в навязывании ему чувства вины и декларировании своей жертвенной позиции. Несмотря на то, что директивные родители заставляют подростка подчиняться нормам и правилам поведения, принятым в обществе, именно в семьях с ведущим директивным стилем взаимоотношений наиболее ярко выражены активные протестные формы поведения подростка: отрицание родительских ценностей, негативизм, чрезмерное стремление к независимости и самостоятельности, соче-

тающиеся с минимальной собственной ответственностью за происходящее с ним.

Под *автономностью* родителей понимается, прежде всего, отсутствие внимания к потребностям ребенка, погруженность в собственные переживания и дела, отсутствие эмоционального контакта и интереса. Автономность может проявляться также в излишней беспристрастности и формальности общения. В отличие от директивного стиля взаимоотношений подросткам в таких семьях предоставляется чрезмерная самостоятельность, основанная на равнодушии к ним. *Дефицит родительской отзывчивости* на нужды ребенка способствует формированию у последнего чувства беспомощности, одиночества и собственной ненужности. В крайних случаях это может привести к формированию у подростка чрезвычайно низкой оценки себя как личности и человеческой жизни вообще. Авторами методики показана положительная связь между автономностью родителей и высокой вероятностью возникновения у подростка социальной дезадаптации и психологической склонности к алкоголизации.

Непоследовательность воспитательной тактики со стороны родителей проявляется в резкой смене стиля отношений: от очень строгого к либеральному и наоборот, от психологического принятия подростка к резкому эмоциональному отвержению его. Преобладание непоследовательности в детско-родительских отношениях лишает подростка ощущения стабильности окружающего мира, провоцирует повышенную тревожность и формирует ярко выраженную экстернальную позицию и психологический инфантилизм.

Индикатор типа интерактивных ролей. О ролях воспитателей написано достаточно много, я же хочу остановиться на так называемых «патологизирующих ролях» воспитывающей личности.

О. В. Лишин, автор «Педагогической психологии воспитания», отмечает, что *одним из характерных нарушений семейных отношений психологи считают «патологизирующие роли», которые возникают в системе семейных отношений, чаще всего под влиянием одного из членов семьи, имеющего нервно-психическое расстройство и компенсирующего его ценой нарушения психического здоровья остальных ее членов.*

Одна из таких ролей носит название «расширение сферы родительских чувств». Ее вызывает к жизни нарушение взаимоотношений между супругами (развод, смерть, несоответствие характеров). Нередко при этом – чаще мать, реже отец – подсознательно возлагают на ребенка часть потребностей, которые в нормальной семье удовлетворяются в психологических отношениях супругов. Другая распространенная родительская «патологизирующая роль» носит назва-

ние «предпочтение в подростке детских качеств», связанное с гиперпротекцией (гиперопека).

«Проекция на подростка собственных не желаемых качеств» – еще один вариант «патологизирующей роли», порождающий для подростка эмоциональное отвержение его родителями, иногда—жестокое их с ним обращение. Причиной этому служит болезненное угадывание (отцом чаще, матерью реже) в ребенке своих, полу осознанных и не принятых им самим качеств.

Индикатор типа характерологических проекций в интерактивной системе социализации. Индикатор характерологических проекций в интеракциях позволяет выявить две конкретные проекции: характерологические проекции воспитывающей личности и конфликтные проекции межличностных отношений воспитателей.

Характерологические проекции чаще всего проявляются в коммуникативных ситуациях социализации только в том случае, если воспитывающая личность имеет акцентуации характера. Личность с акцентуациями характера в роли воспитывающей личности рассматривается мной как психопатическая личность.

Проекция конфликтных отношений в коммуникативную ситуацию социализации характеризует воспитывающую личность как конфликтную. Вот как определяет конфликтность личности А.И.Захаров. По его мнению, конфликтность личности – постоянное чувство внутренней неудовлетворенности, обидчивость, недоверчивость, упрямство и негативизм. По данным характерологического вопросника Т. Лири, оба супруга внутренне конфликтны, с низкой степенью само принятия. Негативно окрашенной «Я-концепции» противостоит «идеальная концепция я», в которую они хотели бы, но не могут верить

Интерактивный стиль воспитания, определяет уровень культуры как выражение интереса к социализирующейся личности. Интерактивный стиль родителей имеет множества модификаций, что обусловлено множеством оснований для формирования интереса к социализирующейся личности.

При духовно-личностном основании интереса к социализирующейся личности, воспитывающее воздействие строится с учетом её «внутренней картины мира», Я-концепции, субъективного восприятия себя и своего состояния.

При формально-функциональном основании интереса к социализирующейся личности, воспитывающее воздействие базируется на общих закономерностях коммуникативного взаимодействия, при обязательно – формальном соблюдении алгоритма этого взаимодействия.

Психологическим фундаментом фактора интереса является социальный интерес, в трактовке А.Адлера.

На страницах своего психологического бестселлера «Наука жить» А.Адлер пишет, что, так как мы считаем, что социальный интерес – это наиболее важный фактор в подходе к воспитанию и лечению. Нам бы хотелось уже на первых страницах прояснить значение этого понятия. Только смелые, уверенные в себе люди. Чувствующие себя в мире как дома могут извлекать преимущества, как из благ жизни, так и из ее трудностей. Они знают, что трудности существуют, но они также знают, что в состоянии их преодолеть. Они готовы к любым проблемам жизни, которые неизменно оказываются социальными проблемами. Чтобы быть человеком, необходимо быть подготовленным к социальному поведению.

В этой трактовке сущности понятия «социальный интерес» А.Адлер, по сути, раскрывает значимость фактора интереса в коммуникативной ситуации социализации как критерия психологической готовности родителей к интерактивному стилю воспитания, основанному на субъект-субъектных отношениях. В этом случае риск возникновения личностной деформации минимален.

Таким образом, представленные подсистемы индикаторов раскрывают *культурно-генетический подход к исследованию психологической деформации социализирующейся личности подростка*, позволяют определить *генетические источники дефекта интерактивных систем социализации, а значит и детерминацию дефицитов, определяющих культурный дефект личности и как следствие её деформацию в критических ситуациях социального функционирования и адаптации*.

Культурно-генетический подход интегрирует в исследовании психологической деформации социализирующейся личности подростка все аспекты личности как целостной психосоциальной системы.

В методике психологического исследования психологической деформации личности подростка впервые был использован метод «фокус-группы» с использованием еженедельной часовой программы Новосибирского радио, который позволил привлечь к участию в обследовании 750000 человек. Из них 1\3 подростки. В процессе использования метода «фокус-группы» в прямом радиоэфире получена исследовательская информация характеризующая индикаторы интерактивных потенциалов родителей и интер-субъектных потенциалов подростков.

Полученная исследовательская информация была подвергнута экспертной оценке с участием педагогов Кемеровской и Новосибирской областей.

Материалы, собранные мною в течение четырех лет личной работы в прямом радио-эфире новосибирского радио определили основные тенденции интерактивных стилей родительского общения и указали на тенденцию его развития в социокультурной ситуации стресса аккультурации.

В целостном рассмотрении любого явления принято выделять генетический, структурный и функциональный аспекты. Если понимать личность не как застывшую структуру, а как процесс, то и критериями здоровья могут выступать только характеристики процесса, а отнюдь не текущего состояния. Поэтому целесообразно рассматривать в качестве основного именно функциональный аспект личности, выделяя иерархию уровней ее функционирования.

Эти уровни описаны Е.Р. Калитеевской через различные «логики» поведения, различные принципы детерминации жизни личности и характеризуются различными механизмами регуляции личностью ее отношений с миром.

Первый – уровень психофизиологической регуляции, т.е. непосредственных побуждений. На этом уровне личность функционирует в реактивной логике удовлетворения потребностей.

Второй – уровень социоадаптивной регуляции, детерминации личности требованиями конкретной ситуации и конкретного социума.

Третий – уровень смысловой регуляции, детерминации личности ее отношениями с миром как целым, развернутыми во временной перспективе далеко за пределами текущего момента и конкретной ситуации. Здесь работает смысловая логика жизненной необходимости, если следовать логике Д. А. Леонтьева.

Четвертый – экзистенциальный уровень или уровень самодетерминации личности, ответственный за производство и изменение смысловых ориентации и управление своей смысловой регуляцией. Это уровень жизнотворчества через осуществление автономного личностного выбора на основе интеграции свободы и ответственности и обретения ценностных ориентиров. Только выходя на этот уровень, человек оказывается способным перестраивать свои отношения с миром, выступая субъектом изменений своей жизни.

Таким образом, понимая личность как процесс, можно представить ее как систему регуляции отношений человека с собой и с миром, как саморегулирующуюся систему, чувствительную к внешним влияниям, но способную к самодетерминации.

Деформация личности ведет к утрате высших уровней её психической регуляции, к утрате самодетерминации и разрушению как саморегулирующей

системы. И что особенно важно подчеркнуть, к задержке развития культурного потенциала.

Представленные психоаналитический и культурно-генетические подходы, к исследованию психологической деформации дополняя друг друга, формируют *культурно-аналитическую технологию психологической диагностики психологической деформации социализирующейся личности подростка*.

Экспериментальный блок программы психологического исследования дефицитной деформации социализирующейся личности подростка представлен методиками генетико-моделирующего эксперимента и генетико-трансформирующего эксперимента.

Теоретическим основанием обеих экспериментальных методик является теория Л.С.Выготского о развивающем обучении. Интерпретированная и экспериментально выверенная она позволила сформировать В.В.Давыдову новый тип эксперимента – генетико-моделирующий.

В.В.Давыдов обосновал генетико-моделирующий эксперимент как метод экспериментального развивающего обучения и воспитания.

Для нового типа эксперимента характерно активное вмешательство исследователя в изучаемые им психические процессы. Этим он существенно отличается от констатирующего эксперимента, выявляющего лишь сложившееся и наличное состояние той или иной психической функции.

Идея этого типа эксперимента начинает признаваться и в других странах. Так, в одной книге по социальной психологии, вышедшей на английском языке в 1989 г. («The social psychology of knowledge», Cambridge), отмечается, что необходимо признать единство исследования и практического воздействия, необходимо изучать целостную личность, включенную в «жизненный контекст».

Проведение эксперимента нового типа предполагает проектирование и моделирование содержания формируемых психических новообразований, психолого-педагогических средств и путей их формирования. При исследовании путей реализации такого проекта (модели) в процессе учебно-познавательной работы с детьми вместе с тем можно изучать условия и закономерности происхождения, генезиса соответствующего психического новообразования.

Только в генезисе, – писал крупный наш психолог П.Я. Гальперин, – раскрывается подлинное строение психических функций: когда они окончательно сложатся, строение их становится неразличимым, более того, – «уходит вглубь» и прикрывается «явлением» совсем другого вида, природы и строения.

Этот метод опирается на конструирование и реконструкцию новых программ социализации и способов их реализации. При этом экспериментальное воспитание и обучение осуществляется не как приспособление к наличному, уже сложившемуся уровню психического развития детей, а как использование в общении учителя-воспитателя с детьми таких средств, которые активно формируют у них новый уровень развития способностей.

Таким образом, генетико-моделирующий метод исследований выступает как метод экспериментального развивающего воспитания и обучения детей.

Разработка этого исследовательского метода представляет сложную задачу психологии, а его проверка и применение предполагают создание для этих целей специальных экспериментальных учреждений.

Для организации генетико-моделирующего эксперимента, обеспечивающего активное вмешательство психолога в процессы интериоризации и рефлексии, был создан Тренинг-центр Института психологии личности, а для обеспечения программы генетико-трансформирующего эксперимента было организовано негосударственное образовательное учреждение «Колледж психологии Института психологии личности».

Параллельно в городе Белово Кемеровской области психологом О.С.Калпаковой на базе информационно-методического центра была организована работа для осуществления задач генетико-трансформирующего эксперимента по нашей программе.

Генетико-моделирующий эксперимент был направлен на расширение психологических потенциалов социализирующейся личности подростка. Основной его формой являлся специально разработанной автором для решения исследовательских задач интерактивный тренинг социализации. Интерактивный тренинг социализации призван был решать задачи устранения дефицита культурного потенциала личности (интра-субъектно, интер-субъектного и интерактивного) как психологического основания для психологической коррекции психологической деформации социализирующейся личности подростка.

Генетико-трансформирующий эксперимент осуществлен в форме индуктивно-рефлексивного тренинга. Используя интерактивную рефлексивность, мы в процессе реализации программы индуктивно-рефлексивного тренинга, решали задачи индукции через активизацию рефлексии, и на этой основе достигали трансформации структур дефицита идентификации.

В качестве индуктивных средств экспериментальной воздействия использовались психотехнические методики психодрамы и социодрамы, описанные Э.Морено.

Участниками эксперимента выступили:

1) год в городе Новосибирске 35 учащихся девятых классов школ города отобранных на основе тестов социально-психологической адаптации (критерий – инадаптивность), самоактуализации (критерий – низкий уровень самоактуализации), тревожности Спилберга (критерий – высокий уровень личностной тревожности). Контрольная группа – учащиеся школы № 168 отобранные на основании этих же тестов и по идентичным критериям. Эксперимент в г. Белово полностью соответствовал методике и принципам организации новосибирской части программы исследования.

2) 1997 год программа эксперимента идентична предыдущему году исследования. Только для расширения информационного поля, полученных результатов исследования в контрольную группу введены три класса (уже 10 класс) школы №132 г. Новосибирска. Основную экспериментальную группу введены 17 подростков – студентов Колледжа психологии.

3) 1999 год экспериментальная группа расширена до 75 человек и выделена три уровня: уровень третьего года (для участвующих в эксперименте с 1996 года); группа второго уровня (для участвующих в эксперименте с 1997) и группа начинающих. В контрольную группу включены учащиеся 9-11 классов школы № 128 города Новосибирска.

4) 2000 год в эксперимент включены четыре экспериментальных группы и два курса студентов Колледжа психологии Института психологии личности и 12 микро-групп (по 3-5 человек) профессионально-технического училища интерната для инвалидов (органический дефект опорно-двигательного аппарата).

Четыре этапа экспериментальной работы предусматривали решение следующих задач:

1. Этап отработки коррекционных технологий интерактивного тренинга дефицитной деформации личности подростка.

2. Этап экспериментальной апробации коррекционной технологии минимизации дефицита идентификации и дефицита эмоционально-волевой регуляции.

3. Этап экспериментальной апробации коррекционной технологии устранения интерактивных дефицитов, через социально-психологическое научение интерактивной технологии ролевого действия.

4. Этап экспериментальной апробации коррекционной технологии игровой индукции устранения дефицитов рефлексивности.

Весь процесс генетико-моделирующего эксперимента отслеживался при помощи тестовой программы, описанной в диагностическом блоке.

Генетико-трансформирующий эксперимент основан на тех теоретических основах, что и генетико-моделирующий. Однако если генетико-моделирующий в своей основе формирует психотехническую систему культуры психологического образования личности (психотехническую систему культуры психогогики – воспитания психики), то генетико-трансформирующий формирует психотехническую систему психологической коррекции.

Психологическая коррекция представляет собой направленное психологическое воздействие на те, или иные психологические структуры с целью обеспечения полноценного развития и функционирования личности.

При определении целей психологической коррекции часто исходят из ее направленности на коррекцию неадекватных реакций и стереотипов поведения, т.е. межличностного взаимодействия. Однако неадекватные реакции и формы поведения представляют собой следствие более глубоких личностных нарушений, а это означает, что психологическая коррекция должна быть направлена на личность в целом. А точнее на те характеристики, которые являются системообразующими и отвечают за формирование интерактивного механизма экзистенциальной психодинамики социализирующейся личности. Таким системообразующим основанием для психологической коррекции в генетико-трансформирующем эксперименте стал интра-психический механизм рефлексии.

Мы не придерживаемся точки зрения, согласно которой осознание в целом отождествляется с рефлексивностью, а «закрытость» для осознанного отображения с арефлексивностью.

Как отмечает В.А.Лекторский, любое знание и прежде всего знание положении дел в мире внешних объектов, хотя и предполагает самосознание субъекта, в принципе не может быть сведено к рефлексии субъекта над самим собой.

Трудно согласиться называть рефлексивным, хотя и осознанное, направленное, но пассивное восприятие информации, «складирование» ее в архив памяти «на всякий случай», удовлетворение любопытства, привычку считывания. Рефлексивность рассматривается нами как специфическая форма осознания, связанная с самообращенностью сознания субъекта, т.е. как процесс мышления, направленный на самое себя, на свое собственное содержание, на свои границы и ориентации. Это не означает, однако, отрицания возможности выполнения воспринятым сообщением информационно-ориентационной функции даже в случае его неосознанности.

Роль процессов, происходящих в сфере подсознательного, естественно, велика. В ходе своего развертывания, отмечает Д.И.Дубровский, хотя мы и не согласны с его терминологией, «рефлексивность способна «производить» новые разновидности арефлексивного «содержания»... В свою очередь наличная арефлексивность задает новые направления и формы развертывания рефлексивности».

В настоящее время можно считать вполне доказанным, что информация взаимодействует и со слоем подсознательного в психике, вызывая поведенческие реакции.

Различение предметного и рефлексивного уровней осознания, которое довольно широко используется в исследовании научного познания, на наш взгляд, применимо и к исследованию осознания в коммуникативном взаимодействии, с учетом, естественно, его специфики, терминологически достаточно хорошо в историческом и социокультурном плане отраженной В.Ю. Боревым и А.В. Коваленко.

Первый из уровней осознания информации в коммуникативном взаимодействии, *предметный*, характеризуется лексико-грамматическим и эмоционально выраженным пониманием поступающих о предметах и явлениях природной и социальной действительности сведений, их запоминанием и поиском места воспринимаемой адресатом информации в своем информационном тезаурусе;

Второй же уровень, *рефлексивный*, означает,

во-первых, осознание потребителем (получателем, адресатом) социальной информации в факте воздействия на него со стороны коммуникатора (отправителя, адресанта информации) причины и цели такого воздействия,

во-вторых, вычленение адресатом из эмоционально-субъективной окрашенной формы сообщения инвариантного по отношению к форме содержания,

в-третьих, перевод данного содержания в программу, правило поведения, деятельности,

в-четвертых, осознание дефицита знаний, необходимых для построения программы деятельности («знание о незнании»).

Последнее, в свою очередь, возможно в процессе рефлексии как о полноте и целостности системы знаний, составляющих программу деятельности, а также об их непротиворечивости, так и о возможности существования альтернативных (пусть сначала и неясно очерченных) программ выполнения данной деятельности; причем к рефлексивному «знанию о незнании» мы относим знание о нетрадиционном «незнании», еще не сложившемся в рамках определен-

ных парадигм, в отличие от знания о традиционном «незнании», неизвестному данному потребителю информации, но овеществленному в известных для него носителях социальной памяти (что соответствует предметному уровню осознания информации).

В целом же рефлексивный уровень осознания информации в своем структурном развертывании характеризует становление коммуникативной компетентности потребителя информации. Как способности в коммуникативном акте понимать цели воздействия и, осозная их, переводить в программу своей познавательной деятельности и общения, что и составляет рефлексивно-компенсаторный механизм преодоления дефицитов идентичности как источника психологической деформации социализирующейся личности подростка.

Коммуникативная компетентность проявляется, следовательно, в рефлексии как наличие в осознании информации потребителем средств и норм его сознательного контроля над процессом роста информации, ее функционированием, трансформацией до уровня знания как программы деятельности, выявлении ее альтернатив. К коммуникативной компетентности в рефлексии надо отнести и критический анализ поступающей информации, сомнение в правомерности и надежности поступающих сведений, их, следовательно, оценку. Это означает, что в плане аутокоммуникации (как критерия коммуникативной компетентности) коммуникативное воздействие на духовный мир личности должно проявляться как процесс, инициируемый (рефлексируемый) самим потребителем как объектом коммуникативного воздействия, выступающего в данном случае как своего рода интра-субъект. *Коммуникативная компетентность* – это итог внутренней, рефлексивной работы личности, результат которой – *переработанная и освоенная* интра-субъектом информация, ставшая процедурой познавательной, преобразовательной деятельности и общения. Субъектом коммуникативного воздействия (коммуникатором) передача информации должна учитываться, следовательно, с позиций рефлектирующей деятельности объекта коммуникативного воздействия (потребителя, адресата) как интра-субъекта с целью закрепления положительных ценностей мира личности и нейтрализации отрицательных. С этой точки зрения надо говорить о коммуникативной компетентности субъекта (коммуникатора) коммуникативного взаимодействия. В коммуникативной компетентности данного субъекта должна учитываться и направленность рефлектирующего осознания информации ее потребителем на выявление предпосылок и механизмов создания того или иного информационного сюжета.

Рефлексивная процедура, как показывает В.С.Швырев, предполагает выявление и уточнение скрытых собственных предпосылок воспринимающего сознания и вместе с тем реконструкцию и усвоение воспринимающим сознанием предпосылок, на которых основана воспринимаемая позиция, т.е. «строительных лесов» той или иной мысли. Осуществляется в целом, по образному выражению М.М.Бахтина, применительно к гуманитарному мышлению (и не только к нему), диалог «особого вида: сложное взаимоотношение *текста* (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего *контекста* (вопросающего, возражающего и т.п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого. Это встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов... Второе сознание, сознание воспринимающего никак нельзя элиминировать или нейтрализовать”.

Таким образом, коммуникативная компетентность личности вне понимания ее рефлексивного характера остается недостаточно содержательно проработанной составляющей теории общения. Расплывчатость вне рефлексивного подхода к коммуникативной компетентности проявляется в отождествлении в ряде работ социально-психологического характера коммуникативной компетентности с культурой общения, с интерпретацией коммуникативной компетентности как системы внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в ограниченном круге ситуаций межличностного общения.

Включенности рефлексии в механизм коммуникативного процесса, в свою очередь, позволяет преодолеть и противопоставление коммуникации процессу общения. Противопоставление, приведенное в работе М.С.Кагана, считающего, что в коммуникации мы имеем дело с процессом однонаправленного движения информации от отправителя к получателю, а в общении же информация циркулирует между партнерами, обогащаясь и увеличиваясь в ходе ее циркуляции.

На наш взгляд, именно арефлексивность, включенная в ситуацию коммуникативного взаимодействия как коммуникативная компетентность, обязывает рассматривать процесс коммуникации как результирующую взаимно направленного движения информации. Общение же должно пониматься в этом случае в трех своих «ипостасях»: как коммуникативное, перцептивное и интерактивное взаимодействие.

Коммуникативные системы становятся системами общения, считает БА. Парахонский, именно в связи с коммуникативной компетентностью, которая

понимается в этом случае как сознание приемлемости или уместности высказываний в той или иной обстановке, как знание, позволяющее носителю языка создавать и понимать высказывания в контексте коммуникативного акта, что, на наш взгляд, необходимо связывает коммуникативную компетентность с рефлексивностью осознания информации.

Рассматривая рефлексию, Н.Г. Алексеев показывает, что в настоящее время акцент в понимании интеллекта как своеобразного «вместилища» возможно большего числа знаний смещается к его трактовке как органического синтеза ряда широких способностей:

- способности быстро осваивать необходимые знания, а не хранить их «в себе»;
- способности к реорганизации и перестройке уже имеющихся знаний... и т. п.

Существенное место среди них занимает способность к рефлексии, умению реконструировать и проанализировать понимаемый в широком смысле план построения собственной или чужой мысли, умение выделять в этом плане его состав и структуру, а затем, объективировав их, прорабатывать соответственно то, что перед собой ставим по целям.

Исходя из этого, можно выделить две диалектически связанные функции рефлексивного механизма осознания информации: инструментальную и редуционистскую.

Инструментальная функция рефлексивного осознания информации выступает как орудие (инструмент) упорядочения наших знаний, представлений о мире, как осмысление способов, методов и средств оперирования с поступающей информацией. Поскольку информация рефлексивно осознается как идеальный план осуществления цели, то снятие неопределенности, ограничение в программе поведения выбора действия, поступка характеризуется как *редуционистская функция рефлексивного осознания информации*.

Рефлексия как единство инструментальной и редуционистской функций такого осознания специфична в коммуникационном плане тем, что осуществляет сравнение сведений о том, что делается, с тем, что уже сделано; что предполагалось или предполагается сделать, с тем, что должно быть сделано. Таким образом, поступающая информация (в этом цель рефлексии) сравнивается с имеющейся у реципиента «моделью будущего». На основе такого прогнозирующего сравнения вырабатывается план действия, осуществляется активное управление своим (и чужим) поведением, направленным на решение определенной задачи. Следовательно, рефлексивное осознание коммуникативного

воздействия (коммуникативная компетентность) оборачивается превращением объекта информационного воздействия в субъекта как такового, параллельно превращению информационной формы знания в программу деятельности.

Нельзя не учитывать также, что коммуникативная компетентность как «собственная интерпретация» воспринятых сведений социально значима. Рефлексия, таким образом, выступает как оценка сообщения не только с личностно значимой точки зрения объекта информационного воздействия, но и с точки зрения других участников коммуникативного процесса:

(а) субъекта воздействия,

(б) других членов ретиальной (от лат. *rete* – сеть) коммуникации, связанной с обращением информации одновременно множеству лиц, для которых эта информация семантически значима.

В идеале достигается совпадение личных и наличных моментов коммуникации. Надо отметить, что в процессе коммуникативного общения адресанта с адресатом, связанного с передачей направленных блоков информации об экономическом, политическом, социальном, духовном развитии страны и регионов, о событиях международного характера особо проявляются следующие аспекты коммуникации, выступающей в этом случае инструментом воздействия на социальные общности и управления социальными процессами:

(а) воздействие на объект коммуникации с целью убеждения его в чем-либо;

(б) коммуникация причинно обусловлена определенными социальными формами, социально значимыми потребностями общества;

(в) общественная значимость конкретной коммуникации не всегда предсказуема и может не проявляться как положительная с точки зрения субъекта воздействия;

(г) в ходе коммуникации информация выступает как субстанция самопознания (воздействие с целью самопознания, пробуждения рефлексии).

С коммуникативной функцией социального общения инструментального характера органически связана, таким образом, функция социальной ориентации индивида, входящего в ретиальное множество получателей сообщения, ибо в этом случае респондент так или иначе должен учитывать вероятную реакцию ретиальной группы: сообщения не только информируют индивида, но и социально ориентируют его.

Все вышеперечисленные моменты характеризуют структуру рефлексивного отношения объекта коррекционного воздействия к поступающей информации: учет этой структуры позволяет формировать способность к рефлексии

как самоосознанию дефицитов психологического потенциала и проявления их в психологической деформации социализирующейся личности, и механизмов устранения.

Психологическая коррекция как специфический психологический механизм генетико-трансформирующего эксперимента базируется на фундаментальных положениях отечественной психологии, главными из которых являются:

1. Положение, разработанное в теоретической концепции В. Н. Мясищева, согласно которому личность является продуктом системы значимых отношений, поэтому эффективная психокоррекция немыслима без включения в коррекционный процесс и самого подростка, и его семьи.

2. Положение теории деятельности А. Н. Леонтьева, состоящее в том, что позитивно влиять на процесс развития – значит управлять ведущей развитием деятельностью, в данном случае воздействовать, на ведущую форму интерактивности подростка – идентификацию.

3. Разработанное Д. Б. Элькониным положение о том, что коррекционный потенциал игры заключается в практике новых социальных отношений, в которые включается человек в процессе специально организованных игровых занятий.

4. Положения теоретической концепции личности С. Л. Рубинштейна о формах психологических контактов между людьми.

Аналитическая программа методики исследования предусматривает решение следующих задач:

1. Аналитическое обоснование детерминант психологической деформации социализирующейся личности подростка.

2. В решении этих задач использовал ряд дополнительных диагностических методик. В частности психобиографическое интервью и аналитическое интервью по методике А.Кулагина.

3. Аналитическое обоснование диагностических индикаторов для феноменологической характеристики психологической деформации социализирующейся личности подростка. Для этого были осуществлены дополнительные (к основным, описанным в диагностической программе методики исследования) разработки индикаторов и их проверка в диагностической и коррекционно-экспериментальной работе.

4. Аналитическое обоснование критериев эффективности интерактивного тренинга дефицитной деформации личности подростка и метода игровой индукции интерактивной рефлексии.

5. Аналитическое обоснование концепции подготовки социальных работников как психологов социологов, специалистов в области диагностики и коррекции психологической деформации социализирующейся личности подростка.

Реализация теоретических положений методики исследования детерминант дефекта интерактивного культурогенеза осуществлена на основе использования психодиагностического и психоаналитического инструментария.

Концепция методики исследования, инструментарий и технологический алгоритм исследования детерминант дефекта интерактивного механизма культурогенеза личности определили основы формирования культурно-аналитического метода исследования психологических проблем социализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дефицитный культурогенез, который рассматривается культурно-генетической виктимологией, онтологически проявляется в форме культурного эскапизма.

Под эскапизмом принято понимать социальное явление, заключающееся в стремлении индивида (социальной группы, общности или ее части) уйти от реальной действительности общепринятых стандартов и норм общественной жизни в мир социальных иллюзий или в сферу псевдо деятельности.

Бегство от реальности может принимать самые различные формы – это и зависимости разного рода (такие как наркомания, алкоголизм), и многочасовое виртуальное общение, компьютерные и ролевые игры. Сюда можно отнести и более уважаемую в нашем обществе, но не менее вредоносную форму бегства – трудоголизм и многие другие способы избегания живого контакта с реальностью, с людьми, а главное – с собой. Многим людям трудно переносить одиночество, оставаться наедине со своими страхами, болью и неопределенностью. Бегство от этого кажется единственной возможностью сохранить себя, свою целостность и мир в душе.

Эскапизм (англ. escape – убежать, спастись) или эскейпизм – стремление человека уйти от действительности в мир иллюзий.

Мнимое стремление бежать от реальности может возникать в виде ответной реакции на постоянный и сильный стресс, вызываемый психологическими травмами, напряжённой работой, неспособностью создать адекватные мнимому цензу отношения с окружающими субъектами представления, не занятыми «напряженной работой». Часто возникает в кризисных ситуациях саморефлексии.

Любая активная деятельность (карьера, искусство, спорт, мода, ролевые игры и т. д.) может стать способом эскапизма, если человек использует её в качестве компенсации неразрешённых личных проблем. Способом эскапизма может стать и пассивная деятельность (просмотр фильмов, чтение книг, алкогольное или наркотическое опьянение, медитация и т. д.). Эскапизм может проявляться в виде физического ухода от мира (в глухие деревни, труднодоступные регионы), так и без этого – когда при отсутствии изоляции от общества, человек перестаёт проявлять интерес к известным ему и принятым в обществе ценностям, предпочитая мир своих грёз.

Эскапизм не является болезнью, и не занесен ни в какие медицинские справочники, хотя, будучи доведен до крайности сторонними причинами, может стать навязчивой манией.

В современном мире новые технологии и массовая культура дают огромное множество способов бегства от реальности: компьютерные игры, интернет, виртуальная реальность, кино, телевидение. Особый интерес психологов и социологов вызывает феномен онлайн-ролевых игр, в которых игроки полностью погружаются в вымышленный мир.

Нет смысла убеждать в абсолютной безвредности игр: зависимость, которую вызывают, например, компьютерные игры, по свидетельствам специалистов, преодолеть ещё сложнее, чем добиться ремиссии (лат. *remissio* – уменьшение, ослабление) – период течения хронической болезни человека или животного, характеризующийся значительным ослаблением или исчезновением её признаков) у героиновых наркоманов. Чрезмерное увлечение любой игрой может привести к тому, что игровые интересы окажутся для человека важнее реальных, события игровой жизни станут более значимыми, чем то, что происходит вокруг, а общаться он сможет только с другими участниками игры.

Для современного общества характерны низкий уровень коммуникативных навыков и высокая невротизация, а также отсутствие единой системы интеллектуальных и духовных ценностей. Все это порождает у людей выраженное чувство одиночества, непонятности и ненужности самым близким людям, а главное – самим себе. Результат – хроническая неудовлетворённость качеством повседневного общения, своеобразный коммуникативный и эмоциональный голод. Чувство одиночества, соединенное с необходимостью выполнять рутинные обязанности вместо того, чтобы следовать своим желаниям, способно привести человека в состояние хронического стресса. Стресс, если его вовремя не преодолеть, представляет серьёзную опасность для организма и психики.

Инстинктивное стремление спастись бегством при встрече с опасностью или противником, который заметно сильнее нас, дано нам самой природой. Если у человека возникло стремление сбежать от окружающей его реальности, это означает, что она перестала быть для него субъективно безопасной и приемлемой. И следует помнить, что люди, которые ищут пути бегства от реальности, делают это потому, что на самом деле остро нуждаются в помощи и поддержке окружающих.

Кроме бегства в Сеть или в ролевые игры существует другая не менее массовая форма эскапизма, а именно – принадлежность к так называемым субкультурам.

Субкультуры изучаются давно, глубоко и всесторонне. Впервые термин был введен американским социологом Т. Роззаком еще в 30-е годы XX века и первоначально обозначал отклоняющиеся от нормы, маргинальные виды соци-

альных групп. Позже теоретики 70–80-х годов и вовсе рассматривали субкультуры как своего рода общественную патологию.

Для России вопрос стал наиболее актуальным в постперестроечный период, когда, благодаря пассивности некогда авторитарного государства, умы молодежи захлестнула неограниченная свобода выбора. Однако всерьез о проблемах молодых заговорили лишь в начале «нулевых» годов. Тогда массовый эскапизм повернулся своей черной стороной: численность молодежи заметно сократилась, резко снизился ее интеллектуальный потенциал, а в сердцах подростков прочно закрепились основы криминальной морали.

Стремление к эскапизму вырабатывается как защитный механизм виктимной личности и одна из главных стратегий совладания синдромом выученной беспомощности – еще одним индикатором дефицитного культурогенеза личности.

Ведь деформация личности в процессе культурно-генетической виктимизации – это механизм деструктивной трансформации социально уязвимости – личной виктимности в специфический социальный тип – личность виктима: человека – жертву дефицитного культурогенеза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агеев В. С. Стереотипизация как механизм социального восприятия // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г. М. Андреевой, Я. Яноушека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 177-188.

Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход (фрагменты из «Авторитарной личности») // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 75-85.

Альмодовар Ж. П. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа // *Вопросы социологии*. М., 1992. Т. 2. С. 98–106.

Американская социологическая мысль. Мертон Р., Мид Дж., Парсонс Т., Шюц А. Тексты. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996.

Андреева Г. М. Методологические проблемы развития социально-психологических исследований в США // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 269–293.

Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С.271-284.

Бергер П., Лукман Г. Социальное конструирование реальности. М.: Асайепиа-Центр, Медиум, 1995.

Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С.144–171.

Богомолова Н. Н., Стефаненко Т. Г. Образы американца и советского человека в восприятии московских студентов и на страницах молодежной прессы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1991. № 3. С.3-11.

Бронфенбреннер У. Два мира детства: Дети в США и СССР. М.: Прогресс, 1976.

Васильюк Ф.Л. Типология переживаний различных критических ситуаций // Психологический журнал. № 5. 1995.

Белик А. А. Психологическая антропология: некоторые итоги развития // Этнологическая наука за рубежом: Проблемы, поиски, решения / Под ред. С. Я. Козлова, П. И. Пучкова. М.: Наука, 1991. С. 24-51.

Воробьева Л. И., Петровский В. А., Фельдштейн Д. И. Психологическая роль и место подросткового возраста в онтогенезе // Психология современного подростка / Под ред. Д. И. Фельдштейна. М.: Педагогика, 1987. С.6-36.

Вундт В. Проблемы психологии народов // Преступная толпа. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998. С. 195-308.

Выготский Л. С. Мышление и речь // *Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 5-361.*

Гальперин П. Я. К учению об интериоризации. – *Вопросы психологии, 1977, № 6, С. 26*

Голофаст В. Многообразие биографических повествований// *Социологический журнал. М., 1995.– № 1. С. 71–89.*

Давыдов Ю. Н. «Критическая социология» Франкфуртской школы // *Критика современной буржуазной теоретической социологии. М.: Наука, 1977. С. 162–203.*

Донцов А.Л., Жуков Ю.М., Петровская Л.А. Практическая социальная психология как область практической деятельности // *Введение в практическую социальную психологию. С. 7–21.*

Журавлев В. Нарративное интервью в биографических исследованиях// *Социология: методология, методы, математическое моделирование. М., 1993–94. № 3–4.*

Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 285 с.

Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // *Вопросы философии. 1968. № 6. С. 14–25.*

Ионин Д. Г. Феноменологическая социология // *Критика современной буржуазной теоретической социологии. М.: Наука, 1977. С. 95–141.*

Ионин Л. Г. Символический интеракционизм // *Критика современной буржуазной теоретической социологии. М.: Наука, 1977. С. 68–94.*

Ионин Л. Г., Осипов Г. В. Вступительная статья в кн.: *Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. С. 20–24.*

Кон И. С. К проблеме национального характера // *История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. С.122-158.*

Кон И. С. Маргарет Мид и мир детства // *Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988 а. С. 398-425.*

Кон И. С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры // *Социальная психология личности / Под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1979. С. 85-113.*

Кон И. С., Шалин Д. Н. Дж. Мид и проблема человеческого Я // *Вопросы философии, 1969, № 12. С. 85–96.*

Кравченко Е. И. Эрвин Гоффман. Социология лицедейства.– М.: МГУ, 1997.

Лебедева Н. М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество/ Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997 б. С.104-115.

Лебедева Н. М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997 в. С. 271-289.

Леденена А.В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блага в постсоветском обществе/ В кн.: Социологические чтения. М., 1997.– Вып. 2. С. 113–134.

Лекторский В. Позитивизм // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967, т. 4. С. 287–288.

Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С.251-261.

Ломов Б. Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. № 1. С. 3–17.

Лотман Ю. М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам, 17-24 авг. 1970 г. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1970. С.98-101.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.

Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. №1–2. 1995.

Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма // История буржуазной социологии XIX – начала XX века. М.: Наука, 1979. С. 104–252.

Радаев В.В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / В кн.: Социологические чтения. М., 1997. Вып.2. С.177–190.

Рейковски Я. Движение от коллективизма // Психологический журнал. 1993. Т.14. № 5. С.24-33.

Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Реферативный журнал «Общественные науки за рубежом». Серия 11. Социология. 1992. № 2. С. 160-190.

Рождественский С. Подходы к формализации жизненных историй качественными методами/ В кн.: Судьбы людей. Россия. XX век. М., 1996. С. 412–422.

Фрейд З. Почему война? // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. С. 257-269.

Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс. 1986.

Шихирев П. Н. Проблемы исследований межгрупповых отношений // Психологический журнал. 1992. Т.13. N 1. С. 15-23.

Шюц А. Структура повседневного мышления (пер. с англ.)// *Социологические исследования*. М., 1988. №2. С. 129–138.

Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках/ В кн: *Американская социологическая мысль*. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 526–542.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996 б.

Ясперс К. Ностальгия и преступление // *Собрание сочинений по психопатологии*: В 2 т. М.: Издательский центр «Академия»; СПб.: Белый кролик, 1996.

Научное издание

Руденский Евгений Владимирович

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВВЕДЕНИЕ
В КУЛЬТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКУЮ ВИКТИМОЛОГИЮ**

Монография

В авторской редакции

Подписано в печать 30.12.2012. Формат бумаги 60×84/16.
Печать RISO. Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз.
Заказ № 160.

ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет»
630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28
Отпечатано: ФГБОУ ВПО «НГПУ»